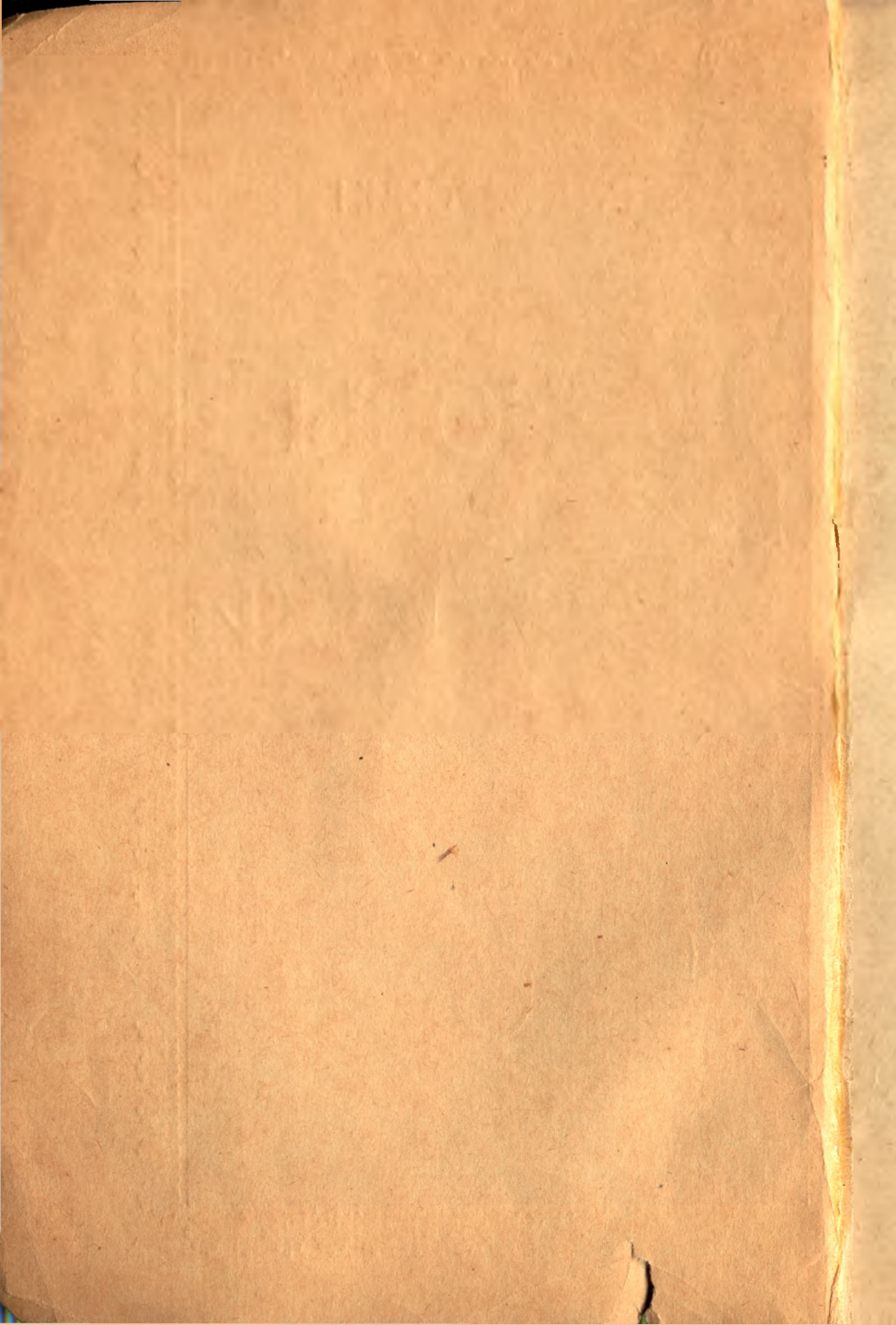

С. В. ВОРОНИН

ОСНОВЫ ФОНО- СЕМАНТИКИ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

С. В. Воронин

ОСНОВЫ ФОНОСЕМАНТИКИ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1982

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В монографии кратко излагаются в свете современных системологических воззрений основы разработанной автором новой интегративной ("стыковой") научной дисциплины языковедческого цикла – фоносемантики. Рассматриваются, в частности: принципы фоносемантики (в том числе важнейший для фоносемантики принцип не-произвольности, мотивированности языкового знака); психофизиологические основания звукоизобразительности; звуко-символизм в грамматике и в тексте; генезис языкового знака и языка в целом; категории фоносемантики; фоносемантические законы и закономерности (фоносемантические универсалии); элементы фоносемантической типологии; вариативные возможности фоносемантики.

Книга предназначена для специалистов в области общего языкознания и теории номинации, а также для студентов и аспирантов – филологов, интересующихся проблемами лингвистической типологии и мотивированных языковых систем.

Рецензенты: канд. филолог. наук И.А.Потапова (Ленингр. университет),
канд. филолог. наук Л.Г.Герценберг (ЛО Ин-та языкознания АН СССР), докт. филос. наук
М.С.Козлова (Ленингр. горный институт), докт. психолог. наук Г.С.Сухобская (НИИ общего образования взрослых АПН СССР).

В 4602000000 -121
076(02) - 82 КВ-6-033-82

Издательство Ленинградского университета,
1982 г.

ИБ № 1214

Станислав Васильевич Воронин
ОСНОВЫ ФОНОСЕМАНТИКИ

Редактор Л.А. Карпова Художественный редактор А.Г.Голубев
Технический редактор Г.М.Иванова Корректоры Н.М.Каплинская, М.Л.Малюткина

Подписано в печать 31.05.82. М-27964. Формат 60х84 1/16. Бумага тип. № 2.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 12,56. Усл.печ.л. 13,02. Усл.кр.-отт. 13,2.
Заказ № 3500. Тираж 2441 экз. Цена 1 р. 40 к.

Издательство ЛГУ имени А.А.Жданова
199164. Ленинград, В-164, Университетская наб., 7/9

Светлой памяти профессора
НАТАЛИИ НИКОЛАЕВНЫ АМОСОВОЙ,
учителя, наставника, друга

В В Е Д Е Н И Е

Пятьдесят с лишним лет назад Д. Вестерман писал: "Отношение между звуком и значением в языках пытались установить часто, но не всегда успешно. Языковедение сопротивлялось подобным попыткам, подвергая их сомнению или вообще не признавая, так как усматривало в них дилетантство. Все это не мешает, однако, тому, что подобные отношения действительно существуют ..." [33, с. 94]. Ныне мало кто отважится усмотреть в разработке проблемы связи звука и значения в слове дилетантство; теория фонетического символизма, — по выражению К. Ниропа, "одна из тех, которые пленяют ум" [174, с. 66], — получила неопровержимые доказательства со стороны экспериментальной психологии и типологического языковедения, а также в специальных исследованиях мотивированности языкового знака. Факты, свидетельствующие о принципиальной непроизвольности, мотивированности знака, чрезвычайно многочисленны. С расширением исследований по звукоизобразительности (ЗИ) выявляются все новые и новые факты, не поддающиеся адекватной интерпретации с позиций теории произвольности, немотивированности знака. Уже длительное время ощущается необходимость в разработке единой обобщающей теории ЗИ — теории, не только не исключающей, но и утверждающей семантическую функцию звука.

Едва ли не самая существенная черта научного познания на современном этапе — углубление междисциплинарных разысканий, сочетающееся со всеохватывающим системным подходом. Становится очевидной необходимость последовательного применения основных положений общей теории систем к изучению такого "междисциплинарного" объекта, как связь звука и значения в слове.

Целью этой книги является изложение и обоснование важнейших положений фоносемантики (ФС) — дисциплины, имеющей своим предметом звукоизобразительную (т.е. звукоподражательную и звукосимволическую) систему (ЗИС) языка, изучаемую с позиций пространственных и временных. Одна из важнейших задач книги — выработка принципов научного рассмотрения звукоизобразительности как универсального языкового явления.

Вступая в сферу звукоизобразительности, исследователь, подобно Алисе в Зазеркалье, делает шаг в мир, где многие привычные представления "не работают", где многое "не так", где многое "иначе". Изучая звукоизобразительность, приходится быть готовым отказаться от многих привычных, освященных вековой языковедческой традицией представлений, и быть готовым к выработке новой системы ценностей. "Мы стоим здесь перед началом изучения проблем, решение которых чрезвычайно важно для многих вопросов жизни языка, но представляет при этом исключительные трудности — если мы не хотим ограничиваться сферой чисто субъективных предположений и догадок", — эти слова В. Мейер-Любке [347, с. 81], написанные им о ЗИ-явлениях языка в начале века, не утратили в целом своего значения и в наши дни. "Чисто субъективных предположений" при изучении звукоизобразительности (впрочем, не одной лишь звукоизобразительности) можно, думается, во многом избежать, если последовательно применять принципы системного подхода. Понятия "система", "системный объект" уже давно получили широкое распространение в языковедческой науке. Однако за употреблением столь солидно и современно звучащей системологической терминологии редко стоит действительно последовательное применение принципов системного подхода. Для работ лингвистов — за немногими исключениями, такими, как, например, фундаментальные работы Г.П. Мельникова [168] и В.М. Солнцева [209], — "системность" продолжает оставаться преимущественно лишь лозунгом. В предлагаемой книге последовательное применение идей системного подхода играет важнейшую роль; благодаря в первую очередь системному подходу оказывается возможным прояснить целый ряд ключевых проблем звукоизобразительности и заложить основы фоносемантики.

Материалом работы послужили 10 500 ЗИ-слов из более чем 100 преимущественно не родственных между собой языков; при этом систематически привлекались такие языки, как английский, башкирский, индонезийский, а также селькупский, нанайский, зулу и ряд других языков.

Монография состоит из трех разделов. Раздел I посвящен рассмотрению вопроса о ФС как самостоятельной дисциплине. В разделе II трактуется ЗИС в пантопохронии. Раздел III посвящен теории ЗИС. В заключении подводятся общие итоги исследования.

Автор хотел бы благодарно упомянуть тех, кто так или иначе способствовал появлению этой книги; это — доктор филологических наук, профессор Н.Н. Амосова; доктор филологических наук, доктор психологических наук, профессор А.А. Леонтьев; доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР А.В. Десницкая; доктор филологических наук, профессор И.Н. Горелов; кандидат филологических наук, доцент В.Г. Аветян; кандидат филологических наук, старший научный сотрудник А.М. Шахнарович; кандидат филологических наук, доцент О.И. Бродович; кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Л.Г. Герценберг; кандидат филологических наук, доцент И.А. Потапова; кандидат филологических наук, доцент А.К. Оглоблин.

РАЗДЕЛ I

ФОНОСЕМАНТИКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Глава I. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОНОСЕМАНТИКИ

§ 1. Внешние предпосылки

Накопление наукой эмпирического материала, не поддающегося объяснению в рамках существующих теоретических построений, заставляет искать новые, интенсивные пути развития науки, что приводит к качественно новым теоретическим воззрениям, к кардинальным изменениям в объяснительном аппарате науки. Современные междисциплинарные исследования "на стыке" наук, расширяющие и углубляющие человеческое познание, способствуют глобальному диалектическому процессу интеграции знаний через их дальнейшую дифференциацию: возникают интегративные (гибридные, пограничные, стыковые) науки — такие, как биохимия, нейрокибернетика, математическая лингвистика. Исследование различного рода систем с целью выявления их общих структур, создания о них общей теории — характерная черта современного этапа развития науки [80, с. 5]. Системный подход — это детище XX века — справедливо рассматривается философами и системоло-

гами как историческая необходимость (см., например, [207, с. 71]). Существует глубокая внутренняя связь между возникновением интегративных наук и становлением системного подхода: в первом случае это возникновение в итоге междисциплинарных разысканий дифференцирующего процесса отпочковывания элементов новой науки от исходных научных дисциплин с последующей интеграцией этих элементов в рождающуюся новую "дочернюю" науку; во втором случае это распространение подхода к изучаемому объекту как к интегрированному и одновременно внутренне дифференцированному множеству. Именно в русле описанных выше интегративно-дифференцирующих процессов и системологических штудий видятся нам общенаучные предпосылки возникновения фоносемантики как новой самостоятельной языковедческой дисциплины. "Сложные системы любого вида ... не поддаются адекватному описанию в рамках одной традиционной научной дисциплины" [197, с. 9]. К системам именно такого рода относится звукоизобразительная система — объект ФС.

Рассмотрим логическое обоснование, логические предпосылки предлагаемого в настоящей работе введения новой самостоятельной языковедческой дисциплины — фоносемантики. Предмет ФС теоретически допустим, ибо он может быть самостоятельным (автономным) научным предметом. Доказательство последнего состоит в том, что предмет ФС есть ЗИС языка, изучаемая с позиции пространственных и временных, и эта система, как и любая другая, допускает самостоятельное рассмотрение.¹ Образование, именуемое ЗИС, действительно есть система в силу того, что язык в целом есть система,² а каждый компонент (элемент) системы — в том числе и любая ее подсистема — может в соответствии с принципом иерархизации рассматриваться как самостоятельная система.³ Наконец, — и этот эмпирический факт имеет решающее значе-

¹ Ср. [188, с. 57] — о возможности самостоятельного рассмотрения фонологической системы.

² Системность языка, постулированная еще Ф. де Соссюром [210, с. 53], ныне можно считать доказанной (см. особенно [106; 168; 209; 218]).

³ Разумеется, это не следует понимать упрощенно: степень жесткости связи между элементами внутри разных подсистем (степень "системности" этих подсистем) может быть весьма различна.

ние — системность предмета ФС в целом выявляется в ходе всего предпринимаемого здесь конкретно-лингвистического исследования. Теоретическая допустимость научного предмета говорит о возможности его введения; ясно, однако, что не все возможное целесообразно (необходимо). Целесообразность введения предмета ФС доказывается, на наш взгляд, тем, что в итоге его рассмотрения мы получаем принципиально новые результаты, принципиально новые закономерности, новое научное знание — знание, которое (как чисто эмпирически позволяет установить метод проб и ошибок) иначе как через теоретическое рассмотрение ЗИС в ее целостности добыть не удастся. Выше уже говорилось о самостоятельности предмета ФС. Однако самостоятельностью (пусть весьма относительной) обладает и предмет любого раздела той или иной дисциплины. Чтобы научное образование получило статус самостоятельной дисциплины, его предмет, как это представляется, должен быть уникален — в том смысле, что данный предмет в его целостности не поддается адекватному изучению в рамках любой из существующих ("старых") дисциплин, с позиций этих дисциплин, средствами этих дисциплин, в терминах этих дисциплин. Именно таков предмет ФС.

§ 2. Внутренние (лингвистические) предпосылки

Для существования ФС как самостоятельной языковедческой дисциплины имеются предпосылки не только потенциально-идеального плана, но и реально-материального: в ряде моментов (подчас независимо от ясно выраженного намерения авторов) ФС объективно уже существует, функционирует, "строит себя" (в основном, правда, это пока ограничено отдельными, зачастую никак между собой не связанными островками преимущественно эмпирического знания). Здание ФС мы возводим в целом не на "пустом месте", и предмет этой научной дисциплины представляет собой уже в определенной степени развитый научный предмет.⁴

⁴ В нижеследующем обзоре, не претендующем на исчерпывающую библиографическую полноту, даются лишь основные вехи и итоги изучения ономотопии (звукоподражания) и звукосимволизма.

Уже в древнейших мифах отражены первые наивные представления людей о происхождении языка, о его сущности. Центр тяжести мифологической трактовки языка лежит на отдельном слове — на имени. Согласно И.М. Тронскому, для архаического мышления имя нераздельно связано с вещью, является носителем его свойств, магическим заместителем [222, с. 24]. Первую из известных собственно истории языкознания попыток постановки вопроса о связи звука и значения мы находим в древнеиндийских Ведах. Для древних индийцев была характерна убежденность в существовании изначальной связи между самой вещью и ее наименованием. Ученые того времени пытались решить вопрос, каким образом слово передает значение, и приходили к выводу, что в звуках слова заключена сущность вещи. В Греции рассмотрением связи между вещами и их наименованиями занимались философы, положившие начало спору, продолжавшемуся веками и сохранившему свою остроту, хотя и в несколько измененном виде, и в наши дни. В основе спора лежал вопрос о том, принадлежит ли имя вещи "по установлению" — "тесей" (от гр. *ἔσθαι* 'установление', 'учреждение') или "по природе" — "фусей" (от гр. *φύσις* 'природа', 'естество'), т.е. называют ли слова вещи произвольно и связи между звуком и значением нет (либо она произвольна), или же слова называют вещи не-произвольно, "по природе" последних, и связь между звуком и значением есть, и она не-произвольна. Хорошо известен диалог Платона "Кратил", в котором приводятся взгляды сторонников как той, так и другой теории. Согласно новейшим исследованиям И.А. Перельмутера, Платон был, по-видимому, первым, кто высказывал идеи об ассоциациях между отдельными звуками и теми или иными качествами вещей; вопреки распространенному мнению, он положительно и со всей серьезностью относился к теории звукового символизма, проблемы которого волнуют лингвистов и в наше время [184, с. 149, 139, 134]. Платон от начала и до конца диалога утверждал мысль, что слово есть некое подобие предмета, более или менее совершенное отображение предмета; отстаивая эту мысль, Платон выступал как против Кратила, для которого слово представляло собой полное соответствие предмету, так и против Гермогена,

допускавшего лишь чисто условную, договорную связь между предметом и его названием [184, с. 140]. В последующем значительно расширился лингвофилософский круговор исследователей; проблема же связи звука и значения продолжала занимать умы таких разных ученых, как Св. Августин, Фома Аквинский, И.Л. Руссо, Р. Декарт. В России на связь звука и значения обращал внимание М.В. Ломоносов [154, с. 82]. В XVII-XIX вв. изучение ономотопеи (звукоподражания) и звуко-символизма (звукового символизма, символикки звука, фонетического символизма) идет в значительной мере в плане ономотоповстической (звукоподражательной) и междометной теорий происхождения языка. В этой связи следует назвать прежде всего работы Г.В. Лейбница [145], И.Г. Гердера [299], В. Гумбольдта [304], Г. Штейнтала [386], В. Вундта [420] и Г. Пауля [359], в которых различным образом развивался тезис об отприродной связи между звучанием слова и его значением. В работах ранних исследователей ЭИ было немало ценных и интересных наблюдений. Однако многие свои обобщения эти исследователи строили на весьма ограниченном фактическом материале, и методика исследования зачастую была недостаточно строгой; к тому же нередко непомерно расширялся и абсолютизировался принцип звукоподражания. Позднейшие исследователи отказались от поспешных обобщений и абстрактных умозрительных построений, обращая большее внимание на строгость научной методики исследования. В трудах современных авторов, писавших по проблеме происхождения языка, ономотопеи и звуко-символизма занимают значительное место. Среди важнейших работ следует назвать исследования Р. Пейджета [358] и его последователя А. Моханнессона [317], работы Г. Ревеса [365], А.Г. Спиркина [211], В.В. Бунака [267]. Теснейшим образом связана разработка вопросов звуковой изобразительности и происхождения языка в трудах Н.И. Ашмарина [14; 15], Д.В. Бубриха [29], А.М. Газова-Гинзберга [59; 60], И.Н. Горалова [75; 76].

Неоднократно и с самых различных позиций дискутировалась проблема ЗИ в плане теории языкового знака⁵ и его мотивированности — в "Курсе ..." Ф. де Соссюра [210], на Эрфуртском симпозиуме [421] и в многочисленных монографиях и статьях как иностранных, так и отечественных авторов [8; 9; 19; 169; 176; 268; 284; 355; 400; 409].⁶

ЗИ нередко изучалась в плане более узкой, хотя ничуть не менее важной, проблемы звуко-символизма. Здесь часто, особенно на начальном этапе, появлялись работы недостаточно высокого теоретического уровня; в них вопрос неправомерно упрощался, и далеко идущие заключения делались на основе весьма ограниченного материала. Начало теоретическому изучению звуко-символизма положил в 20-х годах О. Есперсен своей знаменитой работой о символизме (в первую очередь — в английском, а также в немецком и французском языках) гласного *i*; в этой работе он, в частности, писал: "В развитии языков звуковой символизм играет значительную роль — более значительную, нежели это признается большинством лингвистов" (см. [313, с. 283]). Звуко-символизм был предметом обсуждения на III и IX Международных конгрессах лингвистов [274; 251]. Предпринималась разработка проблемы звуко-символизма в экспериментальном и типологическом планах [83] и в общетеоретическом плане — на материале немецкого [378; 326], румынского [295; 369], фран-

⁵ О теории знака как общесемiotической категории см. прежде всего в трудах Ч. Пирса [360] и Ч. Морриса [350].

⁶ Особо следует отметить интереснейшие идеи Г.П. Мельникова об "орфонимии" (*орфа* 'правильно', *овофа* 'имя') — "давно зародившейся, но до сих пор официально не признанной отрасли языкознания", понимаемой как "совокупность принципов создания 'правильных имен'" [169, с. 5].

цузского [273], английского [261; 356; 395] языков. Продолжалось также обсуждение вопросов символизма отдельных звуков речи [272]. Однако уже на ранней стадии многим исследователям было ясно, что изучение звуко-символизма не может быть плодотворным, если строить исследование лишь на каком-либо одном языке (или группе близкородственных языков), не учитывая данных различных неродственных языков. Было ясно также, что обращение к данным психологии, и особенно экспериментальной психологии, настоятельно необходимо. Наиболее глубокому и систематическому рассмотрению проблема звуко-символизма подверглась в известных экспериментах Э. Сепира [372] и ряда других ученых, исследовавших это явление преимущественно с позиций психолингвистики⁷ [264, 349, 393, 394]. Подробный обзор работ до 1958 г. дается в книге Р. Брауна [263], в которой есть глава, посвященная специально звуко-символизму. Психофизиологические основы последнего рассматриваются в важной монографии Ж.-М. Петерфальви [362].⁸ Вопрос о звуко-символизме и в настоящее время представляет собой, по выражению Р. Якобсона, "одну из важных и увлекательных проблем языкознания" [308, с. 51].

Весьма часто вопросы ЗИ затрагивались при изучении экспрессивной речи [271; 291; 324; 330; 385], детского языка [75; 76; 242; 243; 335; 388; 410], стилистики и поэтики [12; 67; 136; 156; 182; 287; 297; 306; 384], психологии [283; 288; 410; 415].

Как видим, круг проблем, в связи с которыми изучалась проблема ЗИ, чрезвычайно широк, — да и сами эти проблемы имеют важнейшее значение для лингвистической науки.

Дадим краткий обзор ономастических и звуко-символических штудий по различным языковым ареалам.

⁷ Ср. замечание Я. Малколя о важности психолингвистики для изучения звуко-символизма, а также о том, что "психолингвистика, возможно, даст серьезные аргументы в пользу не-заслуженно дискредитированной ономастики" [337, с. 219].

⁸ О работах по звуко-символизму в отечественном языкознании см. на с. 13-14.

Имеется целый ряд работ [160; 323; 376; 408], построенных на и.-е. материале. Вопросы связи между звуком и значением в германских языках обсуждались в упоминавшихся уже трудах В. Вундта [420] и Г. Пауля [359]; применительно же к немецкому языку — в работах [71; 132; 301; 381]. Большой фактический материал по шведским звукоизображениям собран у А. Нурена [352], по датским ономотопам — у К. Ниропа [353], голландские звукоизображения рассматривались в статьях К. Стоттерхейма и К.Г.Н. де Воойса [391; 406]. Имеется целый ряд работ по СИ-лексике английского языка (см. [41; 46; 48]). Звукоизобразительности в романских языках посвящены труды М. Граммона [292] и И. Йордана [305]. Французские звукоизображения обсуждались в работах [292] и [129]. На анализе экспрессивных слов французского языка Швейцарии подробно останавливается в своей книге Р. Леман [330]. Относительно полно исследованы звукоподражательные и звукоименные слова румынского языка в трудах таких видных румынских языковедов, как И. Йордан [307], А. Росетти [368], А. Граур [294], а также в статьях чешского романиста З. Виттоха [418; 419]. Имеются работы, в которых рассматриваются вопросы связи звука со значением в испанском [276], итальянском [383], латинском [293] языках, а также в новогреческом [348]. Обширный материал по звукоизображениям одного из балтийских языков — литовского — был собран и интерпретирован А. Лескином [333]. Исследовались различные аспекты ономотопии и звукоименности в славянских языках [206; 220; 262; 322]. В русском языке СИ в целом остается относительно мало изученной; имеются лишь единичные работы, посвященные звукоподражательным словам русского языка [67; 92; 116; 117].

Работы по звукоименности в отечественном языкознании долгое время рассматривались, по словам А.А. Леонтьева, "как лежащие вне науки"; сама постановка вопроса о принципиальной возможности частичной мотивированности звучания считалась признаком приверженности языковеда "не тем" философским идеям [148, с. 105-106]. В последние годы, однако, здесь намечился

определенный сдвиг, о чем свидетельствуют исследования А.С. Штерн [246; 247] и ряд других, выполненных под руководством М.В. Панова (цит. по [148, с. 105]) и появление фундаментальных работ А.А. Леонтьева [149; 150], А.М. Газова-Гинзберга [62], В.В. Левицкого [142], А.П. Журавлева [98], И.Н. Горелова [75; 76], А.Н. Журина [100; 101]. Звуко-символизм рассматривается и в таких работах, как [17; 18; 45; 50; 52; 83; 93; 143; 183]. В целом, по определению А.А. Леонтьева, исследование звукового символизма "едва вступило, так сказать, в научный период" [148, с. 58].

Из других индоевропейских языков отметим осетинский, таджикский и хинди, в которых ономотопее и звуко-символизму посвящены специальные работы [5; 232; 239].

Остановимся вкратце также на обзоре исследований по ЗИ в неиндоевропейских языках – исследований, иллюстративный языковой материал и теоретические обобщения которых были использованы в настоящей книге.

Л. Хакулинен писал, что категория "дескриптивных слов" в финском языке "настолько многообразна и жизненна, что ее следует считать одной из наиболее характерных особенностей словарного состава финского языка" [234, с. 22]. В других языках финно-угорской группы изобразительные слова также широко распространены. Венгерские звукоизображения были предметом специального изучения у В. Скалички [205]; на них также обращали внимание З. Гомбоц [289] и К.Е. Майтинская [161]. Имеется ряд исследований по ЗИ-лексике в финно-угорских языках СССР. Среди них необходимо в первую очередь назвать статьи Д.В. Бурбиха и А.С. Кривошековой-Гантман [29; 134]. Подвергалась рассмотрению также изобразительная лексика самодийских языков [114]. На многочисленные "ономатопозитические воспроизведения" в алтайских языках обращал внимание Г. Рамсгедт [190, с. 223]. Он, однако, справедливо сетовал на недостаточную еще изученность ономотопеи: "Ономатопозитические слова часто обсуждались в связи с различными языками; однако, насколько мне известно, никто никогда не пытался исчерпывающе

и систематически исследовать этот вид слов" [364, с. 106]. Пионером в изучении ЗИ в тюркских языках был Н.И. Ашмарин. Его известные работы по чувашской мимологии [14, т. 2-5; 15], написанные более пятидесяти лет назад, не утратили своего значения и в настоящее время; наблюдения и выводы видного советского тюрколога нередко выходят за рамки одного конкретного языка и даже за рамки тюркологического исследования. Подражательные слова в тюркских языках подверглись дальнейшему исследованию Н.К. Дмитриевым [90; 91]. В турецком языке ономотопею и звукоимовизм изучали М. Биттнер [259], Х. Марчанд [339], А.Н. Кононов [127] и др. Н.А. Баскаков в своей монографии [21] подробно останавливается на анализе мимем каракалпакского языка. Подражательным словам якутского языка много внимания уделяет Л.Н. Харитонов [235]. Исследованы подражательные слова и в таких тюркских языках, как казахский [111; 119], киргизский [135], туркменский [236], узбекский [138], азербайджанский [303], башкирский [112]; по-новому — в плане системном и типологическом — рассмотрена башкирская ономотопея в диссертации Л.З. Лапкиной [139]. Имеются исследования по изобразительным словам в бурят-монгольском языке [237; 241]. Ряд работ посвящен изобразительной лексике в языках тунгусо-маньчжурской семьи — нанайском и эвенкийском [81; 120; 185].

Глубокую и оригинальную разработку проблемы ЗИ в семитских языках находим в трудах А.М. Газова-Гинзберга [59; 60; 62]. Так, книга "Был ли язык изобразителен в своих истоках?" не ограничивается семитологией; анализ материала ЗИ-корней более десяти языков четырех неродственных языковых семей приводит веские аргументы в пользу положения об исконной отприродной связи звука со смыслом при возникновении человеческого языка вообще. Автор предлагает классификацию ЗИ-корней соответственно истокам первичной ЗИ: 1) "внутреннее" звукоизображение (воспроизведение звуковых физиологических процессов,

производимых человеческим ртом и носом, а также аффективных выкриков — междометий в узком смысле слова); 2) "внешнее" звукоизображение (собственно звукоподражание); 3) озвучивание первоначально беззвучных "подражательных жестов рта и носа", подражающих движению или форме предметов; 4) "лепетные" ("детские") слова. Важным является принципиальное разделение автором "внешнего" и "внутреннего" звукоизображения. Убедителен последовательный и детальный (особенно в части "внутренней" ониматопеи) анализ звукоизображений, их семантики и обусловленности их фонетического состава. Чрезвычайно существенна, наконец, сама постановка вопроса о законах образования речевой СИ. Начато изучение СИ в плане ностратической теории [50].

Говоря об изучении проблем изобразительной лексики в африканских языках, необходимо прежде всего указать на классическую работу Д. Вестермана "Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках" [33]. С позиций палеотипологических подходов к проблеме идеофонов (СИ-слов) Р. Стопа [389]; рассматривая в структуре языка маргинальные, реликтовые явления (к которым среди прочих относятся ониматопея и звуко-символизм), автор показывает, в частности, какое большое значение для выяснения ранней истории человеческого языка имеют древнейшие слои материала современных языков, которые проявляются в "экстранормальной грамматике" — в частности, в идеофонах. Существует еще целый ряд исследований по идеофонам [100, 101; 102; 104; 105; 113; 115; 278; 346; 370].

Вопросы ониматопеи и звуко-символизма в индонезийских языках довольно большое место занимают в работах Ч. Максвелла [343] и Я. Гонды [290]. В своей большой статье Я. Гонда подверг резкой критике методы Ч. Максвелла, нередко без достаточных оснований относившего к звукоизображениям слова "нормальной" лексики. Я. Гонда проанализировал большой фактический материал и дал наброски классификации индонезийских ониматопов. Из других исследований укажем на статью Р. Уилкинсона [415]. Шагом в направлении системного исследования индонезийской ониматопеи явилась диссертация И.Б. Братуся [27]. С. Бернар-Тьерри [258] рассматривает типы звукоизображений в мальгашском.

Из языков других лингвистических ареалов мира ЗИ в определенной мере изучена в баскском [405], в кавказских языках [121; 375], в японском [128; 186; 238; 256], корейском [179; 342], в ряде языков Юго-Восточной Азии [94; 156], в семаи [277], а также в некоторых языках американских индейцев [329; 357; 371; 403].

Обозрев вкратце общее состояние изучения ЗИ по языкам, обратимся к вопросу о том, как обстоит дело с постановкой и решением конкретной проблематики интересующего нас явления.

Попытки систематизировать материал, разработать классификацию ономастов мы находим в основном у исследователей, работавших с английским материалом (подробно см. [46]). Классификации, предлагаемые А. Фрелихом [285] и Х. Марчандом [340], — первые попытки систематизации обширного и многообразного ЗИ-материала, и в этом их значение. Существенный недостаток их, однако, заключается в том, что звукоподражательные слова классифицируются этими авторами соответственно фонемам, но не типам фонем в составе звукоподражательного слова, и классификация, по существу, не получает требуемого выхода в экстралингвистику. В более поздних классификациях мы находим частичный выход в экстралингвистику [199; 255; 330; 417]. В целом ряде работ предпринимаются попытки установить отдельные закономерности в характере соотношения между ЗИ-словом и его денотатом [60; 241; 291; 301; 315; 325; 379]. Имеются также исследования, в которых ставится вопрос о словообразовательном статусе фонем ("фонестем") в составе ЗИ-слова [260; 261; 281; 302; 340; 351; 414]. В ряде источников мы находим упоминание о моделях в применении к словообразованию звукоподражательных и звукоименических слов [260; 261; 380; 401].

В 1969 г. в работе "Английские ономасты (Типы и строение)" [41] было проведено системное исследование английских звукоподражательных слов. Полученные результаты сводятся в основном к следующему. Разработана объективная классификация звукоподражательных слов английского языка по соотносимости их с денотатом. Показано, что все многообразие этих слов сводимо

к конечному числу классов, типов, моделей.⁹ Показано также, что между ониматом и его денотатом наблюдаются вполне определенные закономерные соответствия. Введено понятие фонемоти-па (акустического либо артикуляторного типа фонем) как важней-шего инструмента исследователя ЗИ. Установлено, что звукопод-ражательные слова в языке не представляют собою случайного скопления лексем — напротив, они образуют систему. К настоя-щему времени подтверждена универсальность разработанной в ра-боте [41] объективной классификации ониматопов. Наш матери-ал, в частности, показывает, что классификация принципиально "работает" в применении к таким языкам, как германские в це-лом, романские, славянские, турецкий, финский, семитские, бир-манский, японский, мальгашский. Эта классификация была положе-на в основу работ по таким разным языкам, как зулу [113, 115], самодийские языки [114], немецкий [71]. Она апробиро-вана также на индонезийском и башкирском материале в выполнен-ных под нашим руководством диссертационных исследованиях И.Б. Братуся [27] и Л.З. Лалкиной [139].

А.М. Газовым-Гинзбергом [60], Б.В. Хурковским [102] в нашей стране и В. Элем [354] за рубежом впервые проведено широкое сопоставительное исследование ЗИ-слов. Впервые задача систематического исследования ониматопии в отдельных языках (по единым основаниям) и типологического исследования онима-топов как языковых универсалий ставится *inter alia* в нашей статье [48], в которой также намечены перспективы и разрабо-тана программа дальнейшего изучения ЗИ. Начата (на материале индонезийской, английской и башкирской ониматопии) разработка фоносемантической типологии и фоносемантических универсалий [49; 51; 56; 57; 140].

Итак, то положительное, что сделано к настоящему времени в плане изучения ЗИ, состоит в следующем. Собран обширный фак-тический материал. Предложена универсальная классификация онима-топов. Экспериментально-психологическими и лингвотипологиче-

скими исследованиями безусловно доказано существование звуко-символизма в языках мира. Выявлены закономерности в характере соотношения между ЗИ-словом и его денотатом. Установлен слож-ный (в структурно-семантическом отношении) характер корня ЗИ-слова. Введено понятие фонемемы и фонемоти-па. Обращено вни-мание на применимость понятия модели к словообразованию зву-коизображений. Доказана системность ониматопии. Положено на-чало изучению типологии ЗИ-систем и фоносемантических универ-салий. Наряду с тем ценным и положительным, что уже сделано, следует обратить внимание также на те неизбежные минусы, ко-торые имели место при изучении ЗИ. Для ранних исследований характерны были низкий теоретический уровень и построение да-леко идущих обобщений на основе весьма ограниченного материа-ла. ЗИ чаще всего обсуждалась лишь в связи с различными дру-гими (хотя и очень важными) проблемами (проблемы сущности языка и его происхождения, проблема языкового знака, вопросы экспрессивной речи, детского языка, стилистики, психологии); лишь в редких случаях она рассматривалась как самостоятельный объект исследования. Изучение ЗИ в большинстве случаев не бы-ло достаточно строгим. Это находило выражение, в частности, в том, что ониматопия и звуко-символизм рассматривались недиффе-ренцированно. Обсуждаемые факты и устанавливаемые закономер-ности были разрозненными — ЗИ не изучалась в системе. Извест-ный тезис М. Граммона о том, что "ониматопия — это аппроксима-ция, но никак не точное воспроизведение (обозначаемого зву-чания. — С.В.)" [291, с. 97], никак не уточнялся позднейшими исследователями: по существу, не было попыток прояснить важ-нейший вопрос о том, "насколько приблизительной" является онима-топическая — как и звуко-символическая — аппроксимация, в каких пределах она действует, какими рамками она ограничена. В подавляющем большинстве работ совершенно недостаточно учиты-вался тот факт, что в любом языке образование (корневых) ЗИ-слов определяется двумя факторами — внеязыковым (не зависящим от данного конкретного языка) и языковым (манифестирующимся различным образом в зависимости от конкретного языка). Указан-ные моменты обуславливали то, что малоудачными были попытки

⁹ О моделях в ониматопическом словообразовании см. [43].

выявления объективно существующих в языке типов ЗИ-слов, установления их строения, выяснения точного характера соотношения "ЗИ-слово : денотат". Отмеченные минусы, однако, не должны заслонять от нас все то положительное, что к настоящему времени сделано в отношении изучения ономотопеи и звукосимволизма. Сделано было действительно немало, и справедливым будет утверждение, что налицо уже была значительная часть предпосылок теории ЗИ. Не было лишь самой теории, самой научной дисциплины.

В любой науке, как известно, выделяются эмпирический и теоретический уровни исследования и организации знания. Элементами эмпирического уровня фоносемантики являются многочисленные факты ЗИ, полученные с помощью наблюдений над языковым и речевым материалом и с помощью экспериментов лингвистами (в том числе и психолингвистами), психологами и психофизиологами и констатирующие качественные и количественные характеристики ЗИ-объектов (ЗИ-слов и фонем в составе таких слов, экспрессивных суффиксов, поэтического текста и т.д.). Исследователями обнаружено также много устойчивых повторяемостей в связях между эмпирическими характеристиками ЗИ. Число уже добытых эмпирических фактов и устойчивых повторяемостей чрезвычайно велико. Однако "сколько-нибудь серьезного теоретического осмысления", например, явлений звукосимволизма "до сих пор не существует" [148, с. 58]. Эти слова А.А. Леонтьева, написанные им более десяти лет назад, во многом верны и сегодня — не только для звукосимволизма, но и для всего феномена ЗИ. Фактов накоплено предостаточно; эти факты настоятельно требуют теоретического осмысления. Спорадические попытки такого осмысления, предпринимавшиеся в рамках фонетики и семантики, а также лексикологии, не могли привести к созданию единой общей теории ЗИ: интегративный, "стыковый" характер ЗИ объективно требовал создания новой интегративной, "стыковой" дисциплины, которая обладала бы достаточными объяснительными возможностями. Поэтому возникновение фоносемантики есть, в частности, реакция на ту ситуацию, которая к настоящему времени сложилась в лингвистике. Ибо постулат принципиальной

произвольности языкового знака и теория тесей, лежащие, соответственно, в основании всей современной синхронической лингвистики и глоттогонии, стали все чаще приходить в противоречие с фактами языка; чрезвычайно большое – и все возрастающее – число фактов языка (незвукоизобразительных, на первый взгляд, по своей природе) оказывалось необъяснимым в рамках таких традиционных языковедческих дисциплин, как фонетика и семантика, и с позиций постулата произвольности и теории тесей.

Г л а в а 2. ИСХОДНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 3. Фоносемантика: цель, задачи, проблематика, разделы

Фоносемантика рождается и утверждает себя на стыке фонетики (по плану выражения), семантики (по плану содержания) и лексикологии (по совокупности этих планов). Чрезвычайно важна связь ФС с глоттогонией, с этимологией, со сравнительно-историческим языкознанием, с типологией. В пределах языковедческих дисциплин ФС связана также с психолингвистикой.

Объект фоносемантики – звукоизобразительная (т.е. звукоподражательная и звукоинволическая) система языка. Предмет фоносемантики – звукоизобразительная система языка в пантопохронии. Термином "пантопохрония" ("пантопия" + "панхрония") мы обозначаем совокупность двух подходов к рассмотрению языковых явлений вообще и явления ЗИ в частности – подхода с позиций "топических", т.е. пространственных, и подхода с позиций "хронических", т.е. временных. "Хрония" – точнее, "панхрония" – включает традиционные синхронический и диахронический аспекты, а также генетический аспект (важность выделения которого будет показана ниже: см. § 24). Под вводимым здесь

термином "пантопия" мы понимаем рассмотрение языковых явлений как одного какого-либо языкового ареала, так и любой совокупности языковых ареалов; последнее предполагает типологическое рассмотрение языков.

Цель фоносемантики в самом общем виде можно сформулировать как изучение звукоизобразительной системы языка, в детализированном виде — как изучение звукоизобразительной системы языка на эмпирическом и теоретическом уровнях и построение общей теории этой системы, достаточно полно, последовательно и непротиворечиво объясняющей сложные явления и процессы звукоизобразительности в пантопохронии и обладающей необходимыми эвристическими возможностями. Если исходить из важнейшего свойства изучаемой системы (т.е. из того, что в системологии рассматривается как системообразующее свойство, или концепт), оказывается возможным дать также следующую формулировку цели ФС: изучение ЗИ как необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой не-произвольной фонетически (примарно) мотивированной связи между фонемами слова и полагаемым в основу наименования признаком объекта-денотата.¹⁰

При этом следует подчеркнуть, что звукоизобразительными являются не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью "между звуком и значением", но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа (подкрепленного "внешними" данными типологии) эта связь выявляется. Следовательно, ЗИ-слово — это слово, звукоизобразительное в своей основе, по своему происхождению. Этот момент имеет принципиальное значение. "Неучет" этого момента приводит к неоправданному принижению роли и числа ЗИ-слов, к полному искажению

¹⁰ Допустимо также говорить о "связи между звуком и значением в слове". Эта традиционная формулировка, однако, менее точна (см. § 23).

картины соотношения звукоизобразительных и незвукоизобразительных элементов в языке.

Задачи ФС целесообразно представить в единстве с ее проблематикой. Основные задачи, которые ставит перед собой ФС, сводятся к решению следующих важнейших проблем: особенности ЗИС в целом; звукоподражательная и звукосимволическая подсистемы; параметры, классы и типы звучаний; строение звукового денотата; универсальная классификация звукоподражательных слов; их типология; отражение признаков звукового денотата; ЗИ-функции фонем звукоподражательного слова; сенсо-, эмо-, воле- и ментакинемы; фоно- и мимеокинемы; синестезия и синестемия; критерии выделения звукосимволического слова; типология звукосимволических слов; отражение признаков незвукового денотата; ЗИ-функции фонем звукосимволического слова; звуко-символизм в грамматике; звукоподражание и звуко-символизм на уровне текота; происхождение языка; онто- и филогенетическая эволюция языка; категории фоносемантики; фоносемантические регулярности; эвристические возможности ФС.

Ахронически ФС подразделяется на общую и специальную (частную). Общая ФС имеет дело с наиболее общими законами и закономерностями звукоизобразительных систем языков мира, в отвлечении от какого-либо одного конкретного языка (группы языков). Специальная (частная) ФС связана с законами и закономерностями ЗИС какого-либо одного конкретного языка. В качестве самостоятельного раздела общей ФС должна быть выделена фоносемантическая типология (как самостоятельная дисциплина в рамках общего языкознания — наряду с фонологической, морфологической, лексической и семантической типологией); попытка дать начала фоносемантической типологии, в частности, и принимается в нашей работе. С учетом различных "хроний" следует выделить ФС синхроническую, генетическую и диахроническую (историческую, эволюционную).¹¹ Отметим при этом недо-

¹¹ Можно было бы также говорить о синхронии и диахронии, подразделив первую на "синхронию современного состояния языков" и "синхронию генезиса языка".

статочность не только чисто синхронного (структурно-функционального) подхода, но и подхода синхронно-диахронного (синхронно-исторического) и принципиальную важность триады "синхрония - генезис - диахрония". Что касается других разделов ФС, то они явствуют из всего содержания этой книги.

§ 4. Принципы фоносемантики

Исходным пунктом любой научной дисциплины, любой теории являются принципы - те философские и методологические основания, те первоначала, которые лежат в основе данной дисциплины и органически связывают все элементы ее теории в единую систему (ср. [IЮ, с. 68; II, с. 9-10]). Сформулируем важнейшие принципы ФС.¹²

Принцип не-произвольности языкового знака

Принцип не-произвольности языкового знака - первый и основной методологический принцип ФС. Он может быть назван также принципом мотивированности или не-произвольности связи между звуком и значением в слове. Этот принцип, противопоставляемый нами принципу произвольности языкового знака Ф. де Соссюра, являет собою конкретную манифестацию философского принципа всеобщей взаимосвязи явлений и объектов реальной действительности, о котором Ф. Энгельс писал: "Уразумение того, что вся совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом" [2, с.

¹² Заметим, что эти принципы отнюдь не априорны: научная дисциплина приходит к осознанию своих принципов уже после того, как ее объект в определенной мере изучен (как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне), а предмет - сформирован. При изложении же дисциплины логически оправдано поместить обсуждение принципов в начальных ее подразделениях.

35-36]. Это - глубоко содержательный принцип, и его не следует понимать упрощенно, в том духе, что сопоставлять можно любой объект с любым объектом, "даже папу римского с $\sqrt{-1}$ " [227, с. 90]. Этот принцип служит методологической основой системного подхода; последний, в свою очередь, дает в руки исследователя новые весомые аргументы в пользу принципа не-произвольности знака. Подчеркивая эвристическую роль этого принципа, А.И. Уёмов отвечает, что "история науки изобилует примерами установления связей между, казалось бы, совершенно не связанными друг с другом явлениями" [227, с. 9-10].¹³ История науки, впрочем, отнюдь не бедна и примерами отрицания - вопреки многочисленным фактам - связи между принципиально сопряженными друг с другом объектами. Яркий пример такого отрицания - принимаемый большинством лингвистов сосюрский принцип произвольности языкового знака, принцип, который, по выражению Р. Якобсона, "сам оказывается произвольным" [250, с. 396].¹⁴

Рассмотрим основные пункты, по которым принцип произвольности вступает в противоречие с общепhilosophическими принципами и современными системологическими идеями.

Прежде чем начать наше рассмотрение, необходимо напомнить точные формулировки Ф. де Соссюра и одно разъяснение Э. Бенвениста. Ф. де Соссюр писал: "Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. <...> Языковой знак есть, таким образом, двусторонняя психическая

¹³ Ср. у С.Н. Иванова, неизменно подчеркивающего важность обращения лингвистов к философским и методологическим основаниям своей науки: "Теоретическое познание, оперируя различными фактами и сближая иногда очень далекие друг от друга явления, как бы удаляется от них, но делает это только для того, чтобы приблизиться к ним, познать их глубже и четче - в их взаимной связи" [110, с. 67].

¹⁴ Ср. у Г.Н. Мельникова: "... вся история развития науки о языке изобилует нетривиальными результатами, заставляющими непредвзятого человека усомниться в непрерывности и универсальности положения о немотивированности "выбора" звучания языкового знака его значением" [169, с. 3].

сущность. <...> Связь, соединяющая означающее с означаемым произвольна ... Эту же мысль мы можем выразить проще: языковой знак произволен" [210, с. 99-100]. Декларируя произвольность (немотивированность) знака как произвольность отношения между означающим и означаемым внутри языкового знака, т.е. в пределах языка, Ф. де Соссюр в действительности понимал "произвольность" как немотивированность знака в целом (означающее плюс означаемое) по отношению к денотату, т.е. выводил "произвольность" за пределы языкового знака и, шире, за пределы языка. Перед нами, следовательно, не одна проблема, а две проблемы: первая - проблема "внутренней" произвольности языкового знака, "внутренней" связи между двумя сторонами знака (в терминах билаateralной концепции), вторая - проблема "внешней" произвольности знака, "внешней" связи между языковым знаком и внеязыковой сущностью - денотатом. Безусловное существование необходимой "внутренней" связи было показано еще Э. Бенвенистом [24, с. 91-92], и это решение проблемы ныне является фактически общепризнанным. Проблема же "внешней" связи и поныне продолжает оставаться тем великим водоразделом, по которому, как и в античности, проходит размежевание сторонников теории фисей и защитников теории тесей, приверженцев принципа мотивированности и адептов немотивированности языкового знака. В последующих главах мы надеемся доказать принципиальное существование естественной мотивирующей "внешней" связи. Здесь же важно выяснить, как согласуется соссюровский принцип с фундаментальными философскими принципами и с положениями системного подхода, общей теории систем.

Итак, приступим к нашему рассмотрению. Начнем с того, что принцип произвольности языкового знака естественным образом допускает "крайние" трактовки, в которых провозглашается независимость означающего от означаемого. Так, у Г. Хердана находим: "Самое важное с точки зрения математической лингвистики - это независимость звука от значения, подчеркивавшаяся де Соссюром ..." [298, с. IX]. Здесь кажется уместным привести справедливое замечание Б.Н. Головина: "... просто неверно (и это хорошо показывают факты различных языков), буди-

зукomorphicная структура слова (означающее) не зависит от его семантики (означаемое). <...> Никакого произвола в смысле независимости одной стороны слова от другой (материальной и семантической) в языке нет" [73, с. II4-II5]; ср. [172, с. 125]. Мы же подчеркнем следующий представляющийся весьма важным момент: независимость двух событий, как известно, может указывать на отсутствие какой-либо связи между наступлением этих событий, и трактовка принципа произвольности в смысле независимости означающего от означаемого объективно приводит к отрицанию, к "упразднению" вообще всякой связи между двумя сторонами слова. Этот принцип в его "крайних" трактовках вступает в противоречие с общесистемным принципом иерархизации: согласно последнему, каждый элемент ("высшей") системы может рассматриваться как самостоятельная ("нижняя") система. Как самостоятельная "нижняя" система (входящая в "высшую" систему языка), слово обладает субстратом (совокупностью элементов) - означающим и означаемым - и структурой - совокупностью отношений (связей) между означающим и означаемым.¹⁵ Лишив систему слова связи между элементами, исследователь лишает его структуры; система же без структуры - уже не система. Далее: принцип произвольности языкового знака в любой его трактовке противоречит философскому принципу детерминизма. Приведем здесь следующее характерное последовательно индетерминистское высказывание: "Говоря, что связь между знаком (в унитарной трактовке. - С.Б.) и тем, что он обозначает, является конвенциональной или, что то же самое, условной, я имею в виду отсутствие природной, естественной связи между знаком и означаемым, а также отсутствие детерминированности знака тем, что он обозначает. <...> Если значения ... детерминированы внешним миром, то выражающие их знаки (звучания) не детерми-

¹⁵ Всякая система есть единство субстрата (совокупности элементов) и структуры (совокупности отношений или связей). В вырожденном случае число отношений (связей) в структуре равно единице.

нированы ни внешним миром, ни самими значениями" [209, с. 101]. Принцип произвольности знака в значительной мере противоречит и принципу отражения (подробно см. с. 31-36). Обсуждаемый принцип также вступает в противоречие с тем, что называется "тенденцией к установлению взаимосоответствия между содержанием и формой" (эту тенденцию можно считать общей закономерностью существования и развития явлений). "... существует обширная область исключительно важных для человека явлений, относительно которых почти общепризнан постулат о принципиальном отсутствии такого соответствия. Речь идет о важнейшем средстве передачи информации в человеческом обществе - о знаковых системах и в том числе о языке. <...> Между тем едва ли можно подыскать аргументы, оправдывающие выведение знака из-под общей закономерности стремления формы и содержания к взаимосоответствию" [98, с. 6]. Наконец, принцип произвольности - в применении к "двустороннему" языковому знаку в целом ("языковой знак произволен") и к связи "означающее - означаемое" (якобы носящей произвольный характер) - противоречит современным системологическим воззрениям. Исследователи указывают на то, что скопление случайных, хаотических неупорядоченных предметов не есть система - систему образуют лишь внутренне упорядоченные объекты (ср. [209, с. 14]). Отмечают также, что структура есть внутренняя упорядоченность, организация, устройство системы (ср. [223, с. 43]; ср. также [209, с. 33]). И здесь следует подчеркнуть, что эта упорядоченность, организация, "не-произвольность" системы не может иметь своей основой произвольность, и связь (как составляющая структуры) в той упорядоченной, "не-произвольной" сущности, каковой является система, не может быть произвольной.

Итак, принцип произвольности оказывается уязвимым в плане как философском, так и системологическом.¹⁶

¹⁶ О том, что принцип произвольности уязвим и в плане такого закона становления языкового знака, как закон гомоморфности, и что он этому закону противоречит, см. § 25.

Парадоксально, но факт: Ф. де Соссюр, основатель системной лингвистики и в значительной мере провозвестник системного подхода как общенаучного феномена XX века, выдвинул в качестве основополагающего принцип произвольности языкового знака — принцип, который в любой трактовке оказывается противоречащим самой идее системности. В наиболее же "крайних" трактовках (ср. выше у Г. Хердана) этот принцип, объективно "упраздняя" связь между звуком и значением в слове, лишает стержневой элемент системы языка — элемент, вокруг которого строится вся языковая система, — структуры и тем самым системности. Получается своеобразное *contradictio in re*: система парадоксальным образом оказывается построенной относительно несистемного объекта, и она оказывается одновременно системой и не-системой. Этот парадокс, который мы назвали бы "парадоксом принципа произвольности" (или "парадоксом принципа немотивированности языкового знака"), должен, конечно же, иметь свое объяснение. Рассматривая парадоксы системного мышления, такие, как парадокс иерархичности и парадокс целостности, В.Н. Садовский указывает, что их содержательной основой является несоответствие между наличными познавательными средствами и системными задачами исследования, а основанием их возникновения служит то, что для системного описания мы вынуждены использовать несистемные по своей сути представления [197, с. 238]. В этом же русле, думается, лежит объяснение и "парадокса принципа произвольности". Стратегия преодоления парадокса будет, мы полагаем, состоять в создании общей теории ЗИ (изобразительной мотивации), в дальнейшей разработке теории описательной мотивации и в последовательном применении принципов системного подхода.

Утверждая принципиальную не-произвольность, мотивированность языкового знака, мы отнюдь не хотим сказать, что все без исключения слова в современном языке можно квалифицировать как мотивированные. Существует, разумеется, весьма и весьма много образований, которые не могут — по крайней мере, при современном состоянии этимологических разысканий — быть охарактеризованы как мотивированные. Как подчеркивает

Г.П. Мельников, "установлена неточность в формулировке ... семиотического постулата (о произвольности знака. - С.В.), выявленная еще Ч. Пирсом: требования универсальности знаковой системы приводят к желательности немотивированной связи между означаемым и означающим, а требования надежности делают необходимой "зацепку" за любые виды мотивированности, так что в любой реально существующей функционирующей знаковой системе, в том числе и в языковой, устанавливается динамическое равновесие этих противоположных тенденций, и понять истинную природу такой системы без учета компонента мотивированности принципиально невозможно" [169, с. 5]. В языке действуют два кода - естественный и конвенциональный (ср. [284, с. 252]). Языковой знак принципиально не-произволен; однако в "современной" синхронии он представляет собою двоякую сущность: он одновременно не-произволен и произволен. Причина такой двойственности нам видится в двойственности самого характера слова: оно с самого начала выступает в двух "ипостасях" - отражательной и коммуникативной (ср. § 22). Сторонники не-произвольности в языке отнюдь не отрицают существования произвольности. Речь идет не об альтернативе "произвольность или не-произвольность", а о принципиальной постановке вопроса: "произвольность, доминирующая над не-произвольностью, или же не-произвольность, доминирующая над произвольностью". Представляется, что справедливо последнее: в конкретном акте номинации выбирается некий признак объекта-дентата, полагаемый в основу номинации, - и в этом главном, определяющем, принципиальном моменте номинация не-произвольна, мотивированна; выбор же именно данного конкретного признака во многом случаен - и в этом более частном моменте номинация во многом произвольна, немотивированна.

Принцип детерминизма

Второй принцип ФС - принцип детерминизма. Современный материалистический детерминизм предполагает существование необходимых и закономерных связей, свойственных материальной

действительности и человеческому мышлению и являющихся одной из форм всеобщей взаимосвязи явлений природы и общества (ср. [216, с. 110]). Применительно к ЗИС языка, являющейся объектом ФС, этот принцип предполагает обусловленность звукового облика слова значением слова и, в конечном счете, признаками, свойствами денотата, точнее, "мотивом" – тем признаком (свойством) объекта-денотата, который по завершении "мотивировочного хода" ("хода мотивирующей мысли") кладется в основу номинации (ср. § 23).

Принцип отражения

Третий принцип ФС – принцип отражения. В философии данный принцип представляет собою важнейшую составную часть материалистической теории познания, исходящей из признания первичности внешнего мира и воспроизведения его в сознании, мышлении человека. "Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слежка (понятия) с нее, – подчеркивал В.И. Ленин, – не есть простой, непосредственный зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный ..." [4, с. 330]. Несмотря на такой сложный характер явления, категория отражения и сам принцип отражения весьма полно исследованы как в общефилософском плане, так и в плане многих конкретных наук (таких, например, как биология, психология, семиотика). Значительно меньше "повезло" отражению в лингвистике. Неслучайным и симптоматичным представляется тот факт, что в таких крупнейших коллективных начинаниях болгарских и советских философов, как "Ленинская теория отражения и современность" [146] и "Ленинская теория отражения и современная наука" [147], отражение рассматривается в целом ряде важнейших наук, но только не в лингвистике. Как правило, применительно к языку проблема отражения освещалась – *en passant* и лишь в связи с другими проблемами – с позиций общефилософских, системологических, семиологических (см., напр., [7, 34, 131, 178, 192, 212, 224] и многие другие). С позиций же собственно-лингвистических эта проблема исследовалась в незначительном числе работ [165, 177, 181, 204, 209, 231].

Недостаточная разработанность ряда кардинальных общеметодологических проблем в области языкознания привела к тому, что при рассмотрении соссюровского принципа "произвольности" языкового знака стали "призывать в свидетели" ленинскую теорию отражения. Между тем сослаться в данной связи на теорию отражения нет оснований, ибо принцип "произвольности" по самой своей сути противоречит принципу отражения, теории отражения (ср. [54]).

Обосновывая тезис произвольности языкового знака, исследователи ссылаются, например, на то, что "знаки или символы для В.И. Ленина ... не имеют "никакого сходства" с соответствующими вещами, являются именно условными знаками, но не копиями, снимками, отображениями и т.п." и тут же переходят к рассмотрению проблемы знаковости языка (так: [209, с. 97]). Следует, однако, заметить, что В.И. Ленин, во-первых, говорит не о знаках вообще (и, разумеется, не о языковых знаках в частности), а о трактовке ощущений как условных знаков. Во-вторых, он говорит не вообще о трактовке ощущений как условных знаков, а о такой трактовке конкретно у сторонников "теории символов" или "теории иероглифов" (Г. Гельгольд, Г.В. Плеханов). В-третьих, В.И. Ленин не просто говорит о трактовке ощущений как условных знаков, он выступает против этой трактовки и ее критикует. В-четвертых, Ленина интересует не "знаковость" иероглифизма как таковая, а решение им основного вопроса философии (иероглифизм, как известно, делал уступки идеализму и агностицизму) (см. [3, с. 244-251]).

В доказательство тезиса о произвольности языкового знака ссылаются также и на то, что В.И. Ленин "четко противопоставлял отражательные категории: ощущение, образ, представления, изображение и т.п. - знакам или символам" [209, с. 97];¹⁷ из

¹⁷ Появление такого рода трактовок даже в новаторской работе В.М. Солицева (являющейся одним из первых опытов последовательного творческого приложения к сфере языка плодотворных идей системного подхода) характерно для состояния разработки философской категории отражения и принципа отражения в языковедческой науке.

этого следует, что знак есть категория неотражательная. О том, что неверно противопоставлять знак отражательным категориям, мы скажем ниже. Здесь же отметим, что В.И. Ленин нигде — ни в "Материализме и эмпириокритицизме", ни в других своих работах — такого "четкого противопоставления" указанных выше категории не проводит; это и понятно, поскольку актуальным и жизненно важным для марксизма и философского материализма было дать отпор философскому идеализму, прежде всего эмпириокритицизму, по линии основного вопроса философии, но не по линии более частных (для философии) семиологических проблем.

Каков же категориальный статус знака: является ли знак отражательной категорией? Решение этого вопроса стоит в тесной связи с решением вопроса о содержании и форме отражения.

Согласно одному из распространенных определений, отражение есть "всеобщее свойство материи, заключающееся в воспроизведении, фиксировании того, что принадлежит отображаемому предмету. ... любое отражение несет в себе информацию об объекте отражения" [214, с. 11]. Явления действительности представляют собою, как известно, единство содержания и формы. Понятие же отражения, свойственного человеку, обычно обедняют, рассматривая его односторонне, сводя лишь к его идеальной, содержательной, образной стороне. Попытка представить отражение как-то само по себе, независимо от его обязательной знаковой формы, объективно ведет к допущению существования каких-то самостоятельных идеальных сущностей, лишенных материальной формы выражения. При подобной трактовке языковой знак и язык в целом выводятся за пределы отражательных категорий. Так, по В.А. Серебrenникову, знак лишен способности отражения [203, с. 110], по Г.В. Колшанскому, знак (в отличие от мышления) не является отражением действительности [124, с. 16-17]. Но в этом случае неизбежен парадоксальный вывод: мысль — категория отражения, однако "непосредственная действительность мысли" [1, с. 450], каковой обычно считают язык, — не есть категория отражения. Думается, что отражение, свойственное человеку, не исчерпывается одной лишь содержательной (мыслительной, образной, смысловой) стороной. Представляется, что

следует различать, как это делает, например, В.С. Тухтин [22а, с. 189, 217], содержание и форму отражения. На разных ступенях отражательного процесса (как мыслительного, так и речевого) конкретные манифестации содержания и формы отражения различны. На интересующей нас речевой (языковой) ступени содержание отражения — это значение слова (как образ или, в других терминах, как сущность, однородная с понятием), форма отражения — языковой знак (как материальная оболочка слова). Попутно заметим, что понимание словесного знака как односторонней материальной (звуковой или графической) данности (в унитаральной концепции знака) отнюдь не приводит — вопреки утверждениям сторонников билатеральной концепции — к "отождествлению" языкового знака со знаками прочих знаковых систем. Унитаральная концепция "лишь" позволяет рассматривать языковой знак (отнюдь не умаляя его специфики) в одном ряду с другими разновидностями знака как общесемиотической категории. Есть основания утверждать, что именно такой подход находится в соответствии с идеями и требованиями системного подхода. Подчеркивая момент соответствия, сходства отражающего и отражаемого, обсуждаемую философскую категорию рассматривают следующим образом: "Отражение (как всеобщее свойство материальных объектов) — реакция (изменение, отпечаток, след) любой вещи (явления), взаимодействующей с другой вещью: эта реакция всегда находится в определенном соответствии или сходстве с какой-либо стороной воздействующей на нее вещи. В основе этого соответствия лежат законы взаимодействия вещей" [22б, с. 184]. Указанное соответствие, сходство отнюдь не означает абсолютного совпадения: отражающее никогда не повторяет отражаемое каждой детали. Для нас здесь принципиально важно то, что особенностями тех или иных объектов действительности определяют, в конечном счете, существенные черты тех материальных образований, которые могут быть использованы в качестве знаков для выражения информации об этих объектах. Языковой знак как лингвистическая сущность детерминирован прежде всего экстралингвистически — обозначаемым объектом (денотатом). Таким образом, языковой знак являет собой форму, материальную сторону

отражения, свойственного человеку. Уже это заставляет признать его отражательной категорией.

Если исследователи отражения обращают непропорционально мало внимания на материальную, знаковую сторону отражения, на его форму, то исследователи (языкового) знака в большинстве своем отмечают отражательный характер знака (хотя далеко не всегда трактуют знак как форму философской категории отражения). Так, отмечают, что знак представляет собой средство абстрагирующей и обобщающей отражательной деятельности; подчеркивают также сигнификативную функцию языкового знака — функцию, являющуюся средством обобщенного, концептуального отражения действительности (например, [192, с. 25, 143]). Иногда указывают и на материальный характер знака как отражательной категории и на тот факт, что знак представляет собой материальную форму выражения мысленных и чувственных образов, в которых осуществляется отражение материального мира в сознании человека [16, с. 257; 191, с. 180]. По нашему мнению, отражательность знака вытекает, в частности, из того, что отсутствуют определенные соответствия между структурой элементов знака и структурой элементов денотата, и из того, что согласно современным представлениям знак есть разновидность модели (модель всегда отражает свойства своего оригинала, моделирование же интерпретируется как одна из форм отражения действительности), и из того, что знак — неотъемлемый элемент информационного процесса (информация неразрывно связана с отражением). Положение об отражательной природе знака соответствует материалистической точке зрения; именно это положение наилучшим образом согласуется с современными данными физиологии, кибернетики, системологии. Отражение объектов окружающей действительности в языковом знаке не следует, разумеется, понимать упрощенно — и это следует подчеркнуть. Дело в том, что развитый языковой знак относится к классу особо сложных феноменов, адекватное понимание которых возможно лишь в терминах так называемой превращенной формы (формы превращения).¹⁸ Оставаясь в целом

¹⁸ Об этом понятии см. [152, с. 47; 164, с. 386-389; 219, с. 92-112; 244, с. 159-160].

адекватным, отражение в языковом знаке претерпевает определенные искажения, обусловленные, в частности, двуступенчатостью отражения (двойным преломлением отражаемого) в знаке (ср. [204, с. 80-81]), много-многозначностью соотношения между знаком и объектом в номинации, относительной денатурализацией знака (частичной утратой им примарной мотивированности) в процессе эволюции.

Тот факт, что языковой знак (в любой трактовке - унитарной или билатеральной) есть отражательная категория, заставляет сделать вывод: принципиально знак не-произволен, мотивирован; отражение с необходимостью предполагает определенное соответствие между отражающим и отражаемым не только в идеальном (содержание, образ) плане отражающего, но и в материальном (форма, знак) плане последнего. Принцип произвольности языкового знака в значительной мере противоречит ленинской теории отражения и ее развитию в современной марксистской гносеологии; он противоречит самому принципу отражения. Принцип же отражения действует не только в сфере сознания и мышления человека, но и в сфере его языка - и не в последнюю очередь в сфере ЗИС.

Мы не случайно столь подробно останавливаемся на критике принципа произвольности языкового знака: отрицание его есть неизбежно утверждение принципа не-произвольности знака. Разумеется, помимо доказательства "от противного" ФС имеет в своем арсенале достаточно позитивных доказательств справедливости ее основного принципа - доказательств как общеметодологического характера (см. § 20), так и (что, пожалуй, наиболее существенно) конкретно-языкового эмпирического характера (см. гл. 4, 6, 7).

Принцип целостности

Четвертый принцип ФС - это принцип целостности. В соответствии с этим принципом постулируется первичность системы как целого над компонентами системы; акцент делается именно на целостности и интегративности свойств объектов. Свойства

системы как целого не сводятся к сумме свойств элементов, составляющих систему, а определяются интегративными свойствами структуры системы, порождаемыми специфическими связями и отношениями между элементами системы. Каждый элемент в системе связан с другими элементами, и его свойства нельзя понять без учета связей с другими элементами системы; описание каждого элемента не носит самодовлеющего характера, ибо элемент описывается не "как таковой", а с учетом его "места" в целом, с учетом его связей с другими элементами системы как целого.

Принцип многоплановости и его следствия

Пятый принцип ФС – принцип многоплановости (многоплоскостности) Он предполагает как обращенное "вовнутрь" максимально полное трехмерное, "объемное" описание звукоизобразительной системы в трех взаимосвязанных, но самостоятельных планах – синтагматическом, парадигматическом и иерархическом (см. следствия I–3), так и обращенное "вовне" описание целостной системы в плане ее связей со "средой". Относительно четвертого плана рассмотрения см. следствие 4. Из принципа многоплановости выводимы четыре следствия, представляющие собой более частные принципы, каждый из которых имеет отношение к одному из четырех планов рассмотрения. С л е д с т в и е I. Принцип систематизации. Он касается организации, рубрикации, приведения в определенный порядок конкретного эмпирического материала, по преимуществу "синтагматического". С л е д с т в и е 2. Принцип идеализации. В соответствии с этим принципом формируется абстрактный идеализированный объект. При этом идеализация неотделима от абстрагирующей "парадигматизации" конкретного эмпирического материала. С л е д с т в и е 3. Принцип иерархизации. Это принцип многоуровневости исследования. В общей теории систем принцип иерархизации обычно рассматривается [189, с. 9–10] как принцип иерархичности, а принцип многоплановости (многоплоскостности) – как требование, являющееся следствием принципа иерархичности. Понятие иерархии, однако, уже понятия многоплановости: иерархический

план оказывается лишь одним из планов рассмотрения ЗИС, а иерархизация — лишь одним из следствий принципа многоплановости (многоплоскостности). Согласно выделяемому нами принципу иерархизации система трактуется как сложное иерархическое образование, в котором выделяются различные взаимосвязанные уровни; к каждому элементу системы можно подходить как к самостоятельной системе. Любая система представляет собой, как правило, элемент системы более высокого порядка; элементы же любой системы, в свою очередь, обычно выступают как системы более низкого порядка. С л е д с т в и е 4. Последнее следствие — принцип, который мы называем "принципом экологизации", т.е. рассмотрения системы (и, следовательно, отдельных ее элементов) в неразрывной связи со средой. Принцип экологизации тесно связан с принципом иерархизации: среда может изучаться как более широкая система, в которую входит данная система (ср. [204, с. 64]).

РАЗДЕЛ II

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В ПАНТОПОХРОНИИ

Часть I. СИНХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Отдел I. ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ ПОДСИСТЕМА

Г л а в а 3. АКУСТИЧЕСКИЙ ДЕНОТАТ

Попытки связать звуковой (фонетический) облик звукоподражательного слова, или ономотопа, с характером звукового денотата мы находим у многих авторов (см. § 2). Однако вопрос заключается не в том, чтобы просто установить связь между звучанием ономотопа и его денотата (эта связь достаточно очевидна), а в том, чтобы проследить, какими в первую очередь акустическими параметрами (характеристиками) звучания-денотата обуславливается выбор того или иного типа фонем, входящих в состав ономотопа, при учете того, каково психоакустическое (психофизиологическое) преломление этих параметров. Любая классификация ономотопов, построенная без учета (психо)акустических характеристик различных типов денотатов, неизбежно оказывается субъективной и неполной. Поэтому мы должны обратиться за помощью к данным акустики и психоакустики.

§ 5. Параметры звучаний

Мы выделяем пять основных параметров звучаний.^I Параметр I - высота (в широком смысле): в едином параметре высоты зву-

^I Здесь дается лишь краткая сводка вопроса; подробно см. [40; 41].

ка отражаются основная частота и спектр звука (психоакустически — собственно высота звука и тембр). Параметр II — громкость; акустический коррелят громкости звука — интенсивность. Параметр III — время: соответственно временной характеристике звука можно подразделить на "мгновенные" (удары) и немгновенные (неудары). Параметр IV — регулярность (периодичность колебаний): по этому параметру различимы тоны (тоновые удары) и шумы (шумовые удары). Параметр V — диссонантность. В основе различения серии импульсов (или прерывистого шума) и амплитудной модуляции (тона) лежит один и тот же физиологический механизм [240, с. 100, 229]. Поскольку нет существенных различий в характеристике перцепции модулированного тонального сигнала и прерывистого шума (и то и другое звучание воспринимается как хриплое, шероховатое, диссонирующее), оба случая представляется возможным обозначить единым термином "диссонансы". Итак, то, что (психоакустически) наш слух воспринимает как один удар, в ряде случаев может акустически представлять собою не один удар (импульс), а небольшую серию ударов (минимум — два), интервал между которыми предельно мал. При увеличении интервала такая небольшая серия ударов еще ощущается как один удар, но уже не как "обычный" удар, а как хриплый, диссонирующий удар, как диссонанс, носящий характер удара; такое звучание удобно для краткости обозначить термином "квазудар". Если серия ударов достаточно велика, чтобы ощущаться как длящееся звучание, и если частота следования ударов достаточно высока для того, чтобы каждый удар уже не ощущался обособленно, но в то же время эта частота не столь велика, чтобы удары слились в единый непрерывный слитный неудар, то в этом случае мы имеем дрожание, собственно серию ударов, ощущающуюся как таковую; звучание подобного рода представляет собою чистый диссонанс, диссонанс в его наиболее "чистом" виде (см. также § 6, 7).

§ 6. Классификация звучаний

Выделенные пять основных параметров служат основой для объективной характеристики звучаний и выявления классов и типов звучаний, находящих отражение в звукоподражательной подсистеме языка. По параметру I (высота) звучание любого типа характеризуется в количественном отношении как "низкое" либо "высокое". По параметру II (громкость) звучание любого типа характеризуется (также в количественном отношении) как "громкое" либо "тихое". По параметру III (время) выделяются два качественно различных класса звучаний – удар и неудар. Этот же параметр в применении к классу неударов дает разделение звучаний на краткие и длительные (характеристика длительности). По параметру IV (регулярность) среди неударов выделяются два качественно противопоставленных класса – шум и тон, или шумовой и тоновый неудары. Шумовой неудар – это либо чисто шумовой, либо тоношумовой неудар. При рассмотрении звучаний в плане временной характеристики выделялись прежде всего два больших, наиболее четко противопоставленных друг другу класса – удар и неудар. Однако удар – это, в сущности, "сверхкраткий" неудар (настолько краткий, что человеческое ухо не успевает оценить его по временной протяженности и ощущает как отдельный импульс); неудар же можно в принципе рассматривать как "сверхбыструю" серию ударов (настолько быструю, что наш орган слуха не успевает регистрировать отдельные импульсы, и они сливаются для нас в единое звучание). Между этими двумя крайними полюсами необходимо выделить еще один класс звучаний: это – прерывистый неудар, или, что в принципе то же самое, быстрая серия ударов, ощущающаяся как диссонанс. Диссонанс – как и качественно противоположный ему недиссонанс – выделим по параметру V (диссонантность). К недиссонансам относятся как удары, так и неудары; диссонансы же представляют собою серию ударов. Мы можем теперь выделить три класса звучаний: А. Удар (недиссонанс). Б. Неудар (недиссонанс). В. Серия ударов (диссонанс). Или, что то же самое: А. Удар. Б. Неудар. В. Диссонанс. Необходимо различать три разновидности диссо-

нансов (серий ударов): диссонирующие удары (квазиудары), чистые диссонансы (собственно серии ударов) и диссонирующие неудары (квазинеудары); последние могут быть шумовыми либо тоновыми, шумовые же — чисто шумовыми либо тоношумовыми. Принимая во внимание указанные моменты, а также имея в виду, что к недиссонансам относятся удары и неудары, и последние разделяются на шумовые и тоновые (шумовые же на чисто шумовые и тоношумовые), мы приходим к девяти типам звучаний: I. Удар. II. Тоновый неудар. III. Чисто шумовой неудар. IV. Тоношумовой неудар. V. Квазиудар. VI. Чистый диссонанс. VII. Тоновый квазинеудар. VIII. Чисто шумовой квазинеудар. IX. Тоношумовой квазинеудар.

§ 7. Строение данотата

Звучание, относящееся к любому из девяти типов, психоакустически воспринимается как неразложимое, простое звучание. Акустически, однако, эти девять типов звучаний структурно неоднородны. Так, тоношумовой неудар (тип IV) представляет собой симультанное (одновременное) сочетание чисто шумового неудар и тонового неудар; квазиудар (тип V) — симультанное сочетание чистого диссонанса и удара; в тоновом квазинеударе (тип VII) сочетаются в одновременности чистый диссонанс и тоновый неудар; чисто шумовой квазинеудар (тип VIII) — симультанное сочетание чистого диссонанса и чисто шумового неудар; в тоношумовом квазинеударе (тип IX) — чистый диссонанс, чисто шумовой неудар и тоновый неудар. Следовательно, тоношумовой неудар, квазиудар, тоновый квазинеудар, чисто шумовой квазинеудар и тоношумовой квазинеудар, будучи психоакустически простыми звучаниями, акустически представляют собой звучания сложные, разложимые на более элементарные, простые, качественно противоположные типы (ср., например, дужжание: ощущается как неразложимое, простое звучание; между тем акустически это сложный тип — тоношумовой неудар, т.е. чисто шумовой неудар, содержащий осязательные элементы тонового неудар). Напро-

тив, удар (тип I), тоновый неудар (тип II), чисто шумовой неудар (тип III), чистый диссонанс (тип VI) - это простые звучания как психоакустически, так и акустически, ибо они не разложимы на более элементарные, простые, качественно противоположные подразделения. Качественными элементами звучания, т.е. структурными элементами, представляющими собою минимальные единицы качественной характеристики звучания как (психо)акустической сущности, являются: 1) удар, 2) тоновый неудар, 3) чисто шумовой неудар, 4) чистый диссонанс. Звучание, однако, может быть охарактеризовано не только качественно, но и количественно. Количественными элементами звучания, т.е. элементами, представляющими собою минимальные единицы количественной характеристики звучания, будут: 1) низкое звучание, 2) высокое звучание, 3) интенсивное звучание, 4) неинтенсивное звучание, 5) краткое звучание, 6) длительное звучание. Низким (высоким), интенсивным (неинтенсивным) может быть любое звучание. Кратким (длительным) может быть лишь неудар (либо квазинеудар); удары же (как и квазудары) психоакустически длительности фактически не имеют - они "мгновенны". Качественные элементы звучания - это основные единицы его (психо)акустического строения, количественные элементы представляют собою дополнительные единицы атрибутивного характера. Любое звучание - это совокупность (но, разумеется, не механическая сумма) качественных и количественных элементов. Как абстракции второй ступени при теоретическом представлении звукоподражательной подсистемы указанные 10 элементов представят на денотатном уровне как денотипы (см. § 23). На д-признаковом уровне (уровне признаков денотатов - см. там же) выделяем, соответственно, 10 признаков-типов: 1) ударность, 2) тоновость, 3) шумность, 4) диссонантность, 5) низкость, 6) высота, 7) интенсивность, 8) неинтенсивность, 9) краткость, 10) долготу. Предложенная классификация звучаний не претендует на полную и всестороннюю характеристику отражаемых в языке человека звучаний. Эта классификация имеет отношение к характеристике собственно звучания, его (психо)акустического строения - и в качестве таковой она дает основание

для разработки объективной классификации. Однако этой классификацией можно ограничиться лишь на начальном этапе всестороннего теоретического изучения еще полного тайн феномена звукоподражания. Рассматривая звучания реального мира в духе идей Г.В. Гершуни о важности характеристик (свойств) не только самих звучаний, но и их источников [69, с. 406-407], мы приходим к выводу о необходимости учитывать в классификации денотатов не только (психо)акустическое строение самих звучаний, но и характеристики источников этих звучаний. Обобщенно можно сказать, что характеристика самого звучания и свойства источника определяют свойства звучания. Разработка всесторонней классификации звучаний-денотатов — одна из задач, стоящих перед фоносемантикой.

Г л а в а 4. ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

§ 8. Типология звукоподражательных слов

Современное типологическое языкознание немалую роль отводит сопоставительному исследованию лексики неродственных языков. Среди маргинальных пластов лексики любого языка (пластов "периферийных", однако дающих основу для многих принципиальных обобщений широкого теоретического плана) видное место занимают звукоподражательные слова (ономатопы) — этот, по выражению Б.Малмберга, "драгоценный языковой материал" [338, с. 174]. Между тем ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании ономатопы как языковые универсалии до сих пор не были объектом систематического типологического изучения, что в значительной мере объяснялось как отсутствием (вплоть до самого последнего времени) системных описаний ономатопической лексики конкретных языков, так и неразработанностью общей теории ЗИ. В 1969 г. была предложена класси-

фикация ониматопов по соотносимости их с денотатом [41]. Построенная первоначально на английском материале, эта классификация оказалась принципиально применима к рассмотрению ониматопии других языков, притом не только родственных, но и неродственных. Ныне можно с уверенностью говорить о том, что предложенная в 1969 г. и уточненная в ходе дальнейших исследований классификация ониматопов является универсальной классификацией. Эта классификация позволяет приступить к разработке фоносемантической типологии (или типологической ФС, или типологии звукоизобразительных систем), фоносемантической универсологии, к выявлению фоносемантических (звукоизобразительных) универсалий (о которых см. § 25). Одну из главнейших фоносемантических универсалий формулируем следующим образом: в ЗИС любого языка мира наличествуют три класса и два гиперкласса ониматопов. Рассмотрим конкретные проявления этой универсалии, равно как и саму типологию звукоподражательных слов, в английском, башкирском и индонезийском (последовательно привлекая типологически релевантный материал других языков). Проанализируем типы звучаний и типы сочетаний звучаний, которые находят звукоизобразительное отражение в ониматопе английского языка (типологически нашего языка-эталона), а также в ониматопе башкирского и индонезийского языков. В звукоподражательной подсистеме английского языка находят отражение 18 типов денотатов (9 типов звучаний и 9 типов сочетаний звучаний); соответствующие цифры для башкирского — 15 (9 плюс 6), для индонезийского — 13 (8 плюс 5). Типы звучаний группируются в три класса: А. Удары. Б. Неудары. В. Диссонансы (серии ударов), из которых первые два полярно противоположны, третий же представляет собой класс, "промежуточный" между ударами и неударами. Типы сочетаний звучаний, в свою очередь, образуют две группировки, которые мы условно называем гиперклассами (в отличие от классов звучаний): АБ. Удары-неудары. ВАБ. Диссонансы квазиудары-неудары, из которых первые совмещают черты класса ударов и класса неударов (и тяготеют к ударам), вторые же — черты всех трех классов: ударов, неударов и диссонансов (и тяготеют к диссонансам квазиударам). Три класса ониматопов, соот-

ветствующие каждому из классов звучаний-денотатов, мы термилируем, соответственно, как: А. Инстанты. Б. Континуанты. В. Фреквентативы. Два гиперкласса онома톱ов, соответствующие каждому из двух гиперклассов звучаний-денотатов, в работе обозначаются, соответственно, как: АБ. Инстанты-континуанты; ВАБ. Фреквентативы квазиинстанты-континуанты. Перейдем к рассмотрению типологии английских, башкирских и индонезийских онома톱ов - их типов (а также классов и гиперклассов) и моделей.

Класс А. Инстанты

Тип I. Инстанты

Инстанты как класс и одновременно как тип (I) онома톱ов обозначают удар, т.е. "сверхкраткий" ("мгновенный") шум или тон, одинаково воспринимаемый человеческим ухом как акустический удар.

Англ.: tap 'стучать, постукивать', bubble 'пузыриться; булькать; бить ключом', guggle 'булькать (о жидкости, вытекающей из бутылки с узким горлышком); издавать сдавленный горловой звук (например, при смехе)', oack шотл. 'сжимать, сдавливать, стискивать ч.-л. (челюстями, а также закрываемым окном, дверь и т.п.); стучать, щелкать', rip 'высокий, отрывистый звук радиосигнала', clack 'громкое щелканье; хлопотать, кудахтать',² olick 'щелкать языком; щелкать (щекоткой, затвором)'; фонет. 'кликс, щелкающий звук

Баш.: tap 'моментальный звук при падении твердого тела', ear 'звук сильного шлепка; сильное чавканье; сильный плеск воды',³ bult-bult 'звук вытекающей из бутылки жидкости',

² Спектрограмма хлопотанья кур дает типичную картину акустического удара с максимальной энергией колебаний в области низких частот, порядка 400-800 гц; ср. [253, с. 381, рис. 11].

³ Подавляющее большинство современных башкирских онома톱ов с аялаутным свистящим первоначально имело в аялауте африкату.

kelt-kelt 'тикать (о часах)'. Индонез.: detap 'стук', tuk 'звукоподражание стуку', lecut 'звук удара кнутом', bobok 'звук при опускании пустой бутылки в воду'.

Обобщая строение инстантов, введем понятие канонической модели. Под канонической моделью мы понимаем звукоподражательную модель, в которой отражаются все общие для ониматопов сопоставляемых языков звукоизобразительно валентные компоненты. Компоненты, специфичные для ониматопов лишь одного из языков, а также показатели относительно менее значимых характеристик компонентов (глухость/звонкость нефрикативного согласного, артикуляторная характеристика несоморных акустических фонемотипов) в такого рода модели отражения не находят. Каноническая модель английских, башкирских и индонезийских инстантов такова⁴:

$$\frac{PLOS}{AFFR} + \sqrt[3]{L/H, S/N} + PLOS.$$

Среди согласных в составе инстантов преобладают взрывные (в анлауте они встречаются в подавляющем большинстве случаев, в ауслауте же являются единственно возможным типом фонем)⁵. Это естественно, если учесть, что как обозначаемые инстантами звучания, так и взрывные фонемы в составе инстантов принадлежат к одной и той же акустической категории — ударам. Инстанты, содержащие более интенсивные открытые гласные,⁶ обозначают более громкие и чаще всего более низкие звучания; инстанты же с неинтенсивным закрытым гласным обозначают более тихие и чаще всего более высокие звучания. Ср.: тадж. тақ-тақ 'стук в дверь', тиқ-тиқ 'тихий стук', селькуп. kat 'о стуке',

⁴ См. перечень символов в приложении, с. 237-238.

⁵ О некоторых особенностях инстантов — звукоизображений голосов птиц см. [47]; о звукоизображениях кавитации см. [42].

⁶ О большей интенсивности открытых гласных (в сравнении с закрытыми) см., напр., [96; с. 74; 107, с. 182].

нанайск. тэп-тэп 'кап-кап', бирм. кхэк 'стучать', кхмер. кып 'подражание стуку топора', семит. Тх' 'ударять', кашайя тар 'звук удара о плоскую поверхность'. Ср. звукоизображения удара ладонью: бурят. пад-пад; звукоизображения лопающегося предмета: чуваш. пат, семит. Рк'; звукоизображения бульканья: якут. булк, нанайск. бок-бок. Выведенная выше каноническая модель в принципе верна для любого языка, в котором корень инстанта имеет вид CONS + VOC + CONS. Для случаев же CONS + VOC каноническая модель, по-видимому, такова:

$$\left. \begin{array}{l} \text{PLOS} \\ \text{AFPR} \\ \text{CLICK} \end{array} \right\} + \text{VOC}.$$

Ср. звукоизображения стука: япон. tataku, дока-дока; зуку да, thu, gqo (gq - звонкий палатоальвеолярный кликс).

Типологически изоморфические черты онома톱ов вообще весьма сильны и, как правило, достаточно очевидны. Наиболее сильны и очевидны они в инстантах.

Класс Б. Континуанты

Континуанты как класс онома톱ов обозначают неудар, т.е. "длящееся" ("немгновенное") слитное тоновое или шумовое звучание. Континуанты подразделяются на тоновые (тип II) и шумовые; последние, в свою очередь, подразделимы на чисто шумовые (тип III) и тоношумовые (тип IV).

Тип II. Тоновые континуанты

Тоновые континуанты (подробно см. [49]) обозначают тоновый неудар, т.е. тон в его наиболее чистом виде.

Англ.: коот 'кричать, ухат' (о сове); гудеть (о рожке)', тоо (-тоо) 'ту-у-ту-у (подражание гудению рожка)',

sheep 'пищать (о птенцах, также о мышах)', bleep 'писк передатчика на борту спутника'. Баш.: hajrau 'петь (о птице)', saj-saj 'визг, вой', ɣw-ɣw 'вой, завывание ветра', bizlau 'быть'. Индонез.: dengung, dengong 'звукоподражание вой сирены, гулу самолета, гудению', denging 'звукоподражание гудению ("меньше", чем dengung)'. Если в рассмотренных выше инстантах трех языков изоморфические черты наиболее сильны и очевидны, то в тоновых континуантах они наименее сильны и наименее очевидны; более того, на первый взгляд они вообще отсутствуют; детальный фоносемантический анализ, однако, позволяет установить безусловное наличие изоморфических черт. Ввиду различия средств, используемых рассматриваемыми языками для передачи тонового неудара (ТН), трудно вывести единую каноническую модель, которая не была бы чрезмерно громоздкой. Поэтому модели тоновых континуантов (ТК) трех языков рассмотрим отдельно.

Модель английских ТК имеет следующий вид:

$$[\text{CONS} (+\text{SON}^{\text{LAT/LAB}}) +] \quad \text{VCC}^{\text{L/H, S/W}} (+ \text{FLOS}).$$

Важнейшей составной частью английских ТК и единственным звукоизобразительно валентным компонентом модели является долгий гласный. Достаточно, например, на стадии первичной имитации произвести звук /i:/ и уже ясно, что речь идет о звукоизображении высокого (высокочастотного) тонового неудара (пискa и т.п.). Соответственно, достаточно при имитации произнести лишь один звук /u:/ или /ɔ:/, и уже ясно, что имеется в виду звукоизображение низкого (низкочастотного) тонового неударa – гудения, вой и т.п.; ср. приводимые ниже звукоизображения с /u:/: звенк. у-у-у, а также и.-е. корень и-. В этой связи важно отметить, что искусственно генерируемый воющий тон имеет формантную область в районе 400–700 гц (низкие частоты) [170, с. 95, рис. 4], которая прак-

⁷ Писк птенцов (как и щебет птиц) характеризуется высокочастотной отнесенностью: 1500–6000 гц [254, с. 31, табл. IУ].

тически совпадает со второй формантой (F_{II}) гласного /u:/⁸. Несомненное сходство обнаруживают между собой записи (кривые) вока собаки и звука /u:/ [374, с. 465, табл. ХLI]. С английскими обозначениями ТК ср. обозначения гудения, вока: каз.-тат. *ū*, венг. *búgás*, эвенк. *y-y-y*, селькуп. *lūt*, энецк. *θūd*, *ūd*, нанайск. *ту-у* 'звук протяжного гудка парохода', зулу *hūu*, *wūu*. Звуксизображения высоких тоновых неударов часто совпадают с подражаниями пisku (напр., птенцов, мышей): бурят. *пиид*, энецк. *dīb*, бирм. *wīwī*, япон. *pi:(-pi:)*.

Модель башкирских ТК имеет следующий вид:

$$(CONS +) \frac{\overline{VOC}^{L/H, S/W} + \frac{SON^{MED/LAB}}{FRIC^{SIB^V}}}{\overline{VOC}^{L/H, S/W} < \overline{VOC}^?}$$

Как известно, тоновый характер имеют - в различной степени - несколько типов фонем: гласные, сонорные (особенно носовые сонорные и /j/, /w/), звонкие согласные (особенно звонкие фрикативные). Соответственно, все они могут быть использованы для звукопередачи тонового звучания. Иное дело, насколько точно они выполняют эту функцию и все ли они равнозначно используются тем или иным языком для этой цели. ТН в башкирском отражается несколькими типами фонем. Во-первых, сонорными /j/ и /w/ - фонемами, наиболее близкими по своим акустическим характеристикам к гласным. Во-вторых, тоновый удар в ряде случаев аппроксимируется кратким гласным (на стадии первичной имитации - долгим?), который в экспрессивной речи может удлиняться и тем самым способствовать более точному отражению внешнего звучания. В-третьих, для передачи ТН башкирский использует и носовой сонорный (имеющий значительный элемент тоновости, но служащий, как правило, для передачи резонаторного тона). В-четвертых, это может быть и звонкий фри-

⁸ Ср. (*mutatis mutandis*) тот известный факт, что для характеристики гласного звука в принципе достаточно указать его форманты [280, с. 109-119]; ср. также [26, с. 26].

нативный (сибилянт), также пригодный по своей акустической природе для аппроксимации нерезонаторного тона, но реализующий обычно иную звукоподражательную функцию — функцию отражения тоношумового неудара (см. [139, с. 68-77]). Тоновые континуанты сопоставляемых языков представляют собою яркую иллюстрацию того, как одно и то же внеязыковое звучание может передаваться в языках самыми различными способами. С ошкирскими ТК ср. тадж. гуввас 'гудение, вой', семит. SJSJ 'писк'.

Модель индонезийских ТК такова (ср. [56, с. 49]):

SON^{NAS} GUTT + $\sqrt{VOC}$ L/H, S/W (+ $\sqrt{VOC}$) + SON^{NAS} GUTT.

С индонезийскими ТК ср.: япон. инага 'гудение, вой', бирм. пэу 'вить'. ТН в индонезийских ТК передается совокупностью двух (гуттуральных) носовых сонорных (анлаутного и ауслантного), т.е. совокупностью двух фонемотипов той же акустической природы (подробно см. [28]).

Тип III. Чисто шумовые континуанты

Чисто шумовые континуанты (ЧШК) обозначают чисто шумовой неудар (ЧШН), т.е. собственно шум, шум в его наиболее чистом виде (подробно см. [51]).⁹

Англ.: whistle 'свистать', hiss 'шипеть, свистать', swish 'двигаться со свистящим или шелестящим звуком; размахивать (палкой)', fuff шотл. 'сильно дуть (о ветре); восклицание, выражающее презрение', flash 'быстро катиться (о волнах); шуметь (о воде); хлестать; быстро промелькнуть, пронестись', hush сев. 'шум воды (текущей быстро и не турбулентно)', акуст. шипение'. Баш.: uzyl'dau, y'yl'dau 'шипеть (о гусе, змее)', вуј 'свист от быстрого движения', бујлау 'шипеть (напр. о сырых дровах в печи)'. Индонез.: keau-kesi 'звук листьев на ветру; шелест, шелот', desia 'шипение

⁹ Сюда же относятся звукоизображения шелота; о них также см. [51].

змеи', *sit* 'шипение, свист хлыста', *desau* 'подражание звуку сильного дождя на листьях; шипение воды на раскаленном железе'.

Детально модель, учитывающая особенности строения ЧШК трех рассматриваемых языков, выглядит так:

$$\frac{FRIC^{\wedge}}{(CONS)} + \sqrt{VOC} L/H, S/W + \frac{PLOS}{SON \frac{MED/LAB}{FRIC^{\wedge}}}$$

В обобщенной форме каноническая модель принимает следующий вид:

$$\frac{FRIC^{\wedge}}{(CONS)} + \sqrt{VOC} L/H, S/W + \frac{(CONS)}{FRIC^{\wedge}}$$

Обязательное наличие хотя бы одного глухого фрикативно-го (в аналaute либо в ауслауте) отнюдь не случайно. Глухой характер фрикативных в ЧШК обусловлен глухим, т.е. чисто шумовым, характером изображаемого звучания: как и обозначаемое звучание, эти компоненты звукоподражательной модели принадлежат к одному акустическому типу - типу ЧШН. Ср. звукоизображения шипения по языкам: осет. *o'us-o'us*, венг. *sziszzen*, тур. *fiş-*, селькуп. *šuo*, япон. *shu-shu*; ср. далее звукоизображения шелеста: осет. *zuf-zuf*, венг. *szszogni*, тур. *fiş-*, япон. *su-su*; ср. также хауса *fuau* 'со свистом (проноситься)', зулу *si* 'о шипении, свисте воды (как из шланга)', кашай *bat* 'звук оседающей мыльной пены'.

Тип IV. Тоншумовые континуанты

Тоншумовые континуанты (ТШК) обозначают тоншумовой удар (ТШН), в котором одновременно с чисто шумовым неударом наличествуют ощутимые элементы тонового неудара (ТН).

Англ.: *buzz* 'жужжать, гудеть', *whiz(z)* 'звонко свистеть (напр., от рассекания воздуха), звонко шипеть, тонко жужжать', *sizz* диал. 'шипеть, потрескивать (при жарении), звонко свистеть, "петь" (о проводах)', *hum* 'жужжать, гудеть'.

состоит 'стремительно двигаться с жужжанием или гудением; сделать "горку" (о самолете)'. Баш.: *byz* 'жужжание насекомых, летящей пули', *syz* 'звонкое шипение сала на сковороде'. Совершенно различные на фонемном уровне (не только в плане фонем, но и в плане фонемотипов), ТШК сопоставляемых языков тем не менее изоморфны на признаковом уровне: тоношумовой не-удар как совокупность двух элементов - тона и шума (точнее, шума с элементами тона) - в обоих случаях звукоизобразительно передается совокупностью же двух элементов - тона и шума. Разница лишь в том, что в английском и башкирском оба элемента даны "синтетически" - в пределах одной фонемы (звонкий фрикативный); в индонезийском же наблюдается чрезвычайно интересное явление: сложный денотат в звукоизображении как бы расщепляется, передаваясь "аналитически" (и дистантно) совокупностью двух фонем, одна из которых (глухой фрикативный) акустически - ЧШН, другая (носовой сонорный) - ТН (в собственно индонезийской системе нет звонкого фрикативного). Отмеченное явление, по-видимому, не уникально: ср. калая *siw* 'звонкий свист пролетающей стрелы или пули' (отличие здесь лишь в том, что сонорный - не носовой, а лабиальный). Индонез.: *lesing* 'жужжать, гудеть, выть (о ветре)', *bising* 'звук суматохи, жужжания, гам, гул'. Английские и башкирские ТШК "строятся" по единой основной модели (со звонким фрикативным); ее каноническая форма такова:

$\text{CONS} + \text{VOC}^{\text{L/H, S/W}} + \text{FRIC}^{\text{V}}$

В индонезийском же имеем модель:

$\text{FRIC}^{\text{^}} + \text{VOC}^{\text{L/H, S/W}} + \text{SON}^{\text{NAS}}$

Ср. обозначения жужжания в языках: осет. *baez-baez*, удмурт. *быз*, семит. *vzyz, wzyw* (араб.), *zmzm* (новоевр.), япон. *bun-bun*, гулу *mi*.

Класс В. Фреквентативы

Как класс онома톱ов фреквентативы обозначают очень быстрые последовательности (серии) ударов (импульсов), в ко-

торых каждый удар уже почти не ощущается отдельно, но полного слияния последовательности ударов в единое звучание еще нет, и очень быстрое чередование ударов вызывает повышенное раздражение слуха. Такие последовательности ударов ощущаются как диссонансы, и поэтому фреквентативы можно назвать также ономотопами-диссонансами [38, с. 55]. Фреквентативы, или ономотопы-диссонансы, можно определить и как класс ономотопов, обозначающих диссонанс (в различных его разновидностях).

Тип V. Фреквентативы квазиинстанты

Ономотопы, обозначающие квазиудар, назовем фреквентативами квазиинстантами, или короче — квазиинстантами.

Англ.: *crack* 'производить треск, резкий отрывистый звук, резко щелкать (о ошце)', *gar* 'ударить с резким стуком', *perk* уст. 'удар кнутом или палкой; отрывистая трель (птицы); резкое движение, толчок', *chirp* 'чирикнуть', *clack* 'падать отрывистый звук — дрожащий, стрекочущий'. Баш.: *qurt* 'слабый треск, возникающий при резке не очень твердого и не очень мягкого предмета (напр., арбуза)', *jertyu* 'рвать, рваться', *taru* 'подражание резкому стуку в дверь'. Индонез.: *kerak* 'треск суставов', *rik* 'звук ломающейся палки, кости', *gerutur* 'звук взрыва (хлопушки), выстрела'. Каноническая модель квазиинстантов трех языков такова:

$$(CONS+)R + \overbrace{VOC}^{L/H, S/W} + PLOS.$$

Для индонезийских образований характерна также модель с корнем, идентичным по строению с корнем инстантов, плюс R-формант¹⁰ за пределами корня:

$$R_1 + PLOS + \overbrace{VOC}^{L/H, S/W} + PLOS.$$

¹⁰ Здесь и далее R-формант обозначаем также сокращенно R₁.

из звукоизображений по языкам ср. обозначения треска (при разламывании, ударе): киргиз. *чарт*, фин. *tutista*, селькуп. *gac*; обозначения разрывания материи: якут. *парк*, бурят. *тэра*; обозначения резкого движения (связанного с легким треском, хрустом): рус. *дерг-*, якут. *тырк*.

Тип VI. Чистые фреквентативы

Фреквентативы, обозначающие чистый диссонанс (звучание, ощущаемое как собственно серия ударов, дрожание), назовем чистыми фреквентативами.

Англ.: *jar* 'производить неприятный, резкий дрожащий звук; дребезжать; тах. вибрировать', *br-r-r* оказ. 'подражание длительному дробному дрожащему звуку дрели', *birr* 'сильный ветер; производить дрожащий звук; быстро двигаться с таким звуком; вибрантное произношение /r/', *bur1* уст. 'оурлить; журчать', *chirr* [tʃe:; tʃi rr] 'стрекотать, трещать (о сверчках); издавать трель (о птицах)'. Баш.: *butr* 'шум крыльев мелких птиц при взлете', *rug(r)* 'гарахтенье (о моторе)', *tur* 'вибрирующий звук', *tuur-tuur* 'легкий дробный стук ногами'. Индонез.: *detar* 'звук дрожания', *our* 'журчание; раскаты грома', *gal* 'звук падения множества маленьких зёрнышек, капель дождя на стекло'. На примере дрожащих звучаний особенно отчетливо видны специфика обозначаемых фреквентативами звучаний-диссонансов; это очень быстрые последовательности (серии) ударов, в которых каждый удар уже почти не воспринимается отдельно, но полного слияния последовательности ударов в единое звучание еще нет, и очень быстрое чередование ударов вызывает повышенное раздражение слуха; такие последовательности ударов ощущаются как диссонансы, и отсюда — фонема /r/ в составе обозначающих их ономотопов. На примере дрожащих звучаний хорошо виден также переходный, "промежуточный" характер класса диссонансов и обозначающих их ономотопов ("между" ударами и неударами; "между" инстантами и континуантами). Каноническая модель фреквентативов трех языков такова:

CONS + $\overset{1/2, 3/4}{VOC}$ + R.

Заметим, что для современного английского языка $\overset{1/2, 3/4}{VOC}$ + R несколько условное представление компонента модели (помимо та- на VI см. также типы У, VII, VIII, XVIII). Имеется в виду, собственно, $\overset{1/2, 3/4}{VOC} + R$, так как, хотя в ряде современных форм в позиции после гласного R и сохранил свое вибрантное произношение, в большинстве слов он подвергся вокализации и нередко присутствует в этих словах лишь в качестве г-образного элемента предшествующего гласного (так называемая г-окраска: г-colouring). Так или иначе, диссонантный элемент дено- тата находит отражение в ономатопе.

Помимо приведенной выше канонической модели, для башкир- ского отмечена модель CONS + $\overset{1/2, 3/4}{VOC}$ + CONS + R₂; для индоне- зийского - модель R + $\overset{1/2, 3/4}{VOC}$. Ср. звукоизображения дрожащих звучаний по языкам: обозначения дроющего дрожащего звука (гро- хочущего, трескучего звука ударов) - селькуп. *kar*, нанайск. *дур-р*, *ботор-ботор*; обозначения дрожащего звука движения, вра- щения - чуваш. *тёрр*, стрекотания насекомых - хинди *tarrāṇī*, обозначения порхания - зулу *brg*, *drr*, *mbrr*, *ndrr* 'о летящих птицах' ¹¹

Тип VII. Фреквентативы тоновые квазиконтинуанты

Тоновые квазиконтинуанты обозначают тоновый квазинеудар, в котором одновременно с чистым диссонансом наличествуют элемен- ты тонового неудара.

Англ.: *uegr* 'издавать резкий неприятный звук, крик', *ogeak* уст. 'издавать резкий хриплый звук (о вороне, граче); скрипеть', *sogeak* диал. 'издавать пронзительный крик, визжать; скрипеть'. Баш.: *lar(r)* 'рев (скотины)', *zar(r)* 'крик чайки'. Индонез.: *gaung* 'реветь, рычать', *degu* 'ре-

¹¹ В фонологической системе зулу практически нет вибранта. Он встречается лишь в заимствованиях и в чистых фреквентативах.

вѣть, вѣть, завывать (о ветре)². Каноническая модель английских и башкирских образований данного типа имеет вид:

$$\text{CONS} + \overline{\text{VOC}} \text{L/H, S/W} + \text{R.}$$

Специфически английская модель такова:

$$\text{CONS} + \text{R} + \overline{\text{VOC}} \text{L/H, S/W} (+\text{CONS}).$$

Специфически индонезийская модель имеет следующий вид:

$$\text{R} + \overline{\text{VOC}} (+\text{SON}^{\text{NAS}}).$$

Из звукоизображений по языкам ср. якут. хаачыр 'растянутый неоднородный скрип'. Долгота обозначаемого тонового диссонансирующего звучания чаще, по-видимому, передается не через инлаутный долгий гласный, а через ауслаутный вибрانت: ср. лит. баг тур. тіг.

Тип VII. Фреквентативы чисто шумовые квазиконтинуанты

Чисто шумовые квазиконтинуанты обозначают чисто шумовой квазинеудар, в котором одновременно с чистым диссонансом наличествуют элементы чисто шумового неудара.

Англ.: *whir(r)* 'стремительно вращаться, проноситься, вспархивать с дрожащим и шелестящим, шуршащим звуком; производить дрожащий звук (безотносительно к движению)', *gash* 'резкий шаркающий звук', *riffle* - амер. 'быть порожиистой, изомиловать стремнинами (о реке); редк. негромко трещать; греметь (щеколдой); слегка вспархивать, взрыхлять (землю); тасовать карты особым образом (с шуршащим звуком)'.¹² Баш.:

¹² В словаре Уэбстера [430] *riffle* в последнем значении определяется так: "... тасовать, слегка приподнимая углы карт и давая каждой половине колоды падать карта за картой в соседнюю половину; сдвигать затем обе половины в одну колоду". Здесь отчетливо виден сложный характер звука: серия едва слышимых "ударов" (при падении карт), которые могут подчас следовать достаточно быстро, чтобы переходить в одно слитное шелестящее звучание. Спектрограмма соответствующего звука [321, с. 138, рис.34e] ("riffing cards") подтверждает наличие указанных акустических элементов, соответствующих дрожащему и фрикативному в ономатопе *riffle*.

Yarlau 'хлокотать, бурлить', Ыуртыг-Ыуртыг 'шуршание листьев, шорох травы'. Индонез.: gas 'подражание звуку трущихся сухих листьев', desir 'звук несомых ветром сухих листьев', ger(1)sik 'звук шагов по мелкому песку', kertas 'звук комканья бумаги'. Каноническая модель чисто шумовых квазиконтинуантов трех языков такова:

$$FRIC^{\wedge} + \sqrt{OC} L/H, S/W + R.$$

Помимо этого, общую модель имеют английские и индонезийские образования:

$$R + \sqrt{OC} L/H, S/W + FRIC^{\wedge}.$$

Любопытны башкирская и индонезийская модель с R за пределами корня, т.е. с R-формантом:

$$FRIC^{\wedge} + \sqrt{OC} L/H, S/W + PLOS + R_f;$$

$$R_f + \underbrace{FRIC^{\wedge} + \sqrt{OC} L/H, S/W + PLOS}.$$

Эти две модели отличаются лишь местом R_f за пределами корня. Интереснейшая их особенность — зеркальность строения. Ср. звукоизображения шуршания, шарканья: бурят. шар-шар, новозер. гэгэ. Хорошо известна международность звукоизображений порхания: ср. фр. fggg, тадж. фар-фар, нанайск. сop.

Тип IX. Фреквентативы тоношумовые квазиконтинуанты

Тоношумовые квазиконтинуанты обозначают тоношумовой квазинеудар, в котором одновременно с чистым диссонансом присутствуют элементы тоношумового неудара. Тоношумовые квазиконтинуанты весьма малочисленны, и они явно представляют собой ретрессивный тип (за пределами английского и башкирского примеров пока не обнаружено).

Англ. frizz 'потрескивать, звонко шипеть (при жарении)'. Баш. зуг(г) 'продолжительный однообразный звук вра-

жения с шуршанием'. Для полноты системы выведем каноническую модель и для этих единичных образований:

$$\underbrace{(r\eta i o^{\wedge} +) \text{ в } + \text{ в } o o + r\eta i o^{\vee}}.$$

Гидеридасс_АБ. Инстанты-континуанты

Инстанты-континуанты как гиперкласс онома톱ов обозначают удар с последующим или/и предшествующим неударом.

Тип X. Тоновые "послеударные" инстанты-континуанты

Тоновые "послеударные" инстанты-континуанты обозначают тоновый "послеударный" удар-неудар, т.е. удар с последующим (вызываемым ударом) тоновым неударом. Подтип (а). Краткие тоновые "послеударные" инстанты-континуанты. Англ.: *clump* 'тяжело падать (с гулким звуком)', *plump* 'плюхаться в воду (с более звонким булькающим звуком, чем *plor*)', *clank* 'звон, ляг железа'; шотл.: 'звонкий' удар'. Баш.: *clump* 'глухой отрывистый звук удара', *clap* 'отрывистый сильный звук, возникающий при ударе деревянным предметом по ч.-л. металлическому'. В индонезийском данный подтип не представлен. Подтип (б). Длительные тоновые "послеударные" инстанты-континуанты. Англ.: *bang* 'ударять сильно и звонко; сильный звук (взрыва, захлопываемой двери)', *tap* 'ударять в колокол, извлекая громкий звенящий звук', *ting* 'надавать высоким негромким звенящий звук при ударе (о колокольчике)', *clash* 'звонить, ударяя во все колокола одновременно'. Баш.: *tap* 'звук удара по металлу ч.-л. деревянным', *dur(η)* 'протяжный звон колокола'. Индонез.: *letang* 'звук удара молотом по металлу', *ting* 'звук колокольчика', *lobam* 'громкий звук от падения предмета на резонирующую поверхность'. В большинстве случаев более низкие и интенсивные гласные надичествуют в ономатопах, обозначающих более низкие, либо более громкие звучания, либо звучания одновременно низкие и громкие. Наоборот, высокий и неинтенсивный гласный /i/ встречаем в обозначениях более высоких, либо одновременно более высоких и тихих звучаний.

Начальный взрывной согласный - и (более аппроксимированно) начальная аффриката - указывают на взрывной, "ударный" характер звучания. Индикацию звонкого, длительно звенящего характера удара мы имеем со стороны конечного носового сонорного. Конечный взрывной (в английских и ошкирских "кратких" образованиях) индицирует краткость резонаторного тона. Каноническая модель, общая для тоновых "последударных" инстантов-континуантов в трех рассматриваемых языках, такова:

$$\frac{PLOS}{APPR} + \check{VCC} L/H, S/W + SON^{NAS}.$$

Ср. звукоизображения звонкого удара, звона по языкам: тур. *daş-dış, tınq*, бурят. тинн, салькуп. *oil'* нанайск. чингйа, негидал. чоң-ң - чоң-ң, кор. тэн, япон. *ohon*, кхмер. тэнг, семит. *DNDN, P'M*; конде *ndandaa*, зулу *nqo*,¹³ камайя том (также *tol*¹⁴).

Тип XI. Чисто шумовые "последударные" инстанты-континуанты

Звукоизображения данного типа обозначают удар с последующим чисто шумовым неударом.

Англ.: *clash* 'громкий звук сильного удара, сопровождаемого шуршанием обломков чего-то разбитого вдребезги; смешанный шум многих (особенно беспорядочных) ударов (напр., оружия)',¹⁵ *plosh* 'плеск', *piff* 'подражание звуку выстрела

¹³ В ряде африканских языков резонаторный тон передается преназализацией, в противоположность характерной для большинства языков "постназализацией".

¹⁴ Передача резонаторного тона "базрезонансным" /l/ возможна, хотя типологически это, по-видимому, рецессивная черта. Отдельные примеры имеются также в германских и славянских языках: ср. др.-герм. **knalljan* (> совр. англ. *knell* уст. 'звонко ударять; звонить при похоронах'), рус. кол - (в слове колокол).

¹⁵ OKD делает по поводу этого звукоизображения весьма важное замечание: "*clash* ... говорит о действии, которое на-

(из ружья), сопровождаемому шелестящим звуком летящей пули; пиф-паф". Баш.: *буу(о)* 'звук струи воздуха, пробивающегося через узкое отверстие', *бах* диал. 'молотить (зерно)'. Индонез.: *letas* 'звук взрыва, выстрела', *oia* 'звук вырывающегося из камеры (мяча) воздуха'. Каноническая модель английских, башкирских и индонезийских чисто шумовых "последударных" инстантов-континуантов имеет вид:

$$\frac{PLOS}{AFFR} + \sqrt{L/H}, S/\pi + FRIC^{\wedge}.$$

Примеры чисто шумовых "последударных" инстантов-континуантов встречаются и за пределами рассмотренных языков: ср. узб. пиш 'звук внезапно вырывающегося при проколе нити воздуха', бурят. пяс 'звук при ударе о стену брошенной пригоршни разведенной глины'.

Тип XII. Чисто шумовые "предударные" инстанты-континуанты

Ономатопы данного типа обозначают удар с предшествующим чисто шумовым неударом.

Англ.: *flap* 'внезапно бросить или ударить; взмахивать, хлопнуть (о крыльях, о флаге); ч.-л. прикрепленное за один конец и свешивающееся или развевающееся на ветру; звук, производимый развевающимся флагом или крыльями птицы', *phut* 'звук вырывающегося со свистом снаряда', *whit* 'высокий, внезапно обрываемый свистящий звук (напр., пули, заканчивающей полет ударом о твердую преграду); внезапно обрываемое щебетанье, посвистыванье (птицы)'. Баш.: *zabuu* 'косить траву', *sitlau* диал. 'свист от удара хлыста'. Индонез.: *sit* 'свист

чинается так же, как *olar* ... но которое не обрывается внезапно и резко, а порождает множество отдельных звуков, которые сливаются в своего рода смешанный шум, как, например, шуршание обломков чего-либо разбитого вдребезги сокружительным ударом" [427, s.v. *clash*].

хлыста', leuit 'звук рассекания воздуха прутом, саблей'.¹⁶
 Приведем каноническую модель рассмотренных звукоизображений:

$$FRIC^{\wedge} + \overline{VOC} L/H, S/W + PLOS.$$

Примеры по языкам немногочисленны: ср. рус. хлест-
 бурят. шаб 'подражание свистящему удару хлыстом'.

Тип XIII. Тонотонумовые "предударные" инстанты-континуанты

Тонотонумовые "предударные" инстанты-континуанты обозначают удар с предшествующим тонотонумовым неударом. Данный тип представлен лишь единичными примерами.

Англ.: zip 'высокий внезапно обрывающийся звук - шумящий (напр., комара) либо звонко свистящий (напр., пули, врывающейся полет ударом о твердую преграду); внезапно обрывающийся звук разрывающейся ткани; звук металлической застежки ("молнии)". Бам.: wut 'короткий свист рассекаемого воздуха при очень быстром движении'. В индонезийском тип не обнаружен. Каноническую модель можно представить следующим образом:

$$\frac{FRIC^{\vee}}{LAB} + \overline{VOC} (+ FRIC^{\vee}) + PLOS.$$

Тип XIV. Чисто шумовые - тоновые "предударно-последударные" инстанты-континуанты¹⁷

Ономатопы этого типа обозначают удар с предшествующим чисто шумовым неударом и последующим (вызываемым ударом) то-

¹⁶ В свете типологических данных представляется оправданным выделить эти индонезийские образования в тип чисто шумовых "предударных" инстантов-континуантов.

¹⁷ Необходимость учета как предударной, так и последударной характеристики, и необходимость отражения обоих элементов в названии типа обуславливают определенную громоздкость данного термина.

ноым неударом. Мы имеем здесь дело, по всей вероятности, о чисто английской уникалии; в башкирском и индонезийском типе не представлен. Подтип (а). Чисто шумовые - краткие тоновые "предударно-послеударные" инстанты-континуанты: thump 'наносить тяжелый удар (ч.-л. тупым) с приглушенным звуком; хлоп-тять', slump 'шлепнуться (с приглушенным звуком) в грязь; тяжело провалиться в трясину; ударять сильно и звонко; тяжело опуститься (на стул)', whump [hw-, w-] 'звук падения тяжелого тела на мягкую поверхность; производить низкий гулливый звук (напр., о гонге)'. Подтип (б). Чисто шумовые - длительные тоновые "предударно-послеударные" инстанты-континуанты: whang 'хлопнуть со свистом и сильным звенящим звуком', whing 'про-нестись стремительно, со свистом и звенящим звуком'. Звукоизо-бражения рассмотренного типа структурируются по модели:

$$FRIC^{\wedge} (+SON^{LAT/LAB}) + \sqrt{VOO}^{L/H, S/W} + SON^{NAS} (+PLOS).$$

Тип XV. Тоношумовые - тоновые "предударно-послеударные" инстанты-континуанты

Ономатопы этого типа обозначают удар с предшествующим тоношумовым неударом и последующим (вызываемым ударом) тоновым неударом. Это, по-видимому, еще одна английская уникалия. Подтип (а). Тоношумовые - краткие тоновые "предударно-послеударные" инстанты-континуанты: zopk брит. слэнг 'подражание звонко свистящему, коротко звенящему удару (ч.-л. твердым или по ч.-л. твердому)'. Подтип (б). Тоношумовые - длительные тоновые "предударно-послеударные" инстанты-континуанты: zing амер. слэнг 'внезапно пронестись с высоким произвольным ху-ханием (звонким свистом) и звенящим звуком (напр., о пролетающих пулях)'. Модель ономатопов этого типа такова:

$$FRIC^{\vee} + \sqrt{VOO}^{L/H, S/W} + SON^{NAS} (+PLOS).$$

Гиперкласс ВАВ. Фреквентативы квазиинстанты-континуанты

Как гиперкласс онomatопов, фреквентативы квазиинстанты-континуанты, или, короче, квазиинстанты-континуанты, обозначают квазиудар (диссонирующий удар) с последующим или предшествующим неударом.

Тип XVI. Тоновые "последударные"

квазиинстанты-континуанты

Тоновые "последударные" квазиинстанты-континуанты обозначают квазиудар с последующим (вызываемым им) тоновым неударом. Подтип (а). Краткие тоновые "последударные" квазиинстанты-континуанты. Англ.: tramp 'ступать тяжело, с резонирующим звуком; разламывать; трамбовать', crink 'издавать отрывистый звук, сочетающий в себе стрекотание и звяканье'. В crink особенно отчетливо проявилась соотносительность кратких тоновых квазиинстантов-континуантов с "чистыми" квазиинстантами (crick) и краткими тоновыми инстантами-континуантами (chink). Данный подтип - несомненно рецессивный и немногочисленный. В башкирском отмечен единичный пример - syltyrt 'резко обрываемый звук металлических предметов'. В индонезийском подтип не представлен. Подтип (б). Длительные тоновые "последударные" квазиинстанты-континуанты. Англ.: strum 'бренчать, тренькать', brnnnnnnng оказ. 'подражание дрожащему, очень продолжительному и высокому звону внезапно включенной пожарной сигнализации', ring 'звенеть (об оружии); громко звучать (о трубе); звонить (о колоколе, колокольчике)'. Англ. ring и индонезийский онomatоп того же облика возникли как обозначения звона с оттенком диссонантности - дребезжащего звона. В этой связи уместно сопоставить араб. RNN 'дребезжаще звенеть (о титиве и т.п.)', фин. "rämlästä 'дребезжать', рус. трень-брень - все с дрожащей фонемой. Следует также сказать, что давно установлена возможность возникновения биений (порождающих диссонансы) в колоколах, имеющих даже самые незначительные отклонения от идеально симметричной формы [319,

с. 184]. Наконец, необходимо напомнить, что спектрографическая запись подтверждает наличие дрожания в звуке, например, телефонного звонка. Дрожание это может вызываться серией очень быстро следующих один за другим ударов одной металлической части звонка о другую. Акустически почти полная параллель этому - звук быстро следующих один за другим ударов оружия многих людей в бою (см. первое значение англ. ring). Баш.: *sylytur* 'бормотание (напр., будильника)', *abwbr* 'звук, возникающий при ударе по туго натянутой поверхности (напр., барабанная дробь)'. Индонез.: *deram* 'звукоподражание грому; звук удара в большой барабан', *ring* 'звук (велосипедного) звонка'. Каноническая модель английских и индонезийских звукоизображений такова:

$$\text{CONS} + \text{R} + \sqrt{\text{VCC}} \text{L/H, S/W} + \text{SON}^{\text{NAS}}.$$

В башкирской модели имеем вибрант (в составе R-форманта) за пределами корня:

$$\frac{\text{PLCS}}{\text{FRIC}^{\text{SIB}^{\text{A}}}} + \sqrt{\text{VCC}} \text{L/H, S/W} + \text{SON}^{\text{NAS/LAT}} + (\text{t, b})^{\text{18}}_{\text{R}_f}.$$

<AFFR?

Примеры тоновых квазиинстантов-континуантов по языкам см. выше (ring); ср. также селькуп. *rup* 'о глухом звоне, громухании'.

Тип XVII. Чисто шумовые "послеударные" квазиинстанты-континуанты

Ономатопы этого типа обозначают квазиудар с последующим чисто шумовым неударом.

Англ.: *crash* 'разбивать вдребезги сокрушительным ударом; падать, рушиться с грохотом; производить громкий и резкий шум-

¹⁸ Согласные /t/, /b/ - протетические.

шанный шум (при разламывании твердых тел)', thrash, thresh 'бить; молотить'. Баш.: gɔgɔ 'хруст при жевании семя мелким скотом', qutɔ (в том же значении). Индонез.: degas 'подражание звуку шагов по песку', deris 'подражание звуку шагов по сухой траве'.¹⁹ Каноническая модель для звукоизображений трех языков такова:

$$(CONS +) \boxed{R + \sqrt{VOC}} + FRIC^{\wedge}.$$

Ср. примеры по языкам: тадж. карс-карс 'хруст (о яблоне об огурце, хрустящем под зубами)', семит. DRŠ 'растаптывание попирает; молотить хлеб'.

Тип XVIII. Чисто шумовые "предударные" квазиинстанты-континуанты

Звукоизображения этого типа обозначают квазиудар с преемствующим неударом; этот удар всегда чисто шумовой. По-видимому, рассматриваемый тип - английская уникалия; и в английском, впрочем, примеры единичны. Ср. flirt 'разок, порывисто ударять, бросать или двигаться; махать веером, раскрывая и закрывая его резким движением; флиртовать'.²⁰ Модель звукоизображений указанного типа такова:

$$FRIC^{\wedge} + SON^{LAT} + \sqrt{VOC} + R + PLOS.$$

¹⁹ В свете данных типологии представляется оправданным выделить эти индонезийские образования в тип чисто шумовых последующих квазиинстантов-континуантов.

²⁰ Звукоподражательность flirt отмечалась неоднократно [215, с. 129; 341, с. 328].

§ 9. Отражение денотата

В звукоподражательных подсистемах языков находят отражение два вида психоакустических сущностей: звучания (типы, группирующиеся в три класса) и сочетания звучаний (типы, группирующиеся в два гиперкласса). Сочетания двух или более психоакустически простых звучаний можно рассматривать как одно психоакустически сложное звучание. Мы можем, следовательно, говорить о двух структурных видах денотата - психоакустически простом и психоакустически сложном (см. § 7). Возможны также две разновидности психоакустически сложного денотата: а) сукцессивный денотат²¹ (типы X, XI, XII, XIV); б) симультанно-сукцессивный денотат²² (типы XIII, XV, XVI, XVII, XVIII). Денотат, сложный психоакустически, всегда сложен и акустически. Денотат, простой акустически, всегда простой и психоакустически. В звукоподражательной подсистеме языка-эталона (английского языка) отражаются 18 типов звучания-денотата; в башкирской ономотопее - 15 типов, в индонезийской - 13. Не находят отражение наиболее сложные, многоэлементные типы. Рассмотрим передачу в ономотопе качественных и количественных элементов денотата.

Отражение качественных элементов. Удар звукоизобразительно передается через взрывной характер взрывного согласного либо кликса - фонем, (психо)акустически представляющих собой удар. Он может также отражаться (аппроксимированно) аффрикатой (при этом в башкирском исторически возможен переход аффрикаты /tʃ/ в /ʃ/). Тоновый удар передается фонетическими элементами, (психо)акустически представляющими собой

²¹ Т.е. психоакустически и акустически сложный денотат, в котором составляющие его звучания даны сукцессивно.

²² Т.е. психоакустически и акустически сложный денотат, часть звучаний в котором дана симультанно, часть же - сукцессивно.

тоновой удар: а) тоновым характером долгого гласного; б) тоновым характером сонорного (носового, латерального, лабмального, медиального); в) звонкостью звонкого фрикативного (т.е. тоновым компонентом "тоношумовой" фонемы). Чисто шумовой удар звукоизобразительно отражается фонетическим элементом, (психоакустически представляющим собой чисто шумовой удар, - фрикативностью согласного (в составе глухого фрикативного и звонкого фрикативного), т.е. чисто шумовым компонентом "тоношумовой" фонемы. Чистый диссонанс передается прямо и непосредственно фонемой /г/ (психоакустически вибрантная разновидность /г/ - диссонанс), либо (аппроксимированно) так называемой г-окраской (g-colouring).

Отражение количественных элементов. Высота и громкость звучания-демптата любой разновидности, как правило, отражаются прямо и непосредственно через количественные элементы фонетического строения ономота: меньшая высота и большая громкость обозначаемого звучания отражаются меньшей (акустически) высотой и большей интенсивностью гласного; большая высота и меньшая громкость звучания - большей высотой и меньшей интенсивностью гласного. Длительность - наименее существенный из количественных элементов звучания, и в ономоте этот элемент либо вовсе не отражается, либо аппроксимируется через наличие или же "значащее" отсутствие качественных элементов фонетической структуры ономота - взрывного характера взрывной фонемы в ауслауте, и притом лишь для резонаторного тонового удара (напр., типы I, XIV).

§ 10. Звукоизобразительные функции фонематипов звукоподражательных слов

(Психо)акустически фонематипы могут быть представлены как совокупности определенных элементов. Элементы фонетического строения звукоподражательного слова могут быть качественными либо количественными. Качественных элементов - четыре:
1. Взрывной характер фонематипа (взрывных согласных); 2. Тона-

вый характер фонемотипа (долгих гласных, сонорных) либо тономовой их компонент (звонкость звонких фрикативных); 3. Чисто шумовой характер фонемотипа (глухих фрикативных), либо чисто шумовой их компонент (фрикативность звонких фрикативных).

4. Диссонантный характер фонемотипа (вibrанта). Квантитативных элементов - три: 1. Высота фонемотипа (гласных); 2. Интенсивность фонемотипа (гласных); 3. Длительность (долгота) фонемотипа (гласных). Поскольку нас интересуют в первую очередь звукообразительные (т.е. звукоподражательные и звуко-символические) функции фонемотипов (соответственно ЗИФ, ЗПФ, ЗСФ), в составе которых манифестируются элементы фонетического строения ониматопа, остановимся на этом вопросе подробно.

Взрывной в составе ониматопа в подавляющем большинстве случаев выполняет определенную ЗИФ. Он встречается как в аналуते, так и в ауслуате. Число функций - две. Первая и основная функция - прямое отражение удара. Вторая - отражение краткости краткого резонаторного тонового неудара. Глухой фрикативный в составе ониматопа, как правило, звукообразительно валентен. Он встречается как в аналуте, так и в ауслуате; наличие или отсутствие ЗИФ обычно не зависит от позиции в корне. Функция - одна: прямое отражение чисто шумового неудара. Звонкий фрикативный всегда звукообразительно валентен. ЗИФ одна: передача тономумового неудара. Аффриката в подавляющем большинстве случаев выполняет определенную ЗИФ. Этот фонемотип встречается как в аналуте, так и в ауслуате; в зависимости от позиции функция различна. Наиболее обычной является аналутная позиция. Здесь мы имеем аппроксимированное отражение удара. Помимо ЗПФ в ониматопах - обозначениях чавканья грязи и т.п. аффриката (вне зависимости от ее позиции) выполняет ЗСФ, поскольку передается определенный (чавкающий) элемент артикуляции, в свою очередь, передающий (на стадии имитации) определенный тип рефлекторного движения (в звукообразении чавканье грязи и т.п. "моделируется" по чавканью ртом при жевании и т.п.). Фонемотип /г/ в составе корня ониматопа всегда звукообразительно валентен. Он встречается как в аналуте, так и в ауслуате. ЗИФ - одна: прямое

или же аппроксимированное отражение чистого диссонанса. Сонорный носовой всегда выполняет определенную ЗПФ – как правило, звукообразовательную. Он обычно встречается в ауслауте, редко – в анлауте. В конечной позиции он всегда звукоизобразительно валентен; в начальной же обычно не несет никакой ЗИ-нагрузки. ЗПФ носового сонорного в ауслауте состоит в прямом отражении резонаторного (вызываемого ударом либо квазиударом) тонового неудара. Сонорный латеральный и сонорный лабиальный могут выполнять ЗПФ передачи резонаторного тона. Более обычным, однако, является выполнение ими ЗСФ передачи движения (воды, воздуха). Латеральный, кроме того, выполняет ЗСФ передачи латерального элемента щелкающей артикуляции (имитирующей удар).²³ Гласный (как краткий, так и долгий) выполняет ЗПФ показателя высоты (т.е. низкого/высокого звучания) денотата и одновременно ЗПФ показателя громкости (т.е. тихого/громкого звучания) денотата. Долгий гласный фонемотип выполняет, помимо двух указанных функций, также ЗПФ показателя тонового не-удара (нерезонаторного).

Отдел II. ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОДСИСТЕМА

Построение теории звукосимволизма невозможно без проникновения в сферу денотата, в психофизиологическую основу звуко-символической подсистемы; со сферы денотата мы и начнем наше обсуждение.

²³ О некоторых специфических функциональных особенностях латерального и лабиального сонорных см. также [53].

Г л а в а 5. НЕАКУСТИЧЕСКИЙ ДЕНОТАТ

В главе о неакустическом денотате рассмотрению подлежат два важнейших вопроса - о кинемах и о синестзии.

§ II. Кинемы

Введенное здесь понятие кинемы обобщает различные жестовые - и в первую очередь мимические - движения, представляющие собою, во-первых, рефлекторные и "выразительные" движения, сопровождающие "внутренние" - сенсорные, эмотивные, волюнтаривные, ментальные - процессы в сфере сознания человека (интракинемы), и, во-вторых, "симпатические" движения, служащие мимическими подражаниями "внешним" неакустическим объектам - их форме, размеру, движению (экстракинемы).

Сферы сознания и интракинемы

Сенсоинтракинемы. Те или иные ощущения могут вызвать определенные рефлекторные движения. Еще А. Бэнном [31] и Ч. Дарвином [275] были выделены и весьма подробно рассмотрены такие рефлекторные движения, как дыхание, кашель, мигание, сокращение/расширение зрачка, сосание. А. Бэн выделял также, в частности, следующие рефлекторные движения: рвота, рефлекторные движения органов чувств - дурной запах оказывает непосредственное влияние на мускулы носа, горький вкус вызывает искривление рта. Такое часто относимое к рефлекторным движениям явление, как содрогание, порывистое движение, А. Бэн считает проявлением эмоций. Ч. Дарвин же рассматривает вздрагивание в том же плане, что и дыхание, кашель и т.п. Дело, по-видимому, в том, что вздрагивание и подобные резкие движения могут быть обусловлены факторами как сенсорного, так и эмоционального плана. Это, впрочем, характерно и для других рефлекторных движений; ср. для дыхания и пульса: учащенное дыхание и пульс во время бега и при страхе. Здесь мы подходим к важ-

ному вопросу соотношения рефлекторных движений, сопровождающих те или иные ощущения, и так называемых выразительных движений, сопровождающих эмоции. Анализ приводит к выводу о принципиальном совпадении тех и других: одни и те же движения органов могут выступать и как рефлекторные движения (в ответ на сенсорный стимул), и как "выразительные движения" (при эмоциях); это, впрочем, понятно — особенно в свете идеи о генетическом общности эмоций и ощущений [13]. Термина, объединившего бы обозначения той и другой разновидности движений, в филологии, насколько известно, нет. В качестве такого обобщающего термина можно, думается, предложить термин "интракинема". В целях унификации метаязыка логично вместо построенных на разных основаниях и потому, строго говоря, логически несопоставимых терминов "рефлекторные движения" и "выразительные движения" предложить, соответственно, термины "сенсоинтракинемы" и "эмоинтракинемы". Как первые, так и последние будут охватывать фооинтракинемы и мимеоинтракинемы.

Эмоинтракинемы. Характерная для любого восприятия изобразительная "заинтересованность" выражается в определенном отношении человека к окружающему миру. Так эмоции становятся одной из форм отражения действительности [231]. Психологическое состояние человека, его эмоции обычно находят выражение в эмоинтракинемах. Наиболее значимы для звукоизобразительности эмоинтракинемы, связанные с мускулатурой произвольных движений. В этой группе обычно выделяют три подгруппы (например, [196, с. 481]): 1) мимика (выразительные движения лица); 2) пантомимика (выразительные движения тела); 3) вокальная мимика: а) интонация; б) тембр. Следует, однако, подчеркнуть, что традиционно выделяемые интонация и тембр не исчерпывают богатства средств "вокальной мимики", и мы приходим к необходимости установления еще одной разновидности вокально-мимических средств (разновидности, имеющей немалое значение для звукоизобразительности). Мы имеем в виду непримечательные фонетические — неязыковые звуки и комбинации таких звуков, сопровождающие ("выражающие") различные психические состояния: напоминающий стон звук плохого самочувствия, болезненного состояния

(сходный со звуком речи /п/); звук, выражающий недоверие и напоминающий сочетание hnh и др. В паралингвистике это vocal segregates Дж. Трейгера [398].²⁴ У Дж. Трейгера, однако, обсуждаются неязыковые звуки, сопровождающие (факультативно) речь человека. Здесь же имеются в виду звуки, являющиеся частным случаем интракинем безотносительно к тому, сопутствуют они речевому акту или же звучат вне его. Как разновидности "выразительных движений" рассматривает эти звуки К. Леонхард [332], обозначая их термином "фоны" и ставя их в один ряд с "выразительными движениями" лица и тела; соответственно, он говорит о "фонике", "мимике" и "жестике". Первое обширное и детальное исследование выразительных движений, основанное на ооооом фактическом материале, было проведено в создавшем целую эпоху труде Ч. Дарвина "Выражение эмоций у человека и животных" [275]. Дарвин не только истолковал выражение эмоций с позиций эволюционного учения, но и использовал свой материал для укрепления этих позиций, поскольку наличие сходных черт у человека и животных в способах выражения одних и тех же или близких эмоций рассматривалось Дарвином как одно из доказательств происхождения человека от наших животных форм; понятен поэтому интерес Дарвина к проблеме выражения эмоций; он исходил из того, что учение о происхождении человека будет более законченным, если удастся показать общность корней различных проявлений психологической жизни человека и нижестоящих животных [66, с. 662].

Волеинтракинемы. "Выразительные" движения, сопровождающие волевые акты, изучены слабо. Назовем здесь сжатие губ и выпячивание нижней челюсти — мимику упрямства, упорства.

Менталнтракинемы. Сюда следует отнести такие мимические движения, как наморщивание лба, шевеление губами при мыслительном напряжении, при решении какой-либо задачи.

²⁴ О паралингвистике см. также [173; 125].

Фоноинтракинемы

Необходимо выделить всего 36 типов фоноинтракинем:²⁵

I. Втягивание носом воздуха; II. Фырканье; III. Храп;
 IV. Посвистывание (ртом или носом); V. Чиханье; VI. Лизание,
 лакание; VII. Сосание; VIII. Всасывание (ртом жидкости);
 IX. Плевание; X. Чмокание (смакование); XI. Цокание; XII. Щел-
 канье; XIII. Чавканье; XIV. Дуновение (ртом); XV. Вдох;
 XVI. Дыхание с присвистом; XVII. Плач, вой; XVIII. Громкий
 крик; XIX. Оранье, рев; XX. Пронзительный крик; XXI. Смех;
 XXII. Кусание; XXIII. Завота; XXIV. Ворчание; XXV. Стон;
 XXVI. Хныканье; XXVII. Хихиканье; XXVIII. Удушье; XXIX. Гло-
 тание; XXX. Икота; XXXI. Кашель; XXXII. Желение; XXXIII. Раз-
 кое движение; XXXIV. Рыгание; XXXV. Рвота; XXXVI. Хрип.

По месту образования, т.е. соответственно тем полостям,
 в которых преимущественно и происходят рефлекторные и "вырази-
 тельные" движения, фоноинтракинемы подразделяются на 3 класса:
 А. Носовые, Б. Ротовые, В. Горловые. В пределах каждого клас-
 са имеются подклассы.

Подкласс А - собственно носовые (тип I)	}	класс А
Подкласс АВ - носогорловые (типы II, III)		
Подкласс БА - ротоносовые (типы IV-V)	}	класс Б
Подкласс Б - собственно ротовые (типы VI-XII)		
Подкласс БВ - ротогорловые (типы XIII-XVI)		
Подкласс БАВ - ротоносогорловые (типы XVII-XXIV)		
Подкласс ВА - горлоносовые (тип XXV)	}	класс В
Подкласс ВБ - горлоротовые (тип XXIX)		
Подкласс В - собственно горловые (типы XXX- XXXVI)		

²⁵ Фоноинтракинемы содержат звуковой (фонический) компо-
 нент, который, однако, в них вторичен, произведен; принципи-
 альные особенности их определяются не им, а артикуляторным
 компонентом. Потому эти кинемы более оправдано рассматривать
 в рамках неакустического денотата.

Многие фоноинтракинемы носа, рта и горла происходят, как известно, на вдохе, другие же — на выдохе, третьи — как на вдохе, так и на выдохе.

В своей совокупности они составляют группу спираторных (дыхательных) кинем, характеризующихся наличием вдыхаемой или/и выдыхаемой струи воздуха. К спираторным относятся кинемы тридцати типов: I — VI, VIII, IX, XI — XXVIII, XXX — XXXVI.

Спираторные кинемы противопоставляются неспираторным (недыхательным), связанным с сосательными движениями соответственно в ротовой полости и с ротогорловыми (точнее, язычно-горловыми) глотательными движениями. К неспираторным относятся кинемы следующих шести типов: VII, X — XIII (ротовые); XXIX (горловые). Параметр, лежащий в основе подразделения кинем на спираторные и неспираторные и имеющий отношение к делению их по способу их образования, обозначим термином "спираторность" ("дыхательность"). По параметру "голосность", т.е. по наличию или отсутствию в процессах голоса (звука музыкального тона, производимого вибрацией голосовых связок), будем различать голосовые и неголосовые кинемы. Это деление, естественно, относится лишь к спираторным кинемам. К голосовым относятся кинемы десяти типов: V, XVII — XXI, XXIV — XXVII. К неголосовым же принадлежат кинемы следующих двадцати типов: I — IV, VI, VIII, IX, XI — XVI, XXII, XXIII, XXX — XXXVI.

Фоноинтракинема любого типа может достаточно полно быть охарактеризована через элементы ее основного артикуляторного состава. Элементы основного артикуляторного состава подразделяются на качественные и количественные. Всего, по-видимому, можно выделить 14 качественных элементов. Эти элементы могут быть двух родов: выделяемые по месту артикуляции (1) и выделяемые по способу артикуляции (2). Качественные элементы, выделяемые по месту артикуляции, таковы: 1. Носовой; 2. Увулярный; 3. Губной; 4. Зубной; 5. Латеральный; 6. Переднеязыч-

ный; 7. Среднеязычный; 8. Заднеязычный; 9. Нёбный; 10. Горловой; 11. Голососвязочный. Выделяемые по способу артикуляции качественные элементы таковы: 12. Смычный; 13. Щелевой; 14. Вибрантный. Количественные элементы: 1. Продвинутость; 2. Открытость; 3. Длительность. Необходимо отметить, что в отношении количественных элементов продвинутости и открытости не во всех случаях имеется достаточная ясность (нужны, по-видимому, экспериментальные данные). Качественные элементы фоноинтракинемы — это основные единицы ее артикуляторного состава, количественные же элементы представляют собой дополнительные единицы атрибутивного характера. Любая фоноинтракинема является совокупностью определенных качественных и количественных элементов.

Мимеоинтракинемы

Мимеоинтракинемы — это мимические рефлекторные и "выразительные" движения "в чистом виде", без звукового (фонического) компонента. Здесь можно, по-видимому, выделить следующие основные типы: высовывание языка (от жары), облизывание языком губ, мигание, моргание, щурение, нахмуривание, выпячивание нижней челюсти (мика упрямства, упорства), сжимание губ, выпячивание нижней губы, надувание губ, улыбка, слюноотделение. Обсуждение целого ряда таких мимических движений находим в работе К. Леонхарда [332]. В целом, однако, мимеоинтракинемы изучены еще слабо.

Экстракинемы

Под экстракинемами в работе понимаются "симпатические" движения, служащие мимическими подражаниями "внешним" неакустическим объектам (их форме, размеру, движению). Такие движения рта и носа, не являющиеся самостоятельными физиологическими актами, в большинстве языков не имеют специальных названий; однако эти движения нередко служат мимическими подражаниями процессам и формам внешней природы, и порождаемые такими движениями звуковые комплексы впоследствии становятся,

замечая саму мимику, обозначениями изображаемых внешних процессов [60, с. 73]. Ш. Балли отмечал: "При произнесении округлых гласных (ou, u) губы выпячиваются; это движение, даже вне речевой деятельности, выражает плохое настроение, насмешку, презрение: boudier 'дуться' (...). Необходимо отметить еще, что наши голосовые органы производят *mutatis mutandis* те же символические движения, что и наши руки ..." [19, с. 148]. Эта мимика (обычно бессознательная, непроизвольная) хорошо известна. В этой связи обычно цитируют известное высказывание Ч. Дарвина: "Существуют ... такие действия, которые обыкновенно совершаются при определенных обстоятельствах, независимо от привычки, и которые обязаны своим происхождением подражанию или же относятся к категории содружественных движений. Например, случается видеть, что люди, режущие что-либо ножницами, двигают челюстями в такт движениям ножниц. Когда дети учатся писать, они часто презабавно двигают языком одновременно с движением пальцев" [86, т. 5, с. 713]. Все экстракинемы представляют собой мимеоэкстракинемы: денотат здесь практически лишен фонических компонентов.

§ 12. Синестемия

Психофизиологической основой звукосимволизма является (как это позволяет утверждать проведенное исследование) синестемия (букв. "соощущения + созмоции"). Под синестемией мы понимаем различного рода взаимодействия между ощущениями разных модальностей (реже — между ощущениями одной модальности) и ощущениями и эмоциями, результатом которых на первосигнальном уровне является перенос качества ощущения (либо перенос нервных импульсов), на второсигнальном же уровне — перенос значения, в том числе передос значения в звукосимволическом слове. Предлагаемое здесь рабочее определение нового понятия нуждается в обосновании. Такое обоснование можно дать, лишь рассмотрев послужившие для нас исходными понятия сенсорного взаимодействия (пути и виды) и синестезии.

Г.В. Гершуни с полным основанием указывает на то "существенное место", которое занимает исследование сенсорных систем в стремлении изучить функции организма "как целостной системы" [69, с. 406]. Любое предметное восприятие системно, оно является результатом полимодальной деятельности. С.В. Кравков выделяет ряд путей, или способов, которыми могут осуществляться взаимные связи между сенсорными ("чувствующими") системами: "афиптические" связи; междцентральные связи; вегетативная нервная система; гуморальные изменения; сенсорные условные рефлекс; влияние возникающих представлений [133, с. 64 и сл.]. Следует, по-видимому, выделить два важнейших пути сенсорного взаимодействия: 1) центральный, 2) периферический. Первый охватывает две разновидности связей (выделяемые, соответственно, по топографическому и функциональному признакам): афиптические (контактные) связи и ассоциативные (междцентральные, кортикальные) связи.

Афиптические связи (связи через соприкосновение нервных путей: греч. *ἄφαισις* 'прикосновение'). Возбуждение одних нервных волокон и клеток влияет на состояние других, смежных с ними. Этот вид связей объясняет, в частности, явление усиления слышимого громкого звука при освещении глаз. В области переднего четверохолмия и боковых коленчатых тел волокна слухового и зрительного нервов лежат весьма близко друг к другу и лишены изолирующей миелиновой оболочки; последняя же, как известно, препятствует взаимодействию импульсов. Отмеченная анатомическая близость нервных путей сказывается и физиологически: возможен переход возбуждения с одних путей на другие. В области среднего мозга также возможно обоюдное влияние через иррадиацию возбуждения с путей зрительных на слуховые пути, и наоборот. Подобное влияние одних ощущений на другие, по-видимому, происходит на уровне верхних отделов ствола и зрительного бугра, где волокна, проводящие возбуждения от различных органов чувств, сближаются и передача возбуждений с одной системы на другую может осуществляться особенно успешно [158, с. 19].

Ассоциативные связи. Существование многочисленных ассоциативных волокон связывающих между собой различные участки

коры головного мозга (а также наличие иных межцентральных связей) — один из путей, посредством которых изменения, индуцированные в одном органе чувств, могут влиять на состояние другого. Помимо многочисленных безусловных побочных раздражителей существует множество возможных условных раздражителей. Имеется в виду случаи взаимодействия органов чувств, осуществляемого через кору головного мозга по принципу ассоциативных связей. Сенсорные условно-рефлекторные связи могут вырабатываться как между афферентными системами, так и между афферентными системами и второй сигнальной системой: они могут возникать в ответ лишь на слово, обозначающее условный раздражитель. Образование такого рода связей "открывает бесчисленные возможности влияния органов чувств друг на друга" [133, с. 86]. Зрительные ощущения, очевидно, не являются простым перекодированием в сознании сетчатого образа, — они актуализируют всю совокупность хранящихся в памяти ощущений других модальностей (ассоциировавшихся ранее воздействием зрительного стимула). Большое значение в механизме условных связей придается ассоциативным межкортикальным путям. Все поля зрительной коры имеют сильные взаимные связи (ср. [217, с. 21]). Наличие таких связей понятно, особенно в свете того факта, что нейроны ассоциативной области коры (в отличие от нейронов первичной сенсорной области) проявляют небольшую модальную специфичность и высокую степень конвергенции, и на нейронах зрительной области отмечено взаимовлияние соматической, слуховой и зрительной импульсаций. Височно-теменно-затылочная подобласть, составляющая зону перехода между слуховой и зрительной зонами коры, функционально особенно тесно связана с наиболее сложными формами интеграции слуховых и зрительных рецепций, с семантикой устной и письменной речи (ср. [187, с. 63]).

Представляется необходимым выделить также филогенетический аспект проблемы. Известно, что у приматов, и особенно у человека, по сравнению с нижестоящими представителями отряда млекопитающих, корковые взаимосвязи зрительного, слухового и двигательного анализаторов выражены лучше и представлены богаче и разнообразнее. Усложнение в процессе эволюционного разви-

тия структурно-функциональной организации периферического и центрального звеньев зрительного, слухового и двигательного анализаторов сопровождается развитием и усложнением межанализаторных связей и корковых полей мозга. В процессе филогенеза все более возрастает значение ассоциативных полей. Филогенетический аспект проблемы взаимодействия ощущений отнюдь не неожиданно увязывается с проблемой происхождения языка. Так, Г. Бенедетти, констатируя, что человеку (в отличие от животного) присущи интермодальные ассоциации, называет слово первым интермодальным символом: человек научается называть объект, поскольку у него вырабатываются ассоциации, например, между зрительным, акустическим и тактильным образом; к этому моменту эволюции фонационный аппарат уже сформировался настолько, что он может произвести звук, с помощью которого ассоциируется внутреннее переживание слияния поступающей по различным каналам информации; способность человека формировать интермодальные ассоциации способствует, таким образом, появлению языка [257, с. 172]. Синестезия играет особенно значительную роль на ранних — как филогенетически, так и онтогенетически — ступенях человеческого восприятия; последний вывод следует также из исследований по онтогенезу речи (ср. особенно [243]).

Периферический путь взаимодействия ощущений (речь идет о вегетативной нервной системе и о гуморальных изменениях) представляет для нашей темы меньший интерес, чем центральный путь. Поэтому заметим лишь, что о возможности связи синестезии с гуморальными процессами говорит факт появления синестезии под влиянием таких наркотиков, как мескалин и ЛСД-25 [32, с. 58].

Выделяют три вида сенсорного взаимодействия [196, с. 192]. Первый — это влияние, которое раздражение одного рецептора оказывает на пороги другого. Так, прерывистый свет, уже достигший критической частоты слияния мельканий, может вновь стать прерывистым под воздействием диссонантных сочетаний звуков, а также при повторяющихся осязательных ощущениях шероховатых поверхностей. Второй вид взаимодействия ощущений —

синестезия. Примеры - "цветной слух", а также слуховые впечатления, вызываемые световыми раздражениями. Третий вид взаимодействия ощущений проявляется в той взаимосвязи ощущений разных рецепторов, которая постоянно имеет место в процессе восприятия любого предмета или явления. Так, при ощущении терпкого или едкого вкуса пищи к собственно вкусовым ощущениям присоединяются осязательные и легкие болевые ощущения. Представляется, что помимо устанавливаемых С.Л. Рубинштейном трех видов взаимодействия необходимо выделить еще один вид, четвертый. Мы имеем в виду то влияние, которое может оказывать ощущение одной модальности на ощущение другой модальности в смысле накопления (либо уменьшения) количества одного ощущения под воздействием другого. Наряду с синестезией случаи этого рода особенно значимы для понимания психофизиологической основы звукоизобразительности. Примеры, в частности, таковы: повышение тона вызывает посветление воспринимаемого цвета, понижение тона - потемнение цвета; низкие звуки делают последовательные образы менее яркими и удлиняют период затухания этих образов.

Изучение синестезии (психологами) и звуко-символизма (лингвистами и психологами) длительное время шло независимо, "на параллельных курсах". Лишь сравнительно недавно отдельные исследователи стали так или иначе - порою с совершенно различных позиций - сопоставлять эти два понятия (см., например, [326, с. 150; 263, с. 132]. Ж.-М. Петерфальви [362, с. 153] была предпринята попытка рассматривать звуко-символизм как "частный случай" синестезии (такой подход, конечно же, возможен; он, однако, не учитывает кардинальных различий между явлениями соответственно второй и первой сигнальных систем и мало что дает для выяснения природы и "подосновы" звуко-символизма). И лишь в самое последнее время в трудах И.Н. Горелова первоначально в неявной форме [75, с. 39-40], затем эксплицитно [76, с. 9] выдвигается тезис о том, что звуко-символизм обусловлен психофизиологически - явлением синестезии. (Развитие и уточнение положений Ж.-М. Петерфальви и И.Н. Горелова закономерно приводит нас к идее синестезии

(см. ниже) как психофизиологической основы звукосимволизма). Рассмотрим понятие синестезии и основные его трактовки. Объектом внимания исследователей синестезии стала немногим более ста лет назад, и изучение ее еще не вышло из стадии первоначальной дескрипции. Неудивительно поэтому, что не существует удовлетворительной теории этого феномена, как не существует и единой трактовки самого понятия синестезии. Одно из самых досадных последствий сложившейся ситуации - "использование одного и того же определения "синестезия" для аномальных навязчивых "соощущений" патологического происхождения (предмет исследования медика) и для "соощущений" ассоциативного происхождения (предмет исследования психологов и теоретиков искусства), присущих уже каждому человеку как определенная норма" [63, с. 173]. Для иллюстрации еще встречающегося (хотя и не столь часто) "узкого" понимания синестезии приведем определение А. Пьерона: "Синестезия. Термин, характеризующий сенсорное переживание некоторых индивидов, у которых ощущения, соответствующие определенной области ощущений, ассоциируются с ощущениями другой области ощущений и систематически появляются при возникновении этих последних" [428, в. в. synesthésie]. Именно подобные определения давали Р. Брауну повод заявить: "Звуковой символизм не следует сводить к синестезии по той причине, что исследования синестезии обычно давали значительные индивидуальные расхождения" [263, с. 132]. Р. Браун прав - если понимать синестезию узко, как явление индивидуальное, неуниверсальное. Наиболее распространенным можно считать более широкое понимание синестезии. Приведем ряд характерных определений: "... явления возникновения в ответ на раздражение вторичных ощущений и представлений другого качества известны в науке под названием синестезий" [133, с. 59]; " <...> совместная работа (ощущений. - С.В.), при которой качества ощущений одного вида (например, слуховых) переносятся на другой вид ощущений (например, зрительных). Это явление переноса качеств одной модальности на другую называется синестезией" [158, с. 19]; "феномен восприятия, состоящий в том, что впечатление, соответствующее данному

раздражителю и специфичное для данного органа чувства, сопровождается другим, дополнительным ощущением или образом, при этом часто таким, которое характерно для другой модальности" [189, с. 419]. Формулировки приведенных дефиниций весьма различны, как различны и расставленные в них акценты. Общими, однако, являются следующие моменты (это следует не только из самих определений, но и из всего контекста соответствующих работ): один стимул вызывает не одно ощущение, а два ощущения: одно — адекватное, второе — неадекватное, вторичное, индуцированное; наличествует перенос качества одного ощущения на другое; синестезия в широком смысле есть норма и явление общезначимое; синестезия ограничивается сенсорной сферой. Реже встречается более широкая трактовка синестезии как включающей не только созвучие неадекватных ощущений (наряду с адекватными), но и вообще любое взаимодействие ощущений: "Мы имеем здесь всеобщий феномен, и мы предлагаем говорить о синестезии в каждом случае установления систематического соответствия между стимулами, принадлежащими к различным сенсорным модальностям" [362, с. 43]. В этой трактовке, впрочем, синестезия также ограничена лишь сенсорной средой.

Исследование звуко-символизма показывает, что ни в одной из приведенных выше трактовок синестезия не исчерпывает психофизиологической основы ЗС. Ибо ЗС-номинация широко действует не только в сенсорной, но и в эмоциональной сфере. В известном обзоре И.П. Соколова отмечается, что восприятие низких звуков сопровождается подобным же эмоциональным коэффициентом, как ощущение чего-либо большого, широкого, толстого, и этот эмоциональный коэффициент ("чувственный тон") становится основой для ассоциативной связи между такими восприятиями, которые сами по себе не имеют ничего общего друг с другом: получающиеся, например, пространственные предикаты звука суть простые метафоры, основанные на эмоциональной ассоциации [208, с. 405]. На роль общности "эмоциональной окраски", "аффективных моментов", "чувственного тона", "эмоциональных факторов" указывают многие исследователи (например, [334, с. 711]). Роль эмоционального фактора представляется особенно важной в свете

вывода о том, что результаты воздействия звуковых раздражителей на цветное зрение человека зависят от того эмоционального знака, которым они сопровождаются. По-видимому, положительная либо отрицательная эмоциональная окраска (приятное / неприятное, удовольствие / неудовольствие) благодаря своей "всеобщности" действительно может выступать в качестве медиатора, своеобразного "общего знаменателя" при переносе качеств ощущений. Следует подчеркнуть, однако, что роль эмоционального фактора этим не исчерпывается: он может выступать и как самостоятельный "конечный" элемент в цепи переноса "ощущение → эмоция". Приведем примеры. В.С. Дерябин отмечает, что черный цвет действует подавляюще, так же как действует ночь со своими страхами: "Можно думать, что цветовые ощущения, вызываемые окружающей средой, совпадают во времени с чувственными переживаниями, имеющими место при соответствующей обстановке, и затем сами начинают вызывать такие же чувства" [88, с. 66]. Другие известные примеры этого же плана таковы: высокие, быстро следующие звуки возбуждают, а низкие, протяжные звуки понижают эмоциональное возбуждение; с обонятельными, вкусовыми и тактильными ощущениями наиболее тесно связаны чувства удовольствия/неудовольствия: сахар вызывает ощущение, сопровождающееся чувством удовольствия; горечь — качество вкусового ощущения — распространено на эмоции (ср. "горечь разочарования"); жесткость, неровность, "грубость" фактуры оценивается как "неприятное", мягкость и гладкость — как "приятное". Подобные факты, как это представляется, могут получить теоретическую интерпретацию в плане развития идеи о принципиальном учете случаев переноса "ощущение → эмоция". Отмеченная выше "всеобщность" таких явлений эмоциональной сферы, как положительная/отрицательная эмоциональная окраска позволяет в значительной мере (на стадии "грубой наводки", хотя и не на стадии "точной настройки") объяснять перенос качества ощущения во всех случаях, когда участвует эмоциональный элемент. Заметим, что сказанное действительно не только для сферы "низших", простейших эмоций, но и для понятий "высшей" эмоционально-интеллектуальной сферы, о чем свидетельствуют экспериментальные данные [279, с. 27-28].

Итак, мы оказываемся перед выбором: чрезвычайно расширить рамки устоявшегося термина "синестезия" или же предложить новый термин, который охватил бы, помимо "поля" канонических "чисто сенсорных" трактовок синестезии, еще и "территорию" не учитываемых в этих трактовках сенсорно-эмоционального и эмоционального переносов, а также других (помимо синестезии) видов взаимодействия ощущений. Выбор второй альтернативы ныне представляется более оправданным (но ср. более раннюю точку зрения: [52]) — тем более, что внутренняя форма предлагаемого термина "синестемия" ("соощущения" + "созмоции") вполне отражает содержание понятия. Механизм действия синестемии (как и сама природа ее) остается во многом неясным. Тем не менее можно, основываясь на имеющихся данных, постулировать следующую схему. Взаимодействие элементов сенсорной и эмоциональной сфер при синестемии выражается в переносе и имеет перенос своим результатом. Мы выделяем два архитипа переноса: на анатомио-физиологическом уровне — эфэптический (топографический); на психофизиологическом уровне — ассоциативный (функциональный) (ср. выше об эфэптических и ассоциативных связях при сенсорном взаимодействии). На последних двух уровнях в ассоциативном переносе выделяем два типа: сенсорный и эмоциональный типы. Основанием переноса, по-видимому, служит определенная общность взаимодействующих элементов. В эфэптическом архитипе имеем смежность нервных путей; объект переноса — нервные импульсы, характер переноса — прямой. В сенсорном типе (ассоциативный архитип, психофизиологический уровень) имеет место перенос качества одного ощущения на другое, при этом в чисто сенсорном подтипе перенос прямой, в сенсорно-эмоциональном — медиованный, т.е. опосредованный "супрасегментис" общим эмоциональным элементом. В эмоциональном типе (ассоциативный архитип, психофизиологический уровень) — прямой перенос качества ощущения на эмоцию. На лингвистическом уровне видим аналогичную картину — с той лишь разницей, что речь здесь идет не о самих сенсорно-эмоциональных элементах, а об их языковых обозначениях, и объектом переноса служит не качество ощущения, а значение звуко-символического слова. Для предлагаемой здесь

концепции синестемии принципиально важным является положение о том, что в этом случае может иметь место взаимодействие элементов не только сенсориума, но и эмоциональной сферы. Эмоциональный элемент может участвовать в синестемии двумя путями: либо как некий вспомогательный элемент²⁶ при переносе "ощущение₁ эмоция ощущение₂", либо как самостоятельный конечный элемент в цепи переноса "ощущение — эмоция". Эмоции интегративно включаются в структуру многих психических процессов; они придают ощущениям специфический "эмоциональный тон". Последний аккумулирует в себе наиболее общие и часто встречающиеся признаки полезных и вредных факторов, устойчиво сохранившиеся на протяжении миллионов лет естественного отбора. Следует подчеркнуть, что если роль общности эмоциональных элементов (у взаимодействующих ощущений) в теоретическом плане отмечалась (хотя из этого и не делалось принципиальных выводов), то даже сам факт возможного участия эмоции как самостоятельного конечного элемента при синестетическом (в каноническом понимании) переносе никак в плане теоретическом не учитывался; ни один из указанных моментов не учтен, в частности, в известных определениях синестезии. Между тем уже всепроникающий характер эмоциональных элементов, их интегративная включенность в структуру самих ощущений заставляет настаивать на принципиальном включении в синестемию эмоционального компонента. Синестемия есть психофизиологическая универсалия, лежащая в основе звуко-символизма как универсалии лингвистической. Область действия синестемии — сенсорно-эмоциональная сфера; эта же сфера в значительной части есть область денотации ЗС-лексики.

Все мы понимаем смысл таких часто употребляемых выражений, как "острый вкус", "сладкие звуки", "блестящая игра на скрипке", "кислый запах". Эти и другие приводившиеся выше обычные примеры являются ценным свидетельством того, что "между впечатлениями различных видов чувствительности (добавим: и

²⁶ Этот вспомогательный элемент по существу представляет собой медиатор, "общий знаменатель", своеобразный *tertium comparationis*.

эмоций. — С.В.) нам естественно бывает чувствовать какие-то органические внутренние связи" [133, с. 62]. На подобные факты, как правило, указывают сторонники теории звуко-символизма; противниками же этой теории такие данные обычно встречаются скептически либо просто игнорируются. В этой связи свидетельства со стороны психофизиологии и психологии особенно показательны и важны.

Г л а в а 6. ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКИЕ СЛОВА

§ 13. Признаки звуко-символического слова

Если для звукоподражательного слова всегда имеется полная ясность относительно возможных признаков, полагаемых в основу номинации (эти признаки всегда представляют собой звук), то для звуко-символического слова полной ясности относительно таких признаков нет. Сфера мотивации (собственно, примарной мотивации) ЗС-слова значительно шире сферы мотивации ЗП-слова, она же остается и менее определенной. Сфера начальной денотации ЗС-слова (т.е. сфера денотации до появления различных переосмыслений слова) во многом совпадает со сферой его мотивации; поэтому целесообразно обсудить вопрос о том, какого рода события обозначаются — по мнению различных исследователей — ЗС-словами. По О. Есперсену, например, эти слова обозначают: движение, вещи и внешний вид (форма, свет), душевное состояние (неудовольствие, отвращение), размер и удаленность [315, с. 399–403]. По М.Ф. Фазылову, таджикскими звуко-символическими словами обозначаются движения, световые явления, физиологические и эмоциональные состояния [232, с. 20]. Н.И. Ашмарин выделяет: явления движения, и в частности световые явления, звуковые явления речевого аппарата, явления незвукового порядка в человеческом организме,

денотаты детских слов [14, т. 2-3, с. 143]. По В.А. Горцевской, звонкийские и маньчжурские образные слова обозначают внешний вид и мимику человека, походку, различные движения живых существ, световые и цветовые образы "и другие" [81, с. 77] и т.д. Картина, как видим, весьма хаотичная. Попробуем несколько упорядочить ее. Анализ показывает, что в основу номинации звуко-символических слов могут быть положены признаки объектов, воспринимаемые в любой сенсорной модальности человека (разумеется, кроме слуховой модальности: в этом случае речь идет уже о звукоподражании): это могут быть признаки, получаемые через зрение, обоняние, вкус, осязание, органические ощущения. При этом наибольшее число возможных признаков приходится на долю зрения: движение (мгновенное / длительное, быстрое / медленное, резкое / мягкое, неровное / ровное, непрерывное / прерывистое, беспорядочное, скользящее),²⁷ статика (удаленность - близкое / далекое, размер - большое / маленькое, форма - округлая, искривленная, заостренная, вытянутая). Обоняние дает нам различие запахов, которые в первую очередь квалифицируются как приятные / неприятные. Вкус позволяет дифференцировать вкусовые признаки (характеристики) объекта - сладкое, соленое, кислое, горькое (также характеризующиеся как приятные / неприятные). Осязание дает возможность различать: признаки кожно-осознательной (тактильной) группы (прикосновение, давление, свойства поверхности - гладкое / шероховатое; фактура объекта; твердость или жесткость, а также упругость; форма), признаки температурной группы (горячее / холодное), болевой группы (боль режущая, колющая, ноющая, тупая, острая). Признаки голода, жажды, удушья мы получаем через органические ощущения. Отмеченные признаки, по существу, охватывают все разновидности признаков, кроме звуковых. Поэтому представляется оправданным определить (с некоторой неизбежной долей условности) сферу мотивации (и первоначальной денотации) звуко-символических слов в целом как "незвук".

²⁷ Сюда же относятся различные виды походки.

Рассмотрению звукосимволических слов, естественно, предшествует идентификация их (в словаре, в тексте). Интуитивизму и импрессионизму, по существу безраздельно господствующим на современном этапе определения признаков этих слов, должна быть противопоставлена альтернатива в виде системы достаточно объективных и строгих критериев их "опознания". Выявленные на основе анализа звукосимволического материала целого ряда неродственных языков признаки звукосимволических слов и критерии их идентификации таковы: I. Семантические критерии - 1) эмоциональность и экспрессивность, 2) образность семантики, 3) конкретность семантики, 4) обозначение простейших элементов психофизиологического универсума человека; II. Грамматические критерии - 5) морфологическая гипераномальность; III. Словообразовательные критерии - 6) редупликация; IV. Структурно-фонетические критерии - 7) фонетическая гипераномальность, 8) относительное единообразие формы, 9) фонетическая гипервариативность (протетический сонорный, метатеза, "чередование гласных", "чередование согласных" - по способу, по месту артикуляции, по звонкости/глухости); V. Функциональные критерии - 10) стилистическая ограниченность; VI. Интерлингвистические критерии - 11) типологическое сходство (изоморфизм) ЗС-слов по разным языкам.

Подчеркнем, что в ходе эволюции звукосимволические слова обычно утрачивают свою первоначальную семантическую и функциональную ограниченность, "смешиваясь" со словами незвукоизобразительной сферы. Поэтому применения критериев I-4, 10 оказывается действительным лишь в купе с этимологическим анализом. Большинство критериев достаточно очевидно; критерий 9, однако, требует раскрытия. Речь, в частности, идет о парах (в отдельных случаях - о целых цепочках) слов с одним и тем же значением (либо с очень близкими значениями), в которых варьируются лабиальные (в пределах фонемотипа лабиальных). Ср.: англ. *boo-zed* 'пьяный' и *woozy* 'плохо соображающий; пьяный'; *boob* 'дурак', *boor* 'глупый или незначительный человек' и *woof* 'вести глупую беседу'. Рассматривая идеофоны ряда африканских языков, Б.Е. Журковский отмечает: "Наибольший интерес пред-

ставляет звуковая природа идеофонов, а именно связь отдельных групп ... "похожих" согласных (например, b/p/f/h; z/v; m/n; a/g и т.д.) с определенными лексическими значениями, причем последовательность элементов ... в морфемических сегментах,²⁸ как правило, безразлична, и замены указанных "похожих" элементов фонетически необусловлены" [103, с. 54]. Обсуждая подобные образования в малайском/индонезийском, Д. Карр пишет: "Важно помнить, что неэкспрессивные образования ... дают очень мало свидетельств подобной свободы выбора между звонкими и глухими смычными, между смычными и соответствующими им фрикативными, между носовыми и ротовыми ... Появление такой пластичности является фактически неоспоримым признаком экспрессивности ..." [269, с. 372].

§ 14. Кинесемизмы

Фоноинтракинесемизмы

Остановимся на типологически наиболее интересных разновидностях фоноинтракинесемизмов. Тип VI: Обозначения лизания, лакания. Лизание, лакание - инспираторно-экспираторная, негolosовая кинема. Звукоизобразительность образований этой группы широко известна. Основной элемент корня - "язычный по преимуществу" латеральный сонорный /l/: англ.: lick 'лизать, облизывать', lap 'лакать'. Тип VIII: Обозначения всасывания (ртом жидкости). Кинема всасывания ртом жидкости имеет значительное сходство с артикуляцией в первую очередь таких звуков речи, как глухой свистящий или шипящий: в том и другом случае участвует передняя часть языка, которая соприкасается с нёбом по бокам, оставляя узкую щель посередине; может происходить также поднятие к нёбу средней части языка. Отсюда - международность анлаута /e-/ , /ʃ-/ в обозначениях всасывания. В

²⁸ О морфемических сегментах см. [370].

этой связи уместно привести "синтезированные слова" *æp, æp*, полученные Р. Пейджетом [358] в результате озвучивания жеста всасывания. Ср. англ. *suck* 'сосать, всасывать'. Более обычно, однако, конечный губной согласный, отражающий смыкание губ (во время всасывания): англ. *sup* 'отхлебывать; ужинать'; малайск. *sewar*, япон. *suu* (< *sup*), семит. *špšp*. Тип XII: Обозначения шелканья.²⁹ Шелканье относится к латеральным переднеязычным неспираторным кинемам. В смычке участвует вся поверхность передней части языка, самый же кончик языка остается прижатым к нёбу, а взрыв осуществляется спинкой языка. Как особые фонемы латеральные аффрикаты в большинстве языков не встречаются. Здесь следует в первую очередь привести международное описательное междометие со значением 'вкусно, приятно' (заключающееся в прищелкивании языком): англ. *click* 'щелкать языком; щелкать (щекоткой и т.п.)', чуваш. *шылк* 'подражание щелканью языком, а также щелканью щекотки', селькуп. *ooq* 'о щелканье языком', рус. *щёлк* (ср. сам термин "щелкающие звуки"). Тип XIII: Обозначения чавканья. Чавканье относится к среднеязычно-нёбным неспираторным кинемам. Наиболее частое при чавканьи нерезкое отрывание языка от нёба (и постепенное образование щели) — после смычной стадии "сосущего" движения языка, с силой прижатого к нёбу, — обуславливает выбор аффрикаты (как фонемы со смычно-щелевой артикуляцией) в соответствующих звукоизображениях. Характерная для чавканья среднеязычно-нёбная смычка (язык с силой прижимается к твердому нёбу) обычно аппроксимируется в звукоизображении прищипыванием, как правило, сильным (особенно на стадии первичной имитации и в экспрессивной речи) — передней части языка к альвеолам (лишь зубам) и к передней части твердого нёба, и значительным приближением средней части языка к твердому нёбу; приближение это следует за артикуляцией первого (смычного) элемента в палато-альвеолярной (собственно, нёбно-альвеолярной) аффрикате

²⁹ Обозначения шелканья подробно обсуждаются в статье [44].

/tʃ/, /dʒ/. Ср. англ. *munch* 'жевать, чавкать', индонез. *kercap* 'чавканье, чмоканье', селькуп. *oorp* 'о чавканьи'; см. также [45]. Тип. XIV: Обозначения дуновения (ртом). Дуновение ртом происходит при вытянутых в трубку губах. Отсюда — неперенное наличие в соответствующих обозначениях губного согласного (чаще — в сочетании с губным же гласным). Наиболее частый международный тип — звукоизображение с начальным *pu-*, *fu-*: ср. афганск. *pu*, япон. *fu-fu*, венг. *fui*. Ср. англ. *whiff* 'легкое дуновение ветра'. Тип XXVIII: Обозначения удушья. Удушье — кинема неголосовая, инспираторная. К соответствующим звукоизображениям относятся в первую очередь обозначения сдавленности, напряженности горла при недостатке воздуха для дыхания, удушении. Ср. англ. *kink* 'задышаться', *choke* 'душить, давиться, задышаться (от волнения, гнева)'; тур. *ıq*, селькуп. *quq*, цимши *kiak*. Ср. также замечание Р. Нейджета об индоевропейском звукоизобразительном корне *a(n)gh- 'задышаться (напр., под влиянием сильной боли, страданий)': "передает очевидное сжимание горла" [358, с. 119]; ср., далее, у А. Йоханнесона о том же корне: "звук, выражающий страх (с исконным значением 'узкий': так, о сужении горла при страхе), ср. ... нем. *Angst* ..." [318, с. 12].

Каждый качественный элемент основного артикуляторного состава денотата,³⁰ как правило, находит отражение в основном артикуляторном — и, следовательно, фонетическом — составе соответствующих звукоизображений. Исключения весьма немногочисленны и касаются в принципе случаев особо сложной (также "многостадийной") артикуляции. Если фоноинтракинема достаточно сложна и в ней участвуют артикуляторы двух (либо трех) различных полостей, то звукоизобразительное отражение работы одного — менее существенного — из артикуляторов может быть факультативным. Качественные элементы основного артикуляторного состава денотата выражаются в составе слова качественными же элемен-

³⁰ Об элементах основного артикуляторного состава фоноинтракинем см. § II.

тами. Последние представляют собой артикуляторные элементы (выделяемые по месту и по способу артикуляции), "наборы" которых образуют (артикуляторно) фонемы того или иного типа. Как правило, носовой элемент артикуляции в составе денотата передается носовым же элементом артикуляции в составе звукоизображения, губной — губным, латеральный — латеральным (в латеральной фонеме) и т.д. Голососвязочный элемент денотата всегда отражается лишь аппроксимированно — переднеязычной фонемой /ɾ/. Смычный элемент денотата выражается смычным же элементом, щелевой — щелевым, вибранный — вибранным либо (аппроксимированно) невибранным в составе щелевого /ɾ/. В большинстве случаев качественные элементы состава денотата отражаются в составе соответствующих звукоизображений прямо и непосредственно — через качественные элементы фактически идентичной артикуляторной природы; в значительном числе случаев, однако, имеем лишь косвенную, аппроксимированную передачу.

Квантитативные элементы основного состава денотата обычно отражаются в основном фонетическом составе звукоизображения. Отражение это связано с гласной фонемой корня ЭС-слова, соответственно, с ее продвинутостью (передняя/задняя артикуляция), открытостью (закрытая/открытая артикуляция) и длительностью (краткость/долгота гласного).

Мимеоинтракинесмизмы

Мимеоинтракинесмизмы представляют собой обозначения мимеоинтракинем (таких, как улыбка, мимика презрения и т.д.).

Обозначения улыбки

Одним из широко распространенных типов обозначений улыбки (как, впрочем, и обозначений вообще мимики, связанной с движением губ) в различных языках является тип, образованный с лабиальным носовым; ср. англ. *smile* 'улыбаться', якут. мичий 'слегка улыбаться', мычай 'ухмыляться', вепск. *muheita* 'улыбаться', эвен. мусьм 'усмехаться', индонез. *senyum(an)* 'улыбка', зап.-судан. *muu* 'улыбаться; смеяться'.

Теоретические вопросы мимеоинтракниесемизмов удобно рассмотреть на примере пейоративов (уничижительных образований). Пейоративы — одна из ярких иллюстраций много-многозначности связи между звуком и значением в слове. Способы выражения значения пейоративности изучены пока совершенно недостаточно; ясно, однако, что они весьма разнообразны. Известны, например, такие способы выражения презрительного, уничижительного значения, как назализация (ср. презрительное говорение "в нос") и глоттализация (ср. горловой звук, имитирующий позыв к рвоте). Ср. араб. *vilāga* 'переносящий сплетни', *ḡāḡan* 'глупый'; др.-евр. 'akḇa'g 'крыса', араб. 'aḡ'a 'гадюка' [62, с. 28-30]. Любопытно арамейское дескриптивное образование *pirta' nā* 'блоха', имеющее в своем составе и носовой, и горловой, а также лабиальный.

Лабиализация хорошо известна как один из способов выражения презрительного значения. Остановимся подробнее на лабиальных пейоративах — этих многочисленных (в самых различных языках) и чрезвычайно характерных образованиях. Проведенное нами исследование показывает, что для лабиальных³¹ характерен набор следующих основных фонетических значений: "большой — округлый — выпяченный — громкий — темный — печальный — мягкий — медленный — глупый" (ср. [93]). В эмоционально-интеллектуальной сфере (см. последнее значение) символизм данного фонемотида определяется артикуляторно выразительными движениями лица, сопровождающими эмоцию презрения. Презрение (как и отвращение) в значительной степени выражается посредством движения мышц, окружающих губы (рот) и нос, при этом выпячивается, оттопыривается нижняя губа и оттягивается верхняя губа (онажая клык с одной стороны

³¹ Имеются в виду лабиальные в широком смысле — как собственно лабиальные, так и лабиализованные. Сюда же мы несколько условно относим /ʌ/ (< /a /), могущее сохранять символическое значение исходного /a/ по "звукомозобразительной (этимологической) инерции".

лице), нос поднимается кверху. Становится, таким образом, понятным использование лабиальных (наряду с носовыми) для ЭС-пейоративной эмоции презрения и возникающего на этой основе пейоративного (уничжительного) значения.³² Фонемотип лабиальных принадлежит к числу фонемотипов, чье пейоративное значение проявляется достаточно отчетливо при наличии в ЭС-слове даже одного лабиального; ср. примеры многочисленных экспрессивных образований с /и:/ (-оо-): англ. goon 'тупица, болван', book презр. 'азиат'. Наиболее четко, однако, это значение лабиальных проявляется в полилабиальных образованиях (содержащих два и более лабиальных). Здесь целесообразно обсудить некоторые ооцетворетические вопросы, возникающие в связи с рассмотрением таких пейоративов. При описании полилабиальных пейоративов (386 английских лексем) введем понятие звукосимволической зоны (ЭСЗ) слова, характеризуемой четырьмя основными параметрами: протяженностью, насыщенностью, ориентированностью и плотностью. Под звукосимволической зоной слова будем понимать часть слова между двумя максимально удаленными друг от друга лабиальными. Протяженность зоны измеряется общим числом фонем (как лабиальных, так и нелабиальных) в ЭСЗ. Насыщенность (более полно - звукосимволическая насыщенность) зоны измеряем числом лабиальных в ЭСЗ. Под ориентированностью зоны понимаем преимущественную конгломерацию лабиальных в анлаутной, инлаутной либо ауслатной части слова (ооответственно: анлаутная, инлаутная либо ауслатная ориентированность ЭСЗ). И, наконец, под плотностью зоны имеем в виду ее диффузность либо компактность. Диффузной считаем зону, в которой лабиальные гласные и согласные находятся в неконтактном положении, будучи разделены одним нелабиальным согласным (не сонорным) или же последовательностью из двух либо более нелабиальных фонем. Рассматриваемая с позиций данной конкретной разновидности ЭС, диффузная зона полна "дырок", занятых нелабиальными фонемами. Компактной

³² Связь пейоративного значения со значением "округлого, надутого" отмечалась и этимологами [361, т. I, с. 262, 263, 265].

считаем зону, в которой лабиальные находятся (относительно друг друга) в контактном либо квазиконтактном положении. При контактном положении лабиальный согласный непосредственно предшествует лабиальному гласному или/и непосредственно следует за ним. При квазиконтактном положении лабиальные согласный и гласный разделены одним нелабиальным сонорным. Образования с диффузной ЗСЗ немногочисленны (всего 26 слов) и являются, по существу, исключениями на фоне всех "компактных" пейоративов. Выделить какие-либо модели здесь не представляется возможным. Укажем лишь на один пример: *mahoola* 'челуха, белиберда' (c^Lvcv^L).³³ Образования с компактной ЗСЗ (360 слов) опираются на три выделенных в ходе анализа модели: Модель I. (...) $c^L(s)v^L$ (...). модель II. (...) $c^L(s)v^L(c^L)$ (...). Модель III. (...) $v^Lc^L(c^L)$ (...). Приведем примеры: модель I - *swoozled* 'пьяный', *plonk* 'дешевое вино'; модель II - *booby* 'болван, олух', *flummadiddle* 'ерунда'; модель III - *oofay* '(превр., нагрит.) белый человек', *gump* 'тупой человек'. Наиболее частотна модель I: 58% материала (208 слов); модель II наименее частотна: 14% материала (50 слов); модель III охватывает 28% материала (102 слова). Звукосимволически наиболее "сильной" (и в теоретическом плане наиболее интересной) оказывается наименее частотная модель II. Причин тому - несколько. Первая (не главная) причина - более протяженная (3-5 фоне́м) компактная ЗСЗ, чем ЗСЗ моделей I, III (2-3 фоне́мы). Вторая (важнейшая) - большая по сравнению с моделью I (2 лабиальных) и моделью III (2-3 лабиальных) ЗС-насыщенность (3-4 лабиальных). Модель II - единственная, в которой возможно явление, называемое нами сатурацией, или ЗС-насыщением: при сатурации число лабиальных в ЗСЗ оказывается равным общему числу фоне́м в этом слове, и последнее выступает как единый ЗС-моноклит, "сплошь" (за исключением отдельных возможных сонорных вставок) состоящий из лабиальных (что особенно ярко вы-

³³ для моделей пейоративов обозначения см. в приложении на с. 238.

ступает на фоне "рыхлых", "дырчатых" структур лексем с диффуз-
 ной ЗСЗ). Ср.: woof 'вести глупый разговор', bloor 'грубая
 ошибка'. Укажем здесь на тот заслуживающий внимания факт, что
 сатурированные ЗС-слова по своей звукоизобразительной насыщен-
 ности не отличаются от ониматопов - звукоизобразительно наибо-
 лее "сильных" лексем (правилом практически для каждой фонемы
 структуры ониматопов является выполнение тех или иных ЗИ-функ-
 ций). Третья причина звукоимовической (и, следовательно, зву-
 коизобразительной) "силы" модели II - в ее "разносторонней"
 ориентации, важнейшим компонентом которой будет наиболее
 экспрессивная анлаутная ориентированность: для фонетического
 значения наиболее значимой является начальная позиция фонемы
 [ср. 97, с. 66]. Наконец, четвертая причина (имеющая отношение
 уже не к характеризующим ЗСЗ параметрам, а, скорее, к критери-
 ям идентификации ЗС-слов) заключается в высокой степени ано-
 мальности модели II. Это - фактор, по значимости сопоставимый
 с рассмотренным выше фактором ЗС-насыщенности. Э. Фадж [286,
 с. 161] отмечает, что английские слоги, в которых основные
 начальные и конечные согласные являются согласными одного мас-
 та образования, относятся к периферийным типам слогов (в том
 смысле, что частотность их использования в английском языке
 ниже математически ожидаемой) и тесно связаны с экспрессив-
 ностью; связь же периферийности и экспрессивности с аномаль-
 ностью понятна и в литературе отмечалась [95; 53]. Именно та-
 кие типы слогов мы имеем в ЗСЗ нашей модели II. Более того, в
 отдельных примерах несатурированной модели II начальные и ко-
 нечные согласные ЗСЗ идентичны не только по месту, но и по
 способу образования; ср. woor 'слабый, глупый человек'. И,
 наконец, ту же картину наблюдаем в целом ряде случаев сатури-
 рованной модели II (ЗСЗ равна по протяженности слову); ср.
 реор глупый или незначительный человек. Э. Фадж отмечает,
 что исключения из действующего в английском языке правила "по-
 добное отвергает подобное" тяготеют к словам особых семантиче-
 ских типов; в его работе находим прямое указание на тот факт,
 что исключение такого рода (p - - - p) наблюдается преиму-
 щественно в заимствованиях, в ЗИ-словах и в словах детского

языка [286, с. 177]. Среди анализируемых в настоящей работе образований лексемы типа модели II являют собою случаи максимальной звукоимовической и экспрессивной силы. Модель I, хотя и уступает модели II, все же обладает значительной ЗС-"силой", в основном благодаря своей алаутной ориентированности. Модель III выступает как самая "слабая", в сравнении с другими моделями, — по-видимому, вследствие преимущественно алаутной ориентированности. Далее здесь кажется уместным поставить вопрос о степени и мере фонетической мотивированности слова, о его звукоимовической (и, шире, звукоизобразительной) "силе". Говоря о большей или меньшей ЗС-"силе" той или иной модели и о сравнительной "силе" различных образований внутри отдельных моделей, мы основывали наши суждения в первую очередь на степени ЗС-насыщенности ЗСЗ слова, которую "измеряли" числом лабиальных в ней. Рискнем выдвинуть предположение (нуждающееся в экспериментальной проверке психолингвистическими методами), что это число может служить (по крайней мере, в ряде пластов ЗС-лаксикки) одним из показателей степени фонетической мотивированности слова, мерой его экспрессивности (возможно, следует учитывать также качественные и особенно количественные различия представителей одного и того же фонемотипа).

Экстракинесемизмы

Среди экстракинесемизмов фонических образований обнаружить не удастся: по-видимому, все экстракинесемизмы — мимические образования. Наиболее яркими представителями мимеоэкстракинесемизмов являются обозначения округлого и обозначения большого/малого.

Обозначения округлого

В литературе неоднократно отмечалась роль лабиальных фонем в названиях округлых, шарообразных, выпуклых, выпяченных предметов в самых различных языках. Лабиальные используются для обозначения предметов округлых, выпуклых и т.д. благодаря

таким чертам их артикуляции, как округление либо выпячивание губ и увеличения объема ротового резонатора. Так, В.Г. Лобин связывает /u/, в частности, со звукоизобразительной передачей предметов "выпуклого, округлого очертания" [153, с. 43-45]. Ч. Максвелл обращает внимание на тот факт, что инициальные bu-, buh-, bung- характерны для большого количества слов малайского языка, передающих понятие округлости (цит. по [290, с. 143]). А.М. Газовым-Гинзбергом обнаружено в семитских языках 66 корней с таким значением губных фонем [60, с. 76-77]. Представлялось интересным в ходе систематического рассмотрения материала одного языка выяснить, действительно ли округлость фоносемантически связана с лабиальностью (и наоборот), и если да - то в какой мере. Здесь приводятся результаты структурно-фонетического анализа лексико-семантической группы (ЛСГ) английских обозначений округлого (последние называются лексемами, в которых действует звуковой символизм - первичный либо вторичный) - всего 60 непроизводных образований. В ходе исследования был отмечен заслуживающий внимания факт: все без исключения слова ЛСГ имеют в своем фонетическом составе как минимум один лабиальный. Этот факт особенно ценен ввиду того, что при отборе материала мы исходили не из звукового состава слов, а из их семантики. Однако, чтобы оценить действительную значимость данного факта, необходимо было определить частоту появления лабиальных в английских словах в целом. Исслед [429] на основе таблицы случайных чисел была сделана выборка, по численности равная выборке слов, обозначающих округлое. Эту выборку будем называть фоном. Фон был обработан на наличие лабиальных. Оказалось, что в английских словах, обозначающих округлое, наблюдается превышение вероятного ожидания лабиальных почти в 2,5 раза. Такое значительное превышение нет оснований считать случайным, - его следует, без сомнения, связать с выполнением лабиальными звуко-символической функции указания на округлость денотата. Какие же лабиальные играют при этом основную роль? Был проведен подсчет частоты появления каждого лабиального в выборке (ЛСГ обозначений округлого) по сравнению с вероятным ожиданием (т.е. частотой появления его в

фоне). Оказалось, что в части согласных наибольшее превышение вероятного ожидания — у /b/ и /p/: соответственно в 5,6 и 2,6 раза. Что касается гласных, то наибольшее превышение вероятного ожидания наблюдается у /a/ и /ɔ/ — в 6,2 и 4,8 раза. В английских обозначениях округлого наибольшую роль, следовательно, играют согласные /b/, /p/ и гласные /a/, /ɔ/. Далее анализировалось позиционное распределение лабиальных. Было выяснено, что в анлауте наиболее часто встречаются /b/, /p/ — соответственно 25 и 11 раз (следовательно, всего образований с этими лабиальными — 36, т.е. более половины слов ЛСТ). Поскольку известно, что для фонетического значения наиболее значима начальная позиция (ср. [97, с. 66]), /b/ и /p/ следует в нашем случае признать наиболее экспрессивными из всех лабиальных. Слова с лабиальными фонемами целесообразно разделить на монолабиальные и полилабиальные образования. Под монолабиальными образованиями понимаем слова, в которых имеется лишь одна лабиальная фонема (согласная или гласная). Например: bale 'кипа, тюк', pill 'пилюля'. Такие образования в выборке составляют 25%. Под полилабиальными понимаем образования с двумя и более лабиальными. Например: ball 'мяч, шар', pumpkin 'тыква'. На их долю приходится 75%. Обращают на себя внимание 4 образования, состоящие из одних лабиальных: bomb 'бомба, мина', bob 'гиря', pomе 'фрукт, напоминающий яблоко', pomptom/pomtron 'помпон' (8,9% всех полилабиальных образований). Взаимное расположение фонем в полилабиальных образованиях может быть контактным либо неконтактным. Под контактным положением имеем в виду непосредственное предшествование лабиального согласного лабиальному гласному или/и непосредственное следование лабиального согласного за лабиальным гласным. При этом своеобразное квазиконтактное положение, когда лабиальные согласный и гласный разделены одним нелабиальным сонорным, считаем также контактным. Рассматриваемые полилабиальные образования с контактным положением можно описать с помощью следующих трех моделей:

Модель I (57,9%) $C^L V^L C \begin{matrix} \boxed{\text{ } \\ \text{ } \end{matrix} \begin{matrix} \boxed{\text{ } \\ \text{ } \end{matrix}$ (ɔ) (y).

Модель II (27%) $c^L (s) \begin{matrix} \uparrow \\ \downarrow \end{matrix} v^L c^L \frac{(c^L) (v^L) (c^L)}{vc}$

Модель III (35,1%) $(c) (c) v^L c^L (c) (v) (c)$.

Фонемы, указанные в скобках, не обязательны для реализации модели. Приведем примеры реализации выделенных моделей. Модель I: pot 'горшок, котелок', boulder 'валун'. Модель II: bulb 'луковица', rimnel 'округлое утолщение на орнаменте'. Модель III: cup 'чаша, чашка', globe 'шар, сфера'. Исключения составляют 3 слова (6,7% всех полилабиальных образований): bleb 'волдырь, пузырек воздуха', pebble 'галька' и pimple 'прыщик', в которых лабиальный согласный вступает в контакт с нелабиальным гласным. Неконтактное положение материала данной ЛСГ заставляет определить как положение лабиального согласного и гласного, при котором они разделены последовательностью из двух и более нелабиальных фонем (ср. balloon 'воздушный шар'). На долю таких образований приходится также 6,7% от общего числа полилабиальных лексем. Как видим, для английских обозначений округлого характерны полилабиальные образования с контактным положением лабиальных фонем. Они составляют 86,6% всех полилабиальных образований (62% всех слов выборки). Частота появления контактного положения превышает вероятное ожидание в 5,1 раза, причем несколько преобладает положение перед гласным (т.е. положение в анлауте). Вышеизложенное приводит нас к заключению, что звуко-символизм округлого связан не только с самим наличием лабиальных фонем, но — в большинстве случаев — и с их контактным положением. Было установлено, что наиболее характерными сочетаниями лабиального согласного и лабиального гласного в ЛСГ английских обозначений округлого являются: для модели I: ba-; bo-; b-; bu-; p-; для модели II: bo-; b^b; для модели III: -b; -b^b. Можно утверждать, что именно данные сочетания лучше всего "приспособлены" в английском языке для передачи округлого. Отметим здесь также значительную роль, которую играет в звукоизображениях округлого "атимологическая гуоной" /ʌ/ (< u /): это еще одно свидетельство реаль-

ности и витальной силы "звуко-символической (этимологической) инерции". Итак, на поставленный выше вопрос мы можем ответить следующим образом: округлость действительно фоносемантически связана с лабиальностью (и наоборот — лабиальность с округлостью), и притом самым тесным образом: каждое из 60 слов рассмотренной ЛСГ содержит хотя бы один лабиальный (3/4 же слов группы содержат два и более лабиальных, в подавляющем большинстве случаев находящихся в контактном положении), и частота появления лабиальных в словах этой группы почти в 2,5 раза превышает вероятное ожидание; лабиальные в английских обозначениях округлого несомненно играют роль звуко-символических элементов. Такая картина характерна не только для английского. Проведенный в работе подсчет еще по семи языкам различных языковых семей показывает, что превышение вероятного ожидания лабиальных в обозначениях округлого таково: в русском — 1,40, в чувашском — 1,88, в венгерском — 1,58, в монгольском — 1,60, в индонезийском — 1,55, в хауса — 1,41, в суэхили — 1,52, т.е. в среднем 1,56.

Обозначения большого/малого

Не менее широко распространенной (хотя и менее единообразной), чем символика "округлого", является символика "большого/малого". Еще Д. Вестерман отмечал для эве (и других африканских языков), что, например, низкий тон связан с обозначением чего-либо большого; высокий же тон — с обозначением чего-либо маленького; ср. *gbagbagba* 'большой', но *kítsí* 'крохотный' [33, с. 112, 103, 105]. О. Есперсен посвятил символике "малого" широко известную статью "Symbolic value of the vowel i" [313]. На символике противопоставления *u/i* (как манифестации противопоставления "большого/малого") детально останавливается А.М. Разов-Чинзберг [62, с. 31-39]. Следует отметить, что манифестация рассматриваемого символического противопоставления не ограничивается противопоставлением гласных по высоте тона, — международно известна, например, символическая роль палатализации ("смягчения") согласных: ср. [122, с. 68-70]; есть и другие способы передачи указанного противопоставления [329].

Обозначения напряжения

Интра- и экстракинесемизмы выступают не только "в чистом виде"; нередко они предстают в составе больших смешанных разновидностей (групп), специфика которых может быть установлена лишь в ходе анализа той или иной разновидности (группы) как единого (хотя и разностороннего) целого. Яркий пример тому — обширная группа звукоизображений, которую можно охарактеризовать как обозначения напряжения. Напряжение мышц играет важнейшую роль в двигательных и иных процессах, имеющих отношение к телу человека. Известно, что при общей склонности человека к подражанию, напряжение различных групп мышц тела имитируется ("моделируется") напряжением мышц, относящихся к артикуляторному аппарату. Анализ убеждает, что в самых различных языках выделяется обширная группа слов, в основе которых лежит звукоизображение напряжения (сдавливания, судорожного сокращения, растяжения и т.д.) тех или иных мышц человеческого тела. Между тем вопрос о звукоизобразительности обозначений напряжения (в широком смысле) остается совершенно не исследованным; на сколько-нибудь широком языковом материале он даже не ставился. Рассмотрим типологию обозначений напряжения в двух неродственных языках — в английском и индонезийском — с привлечением материала ряда других языков.

Соответственно фонемному составу выделим целый ряд типов английских обозначений напряжения (подробно см. [45]):

(1). Дентальный тип: *nip* 'укусить; щипать; сжимать (судно во льдах)'; *tex* 'откусить, зажать'. (2). Дентально-гutturальный тип: *grind* 'молоть, скрежетать (зубами), растирать в порошок, раздавливать, подавлять, угнетать'. (3) Палатоальвеолярный тип: *champ* (также *cham, chamb, chank*) 'чавкать, жевать' → 'раздавливать, разминать; растаптывать; подавлять'; *jam* ' (с силой) сжимать, сдавливать, защемлять ч.-л. между двумя поверхностями; втискивать; заклиниваться'; *chirt* уст. 'чирикать'; шотл. 'бить струей при сдавливании; разбрызгивать'; 'выдавливать'; *jot* 'толкать, трести(сь)'; *jab* 'толкать; тыкать, вонзать'; *jerk* 'удар кнутом или палкой'; 'отрывистая

трель (птиц)'; 'резкое движение; толчок; судорожное подергивание'. (4) Медиальный тип: уш-уш 'ням-ням', диал. уш 'есть жадно и с шумом'; уерк 'дергать, крепко затягивать дратву'; 'ударять резко и сильно'; 'трескучий звук резкого щелчка (о кнуте)'. (5) Гуттурально-лабиальный тип: squish диал. 'сжимать, раздавливать, расплющивать; производить чавкающий звук (в жидкой грязи)'; (s)quizzle диал. 'давиться; душить; задыхаться'; quirk 'двигаться резко, толчками'. (6) Гуттурально-лабиально-палатоальвеолярный тип: squelch 'сокрушительный удар; удар по ч.-л. мягкому; звук такого удара'; 'расплющить'; 'чавканье', squidge 'звук, производимый при вдавливании ч.-л. в грязь; диал. 'толчок'; 'сдавливать, выжимать'. Здесь с достаточной четкостью проявляются черты звукосимволизма.

В индонезийских обозначениях напряжения наблюдается картина, в главных чертах сходная с тем, что мы имеем в английском. Так, четыре из шести английских типов прослеживаются и в индонезийском: дентальный (tindas 'прижимать, сдавливать; притеснить'), дентально-гуттуральный (tekan 'давить, жать; теснить'), палатоальвеолярный (saci 'закручивать, натягивать'), медиальный; как и в английском, последний отличается наименьшей "самостоятельностью" и не образует самостоятельного простого типа, выступая лишь в сочетании с другими типами; "зависимый" характер медиального типа проявляется также в том, что принадлежащие к нему образования в своей семантике во многом следуют за палатоальвеолярным типом. Основные отличия касаются следующих моментов: (1) Не представлены гуттурально-лабиальный тип /kw/ и тип гуттурально-лабиально-палатоальвеолярный /kw/, /tʃ/, /dʒ/; (2) Выделим лабиальный тип: ср. rampat 'давить, сдавливать, сжимать'; (3) Медиальный тип распадается на два подтипа - с смычным /p/ = /p'/ и с щелевым /j/ и выступает в составе различных смешанных типов (keduar 'пробовать на вкус', gonyel 'жевать деснами; легко массировать, растирать', gelyuk '(мк.) рывок'). В плане как описательно-типологическом, так и чисто теоретическом наибольший интерес представляют индонезийские звукоизображения напряжения

фокусом в палатальной зоне – палатоальвеолярный и медиальный типы. Приведем ряд примеров (относящихся преимущественно к наиболее многочисленным образованиям палатоальвеолярного типа).

Жевание. К этой группе принадлежат: *сесар* ‘пробовать на вкус; брать щепотку (для пробы)’, *сеkit* ‘обгрызать; выдавливать (пальцами)’, *сербак* (яв.) ‘прожорливый; всеядный’. К несомненной (и признанной) звукоизобразительности корня *сар-* ср. трактовку *лесар-лесар* ‘звук при поедании пищи’ как экспрессивного и звукосимволического у Д. Карра [269, с. 373]. Ср. по языкам: якут. чамытыраа (от чам ‘звук при резком открывании и закрытии рта’) ‘быстро чавкать’, нанайск. дяддёнг-дяддёнг ‘жевать, широко водить челюстью’. Напряженная шея (смотрение вверх с запрокинутой головой). В эту группу входят следующие образования: *оодак*, *ооданг* ‘смотреть вверх’, *сонгак₁* ‘задирать голову, смотреть вверх’. Ср. *сонгак₂* ‘запыхаться’, а также якут. чоной (чинэй, чынай) ‘выпрямлять шею и слегка откидывать голову’. Хождение (стояние) на носках.

Ч. Максвелл обозначения хождения на носках трактует как изобразительные (основываясь на данных Р. Уилкинсона) [344, с. 121–122]; он приводит следующие малайские примеры: *main jin-jang* ... ‘dancing with the toes as ballet dancers’, *jingking*, *jengkeng* ‘on tip-toe’, *tinjung* ‘tip-toeing’. В индонезийском непосредственно в эту группу входят *jinjit₁* (яв.) ‘ходить на носках’, *jengket*, *jengkeng* ‘ходить (стоять) на носках, на цыпочках’ (отметим, что рус. цыпочки – признанное звукоизображение). Ср. звукоизображение *jinjit* ‘снимать одежду; растягивать (ч.-л. эластичное)’. Ср. (с идентичным морфемическим сегментом и фактически той же семантикой) якут. чөмөй ‘осторожно, бесшумно ступать на носках’. Хватание. Хватание, схватывание (с последующим зажиманием, сжатием схваченного) предполагает как напряжение мышц передней части головы, так и напряжение мышц всего тела. К этой группе относим лексемы: *сакур* ‘хватать ртом; проглатывать’; (яв.) ‘брать горстью; хватать, сжимать ногтями’, *секур* ‘накрывать ладонью; ловить рукой; брать щепотью’, *сенган* ‘захватывать в рот, хватать руками’, *сонгар* (= *сангир*) ‘часто и тяжело дышать, запыхаться’.

(от усталости)' (ср. рус. "хватать воздух ртом"), *oengkam*, *dekam* 'хватка; объятие; тиски; власть; кабала', *jabat* 'брать, хватать; держать, сжимать (в руке)' (с дальнейшим семантическим развитием → 'руководить, управлять'), *carlok* (яв.) 'захватывать в пасть, проглатывать' (этот пример может быть отнесен также и к первой из приведенных здесь групп), *jerut* 'горсть, пригоршня'. Близка приведенным выше лексемам лексема *oak₂* 'обхват (соединенными большим и указательным пальцами рук, как мера объема)'. Связь ее с жестом схватывания (пальцами) понятна. Ср. *oak₁* 'чмокание, чавканье'. Международно наиболее распространенный вид звукоизображений хватания имеет в анлауте гуттуральный, в ауслауте – губной смычный; гласный корня – краткий. Этот вид неоднократно отмечался авторами для самых разных языков мира – в том числе и для малайского [60, с. 55–57; 290, с. 161]. Он оказал определенное влияние на рассматриваемые здесь образования с морфемическим сегментом – аффрикатой (ср. *oakup*, *chengkam*). Сжатие, давление. Примеры: *leoit* 'выскакивать, выскальзывать', *pijit* 'сжимать, выдавливать (гной и т.п.); растирать', *rasul* 'выдавливать', *gepoet* 'сжимать, сдавливать; угнетать'. Звукоизобразительность этих образований несомненна; ср. также квалификацию Д. Карром [269, с. 374] *leoit* как звукоимовительского образования. Ср. англ. *jam* '(с силой) сжимать', *equinoch* 'сильное сжатие, кручение или дерганье', *squeege* 'жать', якут. дьимий 'сжиматься, плотно закрываться (о губах)', селькуп. *суо* 'надевать и брызнуть', нанайск. чилбиар 'выдавливать (о гное и т.п.)'. Лексемы указанной микросистемы индонезийских обозначений напряжения обладают характерными для звукоизобразительных слов признаками. Это: (1) конкретность семантики;³⁴ (2) образность семантики; (3) редупликация (большинство слов допускают редуплицированную форму либо не существуют вне ее);

³⁴ Включались в рассмотрение также слова с абстрактной семантикой, восходящей к первоначальной конкретной семантике напряжения мышц (лица, шеи).

(4) метатеза (unjam = jamat 'ринуться вниз', kook 'встряхивать' - oook (мк.) 'хватать'); (5) протетический сонорный, наличие либо отсутствия которого не меняет или почти не меняет семантику слова (jijit = jinjit 'ходить на носках', oekam = oengkam 'хватка'); (6) чередование согласных по способу артикуляции: место артикуляции одно, способы разные (jenguh = jenguk 'смотреть (рассматривать) вытянув шею'; (7) чередование согласных по способу и по месту артикуляции (oebik = oebil 'презрительно, насмешливо) кривить рот (губы)'); (8) чередование согласных по звонкости (ср. jerebbar = jerebbab 'упавший (вниз лицом)'); (9) апофония (oengar = oengir (сунд.) 'насмешливо поднимать верхнюю губу; смешно морщить нос'; jaluq 'высовываться, вылезать' - jelir 'выступать; высовываться (из норы)').

§ 15. Синестемизмы

Рассматривая синестемию, мы подчеркивали роль явления переноса. Синестемический (уже - синестетический) перенос, однако, играет громадную (и до конца еще не осознанную лингвистами) роль не только при примарной номинации, но и при номинации секундарной. Естественный, примарный по своим истокам и самой своей природе механизм на стадии конвенционального знака исправно служит "непримарной" конвенциональной номинации. Э.А. Макаев, справедливо сетуя на слабую изученность явлений синестемии в сравнительном языкознании, в то же время не совсем оправданно критикует рассмотрение синестемии Х. Кронасером и некоторые семасиологические решения ряда этимологов. Так, в свете "внешних" данных историко-семантических параллелей в синестемизмах вряд ли оправданным было бы отвергать (как это делает Э.А. Макаев вслед за А. Эрну и А. Мейе) постулируемый А. Вальде и И. Хофманом переход лат. *od-* 'издавать запах, пахнуть' — **od-* 'отвращение, ненависть', *odī* 'я ненавижу' [162, с. 41]: мы бы привели здесь такой изосемантический ряд, как *semit*. *s'p* 'вдыхать' — стремиться ("дышать

страсть"); ненавидеть ("дышать ненавистью, злопыхательствовать")³⁵.

§ 16. Звукообразительные функции фонемотипов звукосимволических слов

В системе пока можно говорить лишь о ЗИФ фонемотипов кинесемизмов (для них ЗИФ — почти исключительно ЗСФ). ЗСФ носового — прямое индицирование носового элемента артикуляции обозначаемой кинемы. Присутствие носового всегда указывает на участие (в той или иной степени) носовой полости (прохождение воздуха через нос) в кинеме. ЗСФ гutturального горлового и фарингального — указание на участие горла в обозначаемом процессе. Такова же обычно и функция gutturalных заднеязычных. Другая (значительно менее распространенная) ЗСФ заднеязычных заключается в прямой индикации заднеязычного элемента заднеязычно-увулярной смычки в неспираторных процессах рта — чмокании, цокании и щелкании. В целом, присутствие gutturalного всегда, кроме случаев неспираторных артикуляций ротовой полости, указывает на участие (в той или иной степени) горловой полости (сжатие мышц горла) в обозначаемом процессе. Лабials всегда индицируют участие губ; исключение — /kw/ в сочетании /kw/ (qu): здесь важен, по-видимому, лишь щелевой характер /w/ в составе смычно-щелевого сочетания. Основная ЗСФ дентальных — прямое указание на участие зубов (/n/ индицирует участие зубов при прохождении воздуха через нос) при кусании и под. В остальных случаях ЗСФ /t/, /d/ состоит, как правило, лишь в прямой передаче участия передней части языка; ЗСФ /n/-

³⁵ Относительно сходного (в терминах фонемотипов) корня А.М. Газов-Гинзбург замечает: "Трудно сказать, не связан ли с данной группой общесемитский корень SM 'слышать' ('чуять' носом — 'чуять' ухом?)" [60, с. 123]. Думается, следовало бы говорить об этом с большей долей уверенности (в этой уверенности нас поддерживает "внешние" данные типологии семантических переходов в синестемии).

роль в прямой передаче участия носовой полости в процессе. Переднеязычные прямо и непосредственно индицируют участие перед-
 ней части языка. Кроме того, в целом ряде фоноинтракинесемиз-
 мов значительна роль переднеязычного свистящего как акустиче-
 ского компонента — непосредственного показателя свистящего ха-
 рактера производимого ртом (или носом) звука. В этом случае
 индикция /в/ — звукоподражательная (ЗПФ), а не звукосимволиче-
 ская. Переднеязычная палатоальвеолярная (нёбноальвеолярная)
 "чавкающая" аффриката служит аппроксимированным указанием на
 среднеязычно-нёбную смычно-щелевую чавкающую артикуляцию либо
 на напряженность обозначаемого процесса. Среднеязычный щелевой
 аппроксимированно индицирует среднеязычно-нёбную смычно-щеле-
 вую чавкающую артикуляцию, либо горловой характер артикуляции,
 либо напряженность. У латерального одна из ЗСФ — прямая инди-
 кация латерального элемента артикуляции щелканья либо лате-
 рального артикуляторного элемента, возможного при энергичном
 втягивании ртом жидкости; другая — ЗСФ прямой индикации движе-
 ния всего языка в целом при смехе, глотании. Смычные выполня-
 ют ЗСФ прямого указания на смычный характер кинемы; щелевые —
 ЗСФ прямой индикации щелевого характера артикуляции обознача-
 емого процесса. ЗСФ фонемы /г/ — прямое либо аппроксимиро-
 ванное отражение дрожащего элемента артикуляции денотата.
Гласный в составе кинесемизма изобразительно валентен. Глас-
 ный обычно выполняет ЗСФ показателя продвинутости (т.е. перед-
 ней/задней артикуляции) обозначаемой кинемы и, одновременно,
 ЗСФ показателя его открытости (т.е. закрытой/открытой артику-
 ляции). Сами количественные элементы продвинутости и откры-
 тости гласного индицируют, соответственно, продвинутость и откры-
 тость артикуляции денотата. Долгий гласный фоноинтракинесемиз-
 ма выполняет помимо двух указанных ЗСФ также ЗПФ показателя
 тонового неударя (нерезонаторного). Сама длительность (долго-
 та) гласного в составе рассматриваемых слов играет двойствен-
 ную роль. Количественный элемент длительности в применении к
 краткому гласному (т.е., собственно, краткость краткого глас-
 ного) не выполняет никаких ЗИФ. Длительность же в применении
 к долгому ("длительному") гласному (т.е., собственно, долгота

долгого гласного) выполняет ЗФ показателя нерезонаторного тонового неударя (но не его длительности).

Г л а в а 7. ЗВУКОСИМВОЛИЗМ В ГРАММАТИКЕ И В ТЕКСТЕ

Помимо фонемного и лексемного уровней, звукоимбовизм действует и на морфемном уровне и на уровне текста. Рассмотрим некоторые характерные проявления символика звука на последних двух уровнях.

§ 17. Звукоимбовизм в грамматике

Общие замечания

Если действие звукоимбовизма на уровне текста хорошо известно и относительно широко исследуется, то исследования по символика звука на морфемном уровне в грамматике — единичны. Немногочисленные попытки разработки такой неканоничной темы, как "звукоимбовизм и грамматика", встречались, как правило, лишь неконструктивной критикой (например, [84, с. 101-102]). Между тем примеры "образных" и "диаграмматических" иконических сущностей в грамматике весьма многочисленны (см. [309, с. 352-355]), хотя в большинстве случаев далеко не очевидны. Один из примеров — универсальная тенденция передавать императив возможно более краткой формой; ср. лат. *i!* 'иди!'. Другой пример — редупликация (полная либо частичная) или удлинение гласного как показатель множественности (в различных проявлениях) в области глагола; ср.: маори *paratu* 'бить друг друга' (при *ratu* 'бить'), араб. *faḥara* 'соперничать в славе с кем-л.' (при *faḥara* 'похвалиться'). В морфологии (и словообразовании) хорошо известен звукоимбовизм уменьшительных суффиксов,

таких, как англ. -у, -ie, итал. ino, исп. -ito, груз. -ia. Отмечалась также символика в оппозиции родовых окончаний, в частности, в индоиранских языках Гиссарской долины: будо 'старик' - budī 'старуха', рето 'внук' - poti 'внучка' [175, с. 27], а также символизм гласной флексии основ в семито-хамитских личных местоимениях 3-го л. ед. ч.: ср. араб. 'он' - hiia 'она' [62, с. 40]; данные, имеющие отношение к теме "звукосимволизм в грамматике", приводятся и в ряде других работ [30, с. 275-277; 37, с. 127; 198, с. 116-117].

Итеративные RL-форманты

Среди ЗИ-средств передачи значения итеративности (и тесно связанных с ним значений множественности, протяженности, интенсивности) в самых различных языках мира выделяются редупликация и использование формантов с сонантами г, л (в дальнейшем изложении RL-форманты). Редупликация как ЗИ-средство давно известна и углубленно изучалась. RL-форманты же (как, напр., совр. англ. -er, -le, голл. -eren, -elen, нем. -ern, -eln) специально систематическому рассмотрению с позиций ЗИ до сих пор не подвергались. В литературе обычно отмечается - в той или иной форме - связь германских итеративных формантов с образованиями ЗИ-сферы. В. Вильманс, например, констатирует, что немецкие глаголы с -ern большей частью обозначают повторяющиеся, быстрые и короткие движения и слуховые и зрительные впечатления от таких движений и что "весьма многие выступают как ониматопейтические образования" (пр., например: plätschern 'плескаться', glitzern 'блестеть, сверкать') [416, с. 93-94]. Ф. Клуге, обсуждая древнегерманские интенсивы и итеративы с л в корне, указывает на тот факт, что в таких образованиях мы последовательно имеем др.-в.-н. суффикс -alōn вместо ожидаемого -alōi (др.-в.-н. flogalōn 'порхать' вместо flogalōi); "здесь всегда речь идет о глаголах-обозначениях движений, шумов или световых явлений; обычно в этой сфере образование интенсивов и итерати-

вов широко распространено" (ср. klappen 'громыхать', glimmen 'мерцать') [320, с. 10]. Значительную роль, которую играет ЗИ в RL-итеративах, отмечают, в частности К.Г.Н. де Воойс (на голландском материале) [407, с. 247] и Э. Вессен (на шведском материале) [413, с. 110]. О. Есперсен рассматривает -ег (в составе английских слов, обозначающих повторяющиеся звуки или движения) в разделе "Изобразительные глаголы" [316, с. 241-242]. Г. Коциоль констатирует, что новообразования с -ег часто представляют собой ЗИ-слова и что очень часто встречаются глаголы на -le, обозначающие повторяющийся звук [325, с. 187, 26]. По свидетельству Н.Н. Амосовой, У.Скит и Дж. Мэррей также отмечают, что корневые морфемы многих английских глаголов на -le отличаются звукоподражательной природой [10, с. 49]. К. Крейскамп, говоря о голландских фреквентативах (итеративах) на -eren, -elen, подчеркивает, что эти глаголы "все без исключения звукоизобразительны ..." (примеры: knetteren 'трещать', wankelen 'шататься') [327, с. 4]. Хотя замечание К. Крейскампа и является до некоторой степени преувеличением, оно в целом совершенно справедливо и подтверждается имеющимися в нашем распоряжении данными по германским RL-итеративам. Даже в тех случаях, когда авторы, указывая на итеративность RL-формантов, ничего не говорят о звукоизобразительности соответствующих образований, приводимые примеры в подавляющем большинстве неизменно оказываются звукоизобразительными (см. [397, с. 171]). Итак (это показывают как данный выше обзор, так и проведенное нами специальное обследование), "сфера обслуживания" германских итеративных RL-формантов в генетическом плане есть ЗИ-лексика (обозначения звуков, движений и световых эффектов, о которых говорят многие исследователи, составляют признанную и едва ли не самую характерную ее часть), и основы "первичных" RL-итеративов по своей природе звукоизобразительны. ЗИ-характер основы RL-итеративов, однако, еще не дает оснований судить о природе и происхождении самих RL-формантов. В определенных работах постулируется их ингерентная ЗИ. Так, Х. Марчанд пишет: "... слова на -ег представляют собой сочетания нескольких символических

элементов, одним из которых является конечное *-er* [341, с. 271], и, "подобно *-er*, *-le* не является деривативным суффиксом в собственном смысле слова" [341, с. 323]. Ссылаясь на положения Х. Марчанда о том, что *r* в середине и в конце слова имитирует долгий вибрирующий звук, а *l* имитирует длительность, Т.М. Беляева отмечает, что именно эти понятийные содержания звукового символизма в свое время легли в основу словообразовательного значения вторичных суффиксов, выделившихся в эпоху германской языковой общности, но в дальнейшем, под давлением несловообразовательных средств выражения повторности и длительности, оказавшихся для морфологического словопроизводства избыточными; как словообразовательные элементы, связанные со звуковой символикой, *l* и *r* используются и в современном языке [23]. Это ценные свидетельства. Однако при установлении природы и происхождения *RL*-формантов мы не можем довольствоваться постулатами — нужны доказательства. Какими могут быть эти доказательства? Обычно отмечается, что современные германские *RL*-суффиксы восходят к выделившимся в результате переразложения германским (собственно, западногерманским и скандинавским) вторичным суффиксам с детерминативами *-r*-, *-l*-: др.-сакс., др.-в.-н. *-arō*, *-alō*-, др.-исл. *-ra*, *-la*; отмечается также, что генетически детерминативы, входящие в состав сложного вторичного суффикса, являются компонентами производящей основы, они представляют собой не что иное, как конечный согласный основы (например, [85, с. 201, 195-196; 22, с. 128]). Мы констатируем, таким образом, два факта, имеющих кардинальное значение: во-первых, итеративный *RL*-детерминатив генетически есть элемент производящей основы; во-вторых, производящая основа по своей природе звукоизобразительна. Отсюда можно сделать лишь один вывод: германские итеративные *RL*-форманты (суффиксы) имеют звукоизобразительное происхождение, и природа их звукоизобразительна. ³⁶

³⁶ Более подробное обоснование вывода см. в работе [55].

Достоин удивления, что этот вывод, для всякого непредубежденного исследователя достаточно очевидный (и объективно единственно возможный), ранее четко и недвусмысленно не формулировался и не получал обоснования. Впрочем, это не покажется столь уж удивительным, если учесть, что сама тема "звукосимволизм и грамматика" – тема "нетрадиционная" и неканоническая.

Наш вывод для германских RL-формантов находит подтверждение "извне" – из такого отдаленно родственного языка, как таджикский: установлено, что в таджикском элемент -ар // -ир // -ур // (например, в гуддур 'грохот') является по своему происхождению частью изобразительной основы [232, с. 41].

Еще в 1928 г. О. Есперсен писал: "В изобразительных словах мы видим чрезвычайно существенную разницу между односложными словами, выражающими однократные звуки и движения, и двусложными словами, означающими продолжительные звуки и движения; последние очень часто образуются с суффиксами -er и -le, используемыми таким образом во множестве языков, даже за пределами арийского мира" [314, с. 28]. Сходное наблюдение находим у А.М. Газова-Гинзберга: "... плавные согласные l, r чрезвычайно часто служат суффиксами в самых различных языковых семьях. В очень многих языках (например, в турецком) они являются наиболее распространенными суффиксами, или "конечными отличителями", специально для слов звукоизобразительных" [60, с. 159]. Я. Гонда [290, с. 201-202], рассматривая малайские звукоизображения с итеративными инфиксами -er-, -el-, предлагает сопоставить последние с английскими образованиями на -er, -le и голландскими на -eren, -elen. Во всех случаях, однако, авторы не идут дальше простой констатации самого факта широкого распространения итеративных RL и их связи с ЗИ-сферой или же утверждения о возможности их сопоставительного рассмотрения. Между тем этот вопрос заслуживает обсуждения в широком типологическом плане. Немаловажным представляется тот факт, что, например, Я. Гонда, всегда с величайшей осторожностью относящийся к идее звукоизобразительности, после объективного анализа малайского и древнеяванского материала пришел к выводу (подробно обоснованному), что малайские

(индонезийские) инфиксы *-er-*, *-el-*, возможно, не являются грамматическими морфемами — они скорее всего принимают участие в подражании звуку или движению, и источником (или по крайней мере одним из источников) их может явиться значительное число звукоизобразительных слов [290, с. 200–201]. Я. Гонда постулирует следующую схему развития *г*, *l*: "Поскольку наряду с формами, содержащими *г* (или *l*) выступали также формы без этих звуков ... та часть первоначально не делимого слова, которая содержала это *г* или *l*, могла восприниматься как нечто добавочное, как "инфикс", обозначающий повторение, частотность, множественность (значения, принадлежащие первоначально всему слову в целом), и затем эта часть могла добавляться к другим словам" [290, с. 201]. Что же представляют собой *RL*-форманты в малайском (индонезийском)? Как первоначально было показано преимущественно на английском материале, *г* в корне ономастопов всегда, без каких-либо исключений звукоизобразительно валентно и неизменно выполняет звукоподражательную функцию (ЗПФ) отражения так называемого чистого диссонанса — дрожания, дрожного звучания, серии быстрых ударов [41, т. I, с. 394]. Как показало исследование индонезийских ономастопов, то же самое верно и для индонезийского корневого *г* [27, с. 105]. Что же касается индонезийского инфиксального *г*, то, по нашим уточненным данным, более чем в 1/3 случаев (~37%) оно выполняет единственно эту функцию. Пример: *ker(e)tar* 'звук с силой захлопываемой двери; звук выстрела, взрыва': один сложный звук ("дрожащий удар"), — функция инфиксального *г* звукоподражательная, та же функция передачи чистого диссонанса, что и у корневого *г*, например, в *derak* 'треск суставов, звук винтовочного выстрела'. Однако инфиксальное *г* часто (по нашим данным, фактически в половине примеров (~48%)) выполняет ЗПФ вкупе с ЗСФ передачи множественности, многократности, итерации (повторности) звука (и действия). Пример: *keretak* 'звук ломающейся ветки' — денотат представляет собой один сложный звук (треск, "дрожащий удар") и функция инфиксального *г* звукоподражательная (как и функция корневого *г* в *derak* 'подражание звуку ломающейся ветки'; для *keretak*

в значении 'звук шагов по деревянному полу' имеем серию, торение простых звуков (стука, топанья), и функция г здесь звуко-символическая. В ряде случаев (15% материала) имеем чисто звуко-символическую функцию инфиксального г. Примеры: gerbak 'звук от падения маленьких фруктов': в отличие, с одной стороны, от derak 'подражание звуку ломающейся ветки, кости' (один сложный звук - треск, "дрожащий удар"; г обладает ЗФ) и, с другой - от bak 'звук от падения фрукта на землю' (один простой звук-удар, глухой стук), в gerbak мы видим серию простых звуков-ударов, глухих стук; г здесь обладает ЗСФ, ибо речь идет не о подражании качеству звука, а о символической передаче множественности, итерированности действия и звука. Итак, по выполняемой им функции инфиксальный г в подавляющем большинстве (~ 85%) индонезийских ономатопов оказывается идентичным г корневому. В более общем плане любое г звукоподражательной основы в обсуждаемых образованиях является звукоизобразительно релевантным элементом, обычно выполняя ЗФ передачи чистого диссонанса (дрожания) и в ряде случаев - ЗСФ отражения множественности, итерированности действия и звука. Плавный латеральный л в индонезийских звукоподражаниях (с инфиксом -el-) встречается значительно реже, чем г. Как и инфиксальный дрожащий, это л звукоизобразительно валентно в подавляющем большинстве (90%) образований. Латеральная фонема л выполняет ЗСФ передачи множественности, итерированности действия и звука. Пример: gelebak 'звук от падения маленьких фруктов, нескольких книг'; ср. рассмотренное выше gerbak, идентичное по функции и фактически идентичное по значению. В 10% случаев л утратило ЗСФ и более не является звукоизобразительно релевантным элементом звукоподражательной основы. Итак, г и л звукоизобразительно валентны. В пределах звукоподражательной лексики г и л выполняют общую для них функцию передачи множественности, повторности действия и звука и обладают, следовательно, тем, что можно обобщенно (и потому несколько условно) назвать "звуко-символическим итеративным значением". Соответственно общую для г и л функцию можно терминировать как "звуко-символическую итеративную функ-

цию". Помимо этого г выполняет еще и звукоподражательную функцию (собственно, она для него основная). Ввиду сказанного для самых индонезийских инфиксов -eg-, -el-, как и для формантов подобного рода в других языках, предлагается ввести термин "звукосимволический формант" или "звукосимволический итеративный формант". В звукосимволической лексике г и 1, судя по имеющимся данным, обычно не утрачивают звукосимволического значения, сохраняя тем самым свою естественную, примарную мотивированность. Так, geridip 'сверкать, искриться' (kedip, kedip mata 'моргание, мигание'), geletar 'повторяющееся дрожание' (getar 'дрожать, трястись').

Изучение ЗИС ряда германских (английский, немецкий, голландский), тюркских (турецкий, башкирский, киргизский, якутский, чувашский), индонезийских (малайский/индонезийский) и самодийских (селькупский, энецкий) языков заставляет сделать вывод, что данные элементы представляют собой фоносемантически значимую часть ЗИ-комплекса. Эволюция ЗС-форманта в аффикс связана с процессом денатурализации, дефоносемантизации (угасания звукоизобразительности) форманта, с эволюцией его стержневого элемента. Это отчетливо видно на примере г - фоносемантически более "сильного" из двух обсуждаемых сонантов. В сфере звукоподражательной г является элементом качественной характеристики денотата; оно выступает как конституирующий элемент целого качественно своеобразного класса ономатопов - фреквентативов. Уже в самом качественном своеобразии г заложена возможность его дальнейшего развития в сторону элемента лишь количественной характеристики денотата: "диссонантность, дрожание, резкость, дробность, прерывистость" — "итеративность, множественность, протяженность, интенсивность". И эта возможность широко используется самими различными языками. "Количественность" итеративного Н-аффикса вырастает из "качественности" г-элемента фонетической структуры звукоподражательной основы. Происходит своеобразное перерождение г из элемента конкретной качественной характеристики денотата, его "низведение" до уровня элемента абстрактной количественной характеристики денотата ("деквалификация" семантики г, парал-

тельно с которой идет ее "квантификация"). С утратой "старой" специфики дрожащего возникает возможность отрыва содержащего его звукосимволического форманта от "экстранормальной" (для современного состояния языков) ЗИ-сферы и использования последнего уже в качестве обычного аффикса незвукоизобразительного слова. Общий вывод таков: итеративные RL-аффиксы в германских, тюркских, самодийских и индонезийских языках восходят к итеративным звукосимволическим формантам, являющимся частью ЗИ-основы.

Принято считать (например, [209, с. 847]), что элементы разных уровней языка не могут образовать единого класса: так не может быть класса, составленного из фонем и морфем, из морфем и слов и т.п. Проведенное исследование показывает, однако, что это правило, справедливое для незвукоизобразительной системы архисистемы языка, для ЗИС не имеет силы: здесь элементы разных уровней могут образовать единый класс. Например, вполне допустим "фонолексический" класс "лабиальный - лексико-семантическая группа обозначений округлого". В этом случае имеем превышение вероятного ожидания лабиального. Как можно было убедиться, возможен и "фонсграмматический" ("фономорфемный") класс "плавный - итеративный формант (суффикс)". Звукосимволические по своему генезису и грамматические по своему современному функционированию итеративные RL-форманты - один из ярких примеров фоносемантического взаимодействия единиц разных уровней (звукоизобразительной) системы языка.

Изучение многообразных и отнюдь не лежащих на поверхности проявлений звукосимволизма в грамматике только начинается. Приведенные выше иллюстрации, думается, показывают, сколь нетривиальны проблемы, встающие здесь перед исследователем.

§ 18. Звукосимволизм в тексте

Абсолютизируя сословский принцип независимости звука от значения (и называя его "Аксиомой номер один"), Г. Хердан

утверждает: "Если эта аксиома верна,³⁷ то явно неслучайная последовательность слов в литературном тексте или в высказывании устного языка должна дать случайную выборку звуков, фонем, а также — букв ...". [298, с. 18]. Д.М. Сегал, полемизируя с этим положением, справедливо замечает, что проблема не столь однозначно проста, как это рисует Г. Хердан, и обращает внимание на то, что независимость значения от звучания постулируется де Соссюром для отдельного слова, а не для текста, и показывает, что, например, поэтические тексты "устроены довольно неслучайно в смысле аранжировки фонем" [202, с. 75]. Так, анализируя стихотворение раннего Тувима "Podmuch wiosny", Д.М. Сегал устанавливает, что оно построено на повышенном употреблении сонантов и плавных, создающем эффект певучести, эвфонии, передающей на звуковом уровне образ весны, радости; соответственно в этом стихотворении резко снижено содержание класса свистящих и шипящих (приводятся строгие статистические выкладки). Автор приходит к выводу о том, что, исходя из априорной предпосылки, обратной той, с которой было начато исследование, т.е. — о различии (а не о совпадении) частот фонологических классов в отдельных текстах, можно прийти к пониманию связи значения и звучания в стихе [202, с. 211, 215]. Согласно Р. Якобсону, в поэзии любое явное сходство звучания рассматривается с точки зрения сходства и/или несходства значения. Поэзия — не единственная область, где ощущим звуковой символизм, но это та область, где внутренняя связь между звучанием и значением из скрытой становится явной, проявляясь наиболее ощутимо и интенсивно [252, с. 224]. И.В. Панов приводит примеры семантизации звука, в поэтических произведениях непосредственно (не через систему лексических и грамматических значений) связанного со смыслом: звукоподража-

³⁷ Обратим внимание на несколько необычную постановку вопроса у Г. Хердана. Выражение: "если эта аксиома верна" вряд ли можно считать правомерным: если это аксиома, то она верна (уже потому, что она аксиома), если же высказывается сомнение в ее верности, истинности, то это уже не аксиома (скорее постулат).

ние, изобразительный характер артикуляции, выразительность ^{ими} (сопровождающей артикуляции) и др. [180, с. 236-240]. И. Фонадь говорит о той "двойной роли", которую играют звуки речи в поэзии: с одной стороны, они связаны с объектом через посредство слов (как и в обычной речи), с другой — они прямо и непосредственно связаны с объектом благодаря "естественной связи между звуком и содержанием". Выражение в поэзии становится пластичным, форма предстает одновременно и как содержание [282, с. 213-214]. Венгерский ученый приводит в этой связи строку из стихотворения Аттилы Йожефа "Esik" ("Дождь идет") и ее перевод на английский: "... dünyөг motyog a cipő ..." — ... "The shoes humble and mither ...". "Влажные" палатальные в словах венгерского оригинала делают метафору абсолютно ясной. Перевод — правильный, однако, при переводе утрачены звуки /n'/ и /t'/, передававшие в оригинале чавкающий и хлипающий звук, получающийся при хождении в промокших туфлях по грязи [282, с. 214]. Если известны тема и основной настрой стихотворения, то в определенной мере предсказуема частота появления в поэтическом тексте тех или иных равновидностей фонем; так, там, где речь идет о темных цветах, о чем-либо мрачном, с медленным и трудном движении, о ненависти и борьбе, встречаемость "темных" гласных выше обычной [336, с. 89-92]. В "агрессивных" стихотворениях преобладают "жесткие", "твердые" t, k, g, а в "идиллических" — "нежные", "мягкие" m, l [282, с. 198]. В поэме Э. По "Колокола" одни буквы (и звуки) имеют содержательность, которую можно охарактеризовать набором признаков типа "светлый, мажорный": i, l, m; для содержательности других приемлемы признаки "сильный, энергичный": a, r, k; к "минорным, темным" можно отнести o, p, f [141, с. 88]. Факты такого рода заставляют считать вполне вероятным существования связи между коннотативным содержанием стихотворного текста и его суммарным фонетическим значением" [98, с. 99]. Ныне, после целого ряда строгих исследований, в том числе и исследований А.П. Журавлева [97-99], а также А.С. Штерн [247], существование упомянутой связи следует считать не просто "вполне вероятным", а полностью доказанным.

При обсуждении темы "авукосимволизм в грамматике" (§ 17) мы уже указывали, что, вопреки распространенному мнению, элементы разных уровней ЗИС могут образовать единый класс. На этот немаловажный факт следует обратить внимание и при обсуждении темы "авукосимволизм в тексте". Возможен, например, "фонотекстовый" класс "низкий гласный" ³⁸ - минорный поэтический текст"; здесь мы имеем превышение (для данного текста) вероятного ожидания низких по тону гласных. Отметим в этой связи, что фоностилистические исследования аллитерации и ассонанса, по существу, вообще невозможны без "вертикальных" кросс-уровневых фоносемантических классов, включающих (независимо от того, осознается это авторами или нет) единицы разных уровней.

Р. Якобсон в своем известном докладе "Лингвистика и поэтика" (1960 г.) говорил: "Если поэт Рэнсом прав (а он прав!), утверждая, что "поэзия - это своеобразный язык", то лингвист, которого интересуют любые языки, может и должен включить поэзию в сферу своих исследований" [252, с. 228]. Что же касается фоносемантики, то фоносемасиолог, которого интересуют любые языки (ибо фоносемасиолог всегда типолог), может и должен включить поэзию, поэтический текст в сферу своих исследований. И такие исследования ныне ведутся. Изучение авукосимволизма в прозаическом тексте (как, впрочем, и в устной непоэтической речи) только начинается; в целом, это - задача ближайшего будущего.

³⁸ Собственно, имеется в виду фонемотип низких гласных. Понятие фонемотипа "работает" и на уровне текста.

Часть II. ГЕНЕТИЧЕСКИЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ (ЭВОЛЮЦИОННЫЙ) АСПЕКТЫ

Глава 8. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ

Рассмотрение ЗИС в генетическом и диахроническом аспектах целесообразно начать с обсуждения понятия экстраполяции. Это понятие перенесено в языкознание из математики и статистики. В математике под экстраполяцией понимается "приближенное определение значений функции $f(x)$ в точках x , лежащих вне отрезка $[x_0, x_n]$, по ее значениям в точках $x_0 < x_1 < \dots < x_n$ "; в статистике экстраполяция есть "распространение выводов, полученных из наблюдения над одной частью явления, на другую часть его — на другую часть совокупности, на другую территорию, на будущее время" [422, т. 48, с. 427]. Одно из существенных отличий применения экстраполяции в лингвистике состоит в том, что оно ориентируется в основном на прошлые состояния языка, в том числе и на наблюдаемое и не восста-новимое "прямо" начальное состояние (в то время как в статистике экстраполяция преимущественно "обращена в будущее" и широко используется в перспективном планировании). Понятна, таким образом, связь проблемы экстраполяции с генетическим аспектом рассмотрения языка, с проблемой глоттогенеза (происхождения языка). Понятно и то, что экстраполяция имеет отношение к сравнительно-историческому языкознанию. Впервые понятие лингвистической экстраполяции (применительно к сравнительно-историческому языкознанию) было выдвинуто и развито Э.А. Макаевым (см. [163, с. 177-201]). Основанием для перенесения принципа экстраполяции в сравнительно-историческое языкознание служит постулат А. Шлейхера о том, что закономерности развития древних индоевропейских языков те же, что закономернос-

ти развития современных языков. Если это положение перенести на различные уровни языка, то, согласно Э.А. Макаеву, вопрос формулируется в следующем виде: как должны быть отобраны и обработаны данные различных уровней современных индоевропейских языков для того, чтобы можно было установить известную совокупность моделей, обязательных и для древних индоевропейских языков и настолько в то же время оперативных, чтобы с их помощью можно было строго и непротиворечиво описать структуру индоевропейских моделей. Предлагалась следующая формулировка процедуры лингвистической экстраполяции: "... в какой мере на основании эмпирических данных величин одной области и отношений между ними можно вывести заключение о постулируемых отношениях между ними в другой области" [163, с. 179].

Представляется уместным предложить определение лингвистической экстраполяции, имеющей большое значение для фонсемантики. В наиболее общей формулировке предлагаемое определение таково: лингвистическая экстраполяция есть распространение данных наблюдаемых состояний языка на его ненаблюдаемые состояния. Поскольку эти состояния языка могут иметь отношение как к "хроносу", так и к "топосу" (и могут рассматриваться относительно временной оси либо относительно локативной оси), выделимы два вида лингвистической экстраполяции: "хроническая" и "топическая". Топическая экстраполяция (в которой выделимы такие подвиды, как межязыковая и межуровневая экстраполяция) интересоваться нас здесь не будет. При обсуждении генетического и диахронического (эволюционного) аспектов системы внимание исследователя оказывается прикованным к "хронической" экстраполяции. Последняя может в отдельных случаях быть проспективной, обращенной в будущее (см. § 26). Обычно, однако, она ретроспективна, ориентирована на прошлые состояния языка, ненаблюдаемые и прямо не восстанавливаемые. Ретроспективная экстраполяция (более полно - лингвистическая "хроническая" ретроспективная экстраполяция) заключается в распространении данных наблюдаемых состояний языка на ненаблюдаемые

прошлые состояния языка.³⁹ Более конкретно речь идет о том, что ретроспективная экстраполяция заключается в распространении на ненаблюдаемый филогенез языка (глоттогенез, происхождение языка) и на ненаблюдаемые начальные стадии его филогенетической эволюции данных, полученных при наблюдении нормальных состояний языка (онтогенеза языка, стадий его онтогенетической эволюции и наблюдаемой стадии его филогенетической эволюции), паранормальных состояний языка (патологии, "говoreния во сне", глоссолалии и т.д.) и состояний языка приматов. Сделаем два пояснения. Первое. Говоря о "генезе", мы имеем в виду - и это существенно - именно происхождение языка, его возникновение (у вида - филогенез, у индивида - онтогенез), но не его дальнейшую эволюцию (в последнем случае мы предпочитаем говорить о фило- либо онтогенетической эволюции). Эта дистинкция необходима для максимально четкого разграничения собственно-генетического и эволюционного аспектов рассмотрения материала и для выделения имеющей принципиальное значение проблемы происхождения языка. Второе. Говоря о стадиях онтогенетической эволюции, мы имеем в виду три стадии: квазинатуральную, натурально-конвенциональную и конвенционально-натуральную (о стадиях см. также § 25). При обсуждении же филогенетической эволюции речь идет лишь о последней стадии. Для обоснованного суждения о двух ненаблюдаемых состояниях человеческого языка - в первую очередь его филогенеза (генезиса, возникновения, происхождения), а также квазинатуральной и натурально-конвенциональной стадий его филогенетической эволюции, - могут быть использованы пять основных групп экстраполируемых данных из наблюдаемых состояний языка: (1) онтогенеза, (2) онтогенетической эволюции (на всех трех стадиях), (3) филогенетической эволюции (на третьей стадии), (4) приматологии, (5) исследования паранормальных состояний.

³⁹ Мы имеем в виду соответствующие состояния языка человека.

Глава 9. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА

Не претендуя на сколько-нибудь полное освещение проблемы происхождения языка,⁴⁰ этой "проблемы проблем" (мы планируем посвятить ей специальное исследование), остановимся лишь на узловых моментах, имеющих прямое отношение к генетическому аспекту рассмотрения звукоизобразительной системы (и, следовательно, к генетической фоносемантике), и изложим с учетом новых и новейших данных нашу Глоттогоническую концепцию.⁴¹

§ 19. Исходные разграничения

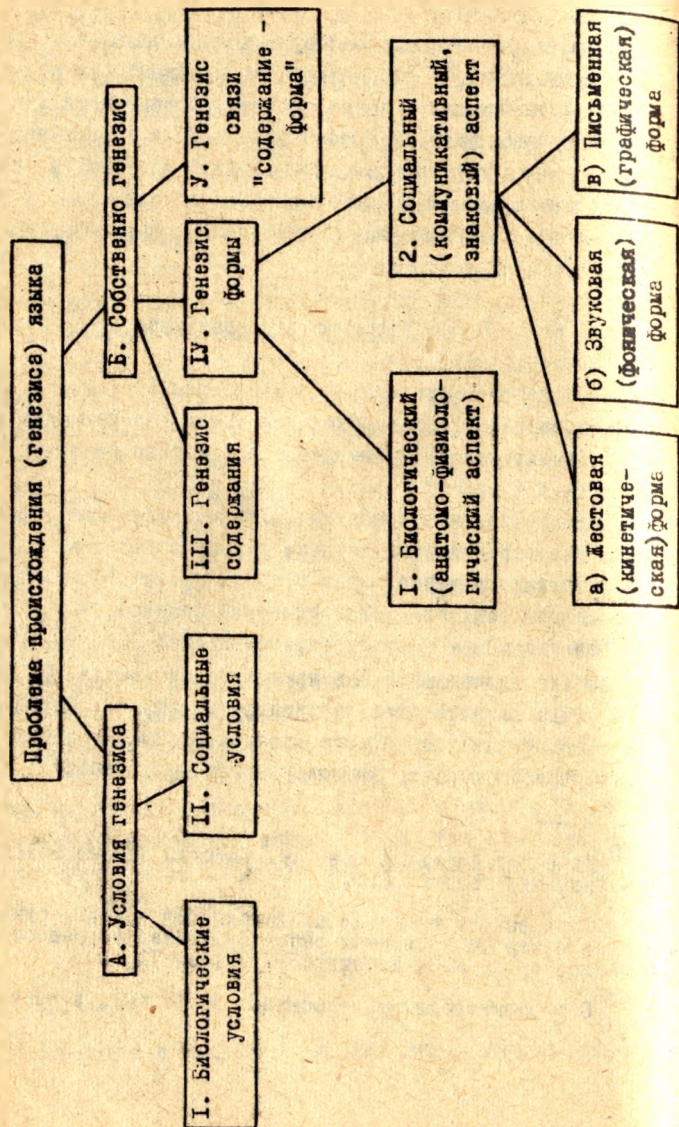
При обсуждении проблемы происхождения (генезиса) языка человека представляется необходимым четко разграничить два круга вопросов: условия генезиса и собственно генезис (см. схему).

Дадим необходимые пояснения. Условия генезиса языка включают два кардинальных вопроса – о биологических и о социальных условиях генезиса: если с точки зрения "современной" синхронии язык есть социобиологический феномен, то с точки зрения генезиса он – феномен биосоциальный;⁴² подчеркнем, что "перестановка акцентов" здесь принципиально важна. Собственно генезис языка включает три кардинальных вопроса. Первый – о генезисе содержания языка, его идвальной, мыслительной, смысловой, образной стороны, языкового значения. Второй – о гене-

⁴⁰ Из работ последних лет см. имеющую важное методологическое значение статью [150].

⁴¹ Обращение к проблеме происхождения языка – одна из характерных черт современных работ сравнительно-сопоставительного плана; ср. у А.В. Десницкой [89, с. 12].

⁴² О биологических предпосылках языка см., в частности, [331].

формы языка, его материальной, субстанциональной стороны, языкового знака,⁴³ в более привычной формулировке это вопрос исходном "строительном материале" языка. При этом форма языка может быть рассмотрена как в биологическом (анатомо-физиологическом) аспекте, так и в аспекте социальном (коммуникативном). Языковая форма в ее социальном (коммуникативном) аспекте, т.е. языковой знак, может быть жестовой (кинетической, моторной, воспринимаемой зрением), звуковой (фонической, фонетической, акустической, воспринимаемой слухом) и (на значительно более позднем этапе) письменной (графической, воспринимаемой зрением). Третий кардинальный вопрос - о генезисе связи "содержание - форма" (более строго - связи "содержание - форма в ее социальном аспекте"), т.е. о механизме формирования связи между значением и знаком в знаковом комплексе - слове; в более привычной формулировке это вопрос о формировании связи между звуком и значением в слове. Впервые на необходимость разграничения разных сторон проблемы происхождения языка указал А.Г. Спиркин в своей работе "Происхождение языка и его роль в формировании мышления" [2II, с. 3-4], где предлагается различать: 1) биологические предпосылки, 2) объективные условия, 3) исходный материал, 4) способы (механизм) образования связи между звуками и образами (ср., соответственно, пп. I, II, IV, V нашей схемы). В ней была сформулирована мысль о том, что две основные теории прошлого - звукоподражания и имитаций - относятся "к выяснению механизма образования речи, а не условий ее появления" [2II, с. 3]. Мысль А.Г. Спиркина была развита А.М. Газовым-Гиназбергом: "Эти теории, занимающиеся вопросом о происхождении материала языка, механизма образования речи, не занимались в сущности проблемой условий появления языка. С другой стороны, в трудах классиков марксизма, дающих известное определение условий появления речи, вопрос о происхождении материала языка, о механизме образова-

⁴³ Мы имеем в виду знак в терминах унитарной концепции.

ния связи звука со смыслом непосредственно не затрагивается... Поэтому не вполне правомерным является практиковавшийся в нашей популяризаторской и учебной литературе ... способ противопоставления названных домарксистских теорий "марксистским взглядам на происхождение языка", когда на вопрос о происхождении материала языка, об образовании связи звука со смыслом позитивного ответа вообще не дается" [60, с. 4]. Мы полагаем необходимым также указать на существование своеобразных "подвигов": противопоставляемые теории и взгляды касались не одних и тех же, а разных вопросов (см. пункты I, II и, соответственно, пункты IV, V нашей схемы⁴⁴), и потому мы видим здесь не взаимоисключающие, не противоречащие друг другу подходы, а подходы, дополняющие друг друга.

Итак, последовательное разграничение различных сторон проблемы происхождения языка приводит к заключению о том, что такие домарксистские теории, как звукоподражательная, междометная, жестовая, не противоречат марксистской теории происхождения языка; рассмотренное противопоставление просто не имеет смысла, поскольку "противопоставляемые" теории трактуют о разных сторонах проблемы. Отсюда делаем вывод: вопреки господствующему мнению, звукоподражательная, междометная, жестовая теории не противоречат имеющей фундаментальное методологическое значение марксистской теории происхождения языка. Однако не противоречат ли они данным новых и новейших специальных исследований? Что говорят современные специальные исследования по вопросу о механизме формирования связи между звуком и значением в глоттогенезе и о самом исходном "строительном материале" языка?

⁴⁴ Пункт III ("генезис содержания") здесь не упомянут, ибо вопрос о происхождении содержательной стороны языка в значительной мере имеет отношение к вопросу о происхождении мышления, а этот последний относится преимущественно к компетенции философии, но не лингвистики.

§ 20. Изобразительное происхождение языка

Обсуждение узловых моментов проблемы глоттогенеза и изложение развиваемой здесь глоттогонической концепции целесообразно сконцентрировать вокруг тех аргументов, с которыми выступают против теории фюсей, и вокруг аргументов, которые выдвигаются — или с полным основанием могут быть выдвинуты — за теорию фюсей.

Аргументы против теории фюсей

Выдвигаемые против фонической теории происхождения языка (т.е. против звукоподражательной и междометной теорий) и против кинетической теории (т.е. против теории жестов) аргументы сводятся в основном к следующим. Во-первых, множественность номинации. Так можно терминировать аргумент, согласно которому неоднозначность связи между звуком и значением (имеющая своим следствием такие явления, как синонимия, омонимия, различие звукоизобразительных слов по языкам, само существование различных языков) якобы опровергает теорию фюсей и принципиальную не-произвольность, мотивированность языкового знака. Этот аргумент бьет мимо цели. Ибо сама по себе множественность номинации еще ничего не доказывает: множественна и секундарная номинация, множественна и номинация примарная (подробно см. § 25). Во-вторых, конвенциональность. Этот аргумент, подробно рассмотренный в связи с критикой принципа произвольности языкового знака (см. § 4), также оказывается несостоятельным. В-третьих, ограниченность возможностей. Имеется в виду якобы имеющая место неспособность звукоизобразительных в своей основе слов выражать абстрактные понятия. Анализ семантической эволюции ЗИ-лексиксы (особенно с учетом явления синестемии) показывает, что ЗИ-слова в своем развитии способны подниматься — и в значительном числе случаев поднимаются — до самых больших высот абстракции (§ 22). В-четвертых, ограниченность сферы применения. Этот аргумент верен лишь в отношении ограниченно-го числа наиболее "очевидных" для данного состояния языка ЗИ-

образований. Он, однако, неверен для подавляющего большинства ЗИ-слов, а именно для тех, чья ЗИ в современном языке стерта и восстановима лишь в ходе скрупулезного этимологического анализа, уходящего на значительную глубину и учитывающего свидетельства фоносемантической типологии (см. § 22). В-пятых, малочисленность. Аргумент малочисленности ЗИ-слов в различных языках во многом основан на недоразумении. Один из источников этого распространенного недоразумения — неудовлетворительная регистрация их в словарях и в работах этимологов, отражающих, как правило, лишь незначительную часть этих образований (ср. [249, с. 157]). Так, в первых двух томах этимологического словаря тюркских языков В.В. Саворьяна [426] приблизительно лишь 1/10 (9,36%) слов квалифицируется как подражательные (т.е. звукоизобразительные); между тем проведенное нами специальное обследование корпуса словаря заставляет квалифицировать как несомненно подражательные более 1/4 (26,88%) слов (с учетом же "предположительно дескриптивных" цифра возрастает до 44,32%).⁴⁵ Другой пример. По нашим подсчетам, почти половина китайских праформ, приводимых в работах Я. Уленброка [399] и Т. Улвинга [404], в своей основе звукоизобразительны.⁴⁶ На многочисленность ЗП- и ЗС-слов указывают исследователи самых разных языков мира. Так, Л. Хакулинен говорит о "беграничном множестве" дескриптивных слов в финском [234, с. 22]. Г. Рамстедт отмечает как характерную черту алтайских языков их "значительную склонность к ониматопеическим воспроизведениям" [190, с. 223]. А. Йоханнессон квалифицирует примерно 530 корней из рассматриваемых им 2200 общеевропейских корней, т.е. примерно 24%, или фактически 1/4 материала, как звукоизобразительные [317, с. 32]. В. Генезиус указывает на то, что семитские языки "изобилуют" звукоподражательными сло-

⁴⁵ Подобные факты, думается, с особой остротой ставят вопрос о необходимости адекватного отражения ЗИ-лексики.

⁴⁶ В этих работах, как известно, приводятся свидетельства в пользу гипотезы о родстве китайского языка с индоевропейскими языками.

нами [65, с. 6]; А.М. Газов-Гиназберг придает этому утверждению весьма строгий количественный смысл: "Таким образом, из 181 случая глагольных корней, признаваемых исконно общесемитскими, 115 конкретно объясняются в работе как изобразительные, относительно 26 то же предполагается ..." [60, с. 169]. Наконец, И.Н. Горелов подчеркивает факт "огромного количества и равнообразия звукоподражательных продуктивных основ в словарях всех языков" [76, с. 8-9]. В-шестых, несушественность. В свете сказанного выше аргумент о несущественности ЗИ-слов для языковой системы теряет силу. Помимо перечисленных аргументов,двигаемых как против фонической, так и против кинетической разновидностей теории фюсей, следует упомянуть еще об одном аргументе, направленном исключительно против последней ее разновидности, - это подчиненность жеста звуку. Современные данные по онтогенезу речи и данные нейрофизиологии и приматологии составляют с большой долей уверенности заключение о ложности этого аргумента в генетическом аспекте: жест, по всем данным, предшествует звуку, а не наоборот (см. ниже). Что касается развитого состояния языков, то утверждение о подчиненности жеста звуку здесь является явным преувеличением. Напомним в этой связи важный вывод И.Н. Горелова: "... вербальная часть сообщения обычно "накладывается" на предварительно развернутую авербальную схему коммуникации, так что и так называемые "сопровождающие авербальные компоненты" на деле реализуются в акте коммуникации раньше вербальных" [78, с. 191]; ср. [79]. Диспрессивные движения "несут не меньшую смысловую нагрузку, чем слова" [213, с. 234].

Аргументы за теорию фюсей

Выше (§ 4) уже было показано, что принцип произвольности языкового знака противоречит целому ряду фундаментальных философских и системологических подожений. Обращенный в ипостась генетическую, этот принцип по существу предстает как теория тесей. И потому отрицание принципа произвольности не может не обернуться отрицанием теории тесей. Отрицание теории тесей есть, однако, утверждение теории фюсей (естественно, на новом,

современном этапе науки); *tertium non datur*. Вследствие этого наши аргументы против теории тесей оказываются аргументами за теорию фюсей. Основываясь на широком спектре новых и новейших данных современной философии, системологии, ряда частных наук, попытаемся дать позитивный ответ на вопрос о происхождении материала языка и механизме образования связи звука со смыслом. Самый общий ответ на этот вопрос, по всей совокупности данных, таков: язык имеет изобразительное происхождение. Какие общеметодологические и частнонаучные аргументы свидетельствуют в пользу этого? -

В противоположность теории тесей теория фюсей не противоречит конкретным философским и системологическим положениям, более того - она с ними наилучшим образом согласуется. Эти положения таковы: принцип отражения (равно как и ленинская теория отражения в целом), принцип всеобщей взаимосвязи, принцип детерминизма, тенденция к взаимосоответствию содержания и формы, системологические принципы системности, иерархизации, экологизации (см., *mutatis mutandis*, § 4); здесь же следует отметить принцип развития от низшего к высшему. Рассмотрим еще ряд общеметодологических аргументов за теорию фюсей. Наука, как известно, признает происхождение человека из животного мира; она признает также происхождение сознания человека и его мышления из высших форм сознания и мышления животного мира. Однако когда дело доходит до признания происхождения языка человека из языка животных предков, единая последовательно макроэволюционная линия "животное — человеческое" в умах исследователей неожиданно прерывается, и исследователи не решаются признать естественный биологический (а не только лишь социальный), "животный" (*shooking!*) характер глоттогенеза. Не напоминает ли это реакцию противников Дарвина, шокированных фактом происхождения человека "от обезьяны"?⁴⁷ С точки зрения общей

⁴⁷ В теориях противников "естественного" возникновения языка объективно всегда присутствует элемент "*Deus ex machina*"; если исходить из их глоттогонической концепции, язык возник подобно Афины, вышедшей из головы Зевса во всеоружии и окончательно сформировавшейся.

теории систем существуют признаки, стойко сохраняющиеся при смене звеньев цепи "живая природа → общество" [229, с. 34]. И такими стойко сохраняющимися признакам несомненно принадлежат и многие признаки коммуникативных систем животных предков человека и человека.⁴⁸ Подчеркнем, что последовательно эволюционистская трактовка глоттогенеза (отнюдь не отрицающая великий качественный водораздел между "дочеловеческим" и "человеческим") позволяет ликвидировать кажущийся разрыв между "дочеловеческим" и "человеческим" уровнями — как это с большой силой убедительности показано в учении И.Н. Горалова о "функциональном базисе речи" как промежуточной системе, заполняющей "впадину" между первосигнальной и второсигнальной системами как в филогенезе, так и в онтогенезе [76, с. 7, 23, 48]. Как отмечает А... Баиндурашвили, первые слова человеческой речи должны быть понятными непосредственно; признание немотивированного характера наименования исключает непосредственную понятность слова, оставляя лишь возможность понимания на основе конвенции между членами общества; однако, по Т. Павлозу, допущение конвенции содержит логическое противоречие — для того, чтобы возникла речь, люди должны были договориться, т.е. уже обладать развитой речью. Тезис об изначальной конвенциональности языкового знака предполагает способность первобытного человека к довольно развитому абстрактному мышлению; такое допущение, однако, противоречит данным современной науки [18, с. 68–69]. Идея примарной мотивированности языкового знака "сама по себе сильна тем, что учитывает момент "живого созерцания", предшествующего моменту "абстрактного мышления" ..." [76, с. 9]; "если высокий уровень абстрактного мышления мог породить конвенциональный знак, никак не отражающий в своем физическом облике свойства объекта, то конкретно-зглядающий ин-

⁴⁸ Ср. допущение Ю.С. Маслова о "вероятной генетической связи древнейших коммуникативных знаков с некоторыми "естественными знаками" — симптомами реакций проточеловеческого организма" [166, с. 234].

тедлект мог породить и воспринять только мотивированный знак, вызывающий вполне конкретное представление, имитируя свойство объекта" [75, с. 34]. Согласно ленинской теории отражения, становление человека и человеческого общества в процессе трудовой деятельности обусловило возникновение специфически человеческой, социальной по своей сущности формы отражения в виде сознания и самосознания. Отражения, свойственное человеку, предполагает не только воздействие на субъект извне, но и активное действие самого субъекта; его творческую активность [214, с. II]. К проявлениям творческой активности человека, думается, следует отнести и его языкотворческую номинационную активность, в том числе и на начальном этапе глоттогенеза. Специфика человеческого восприятия такова, что при встрече с неизвестным предметом или явлением человек стремится выделить в нем признаки, сближающие этот предмет (явление) с уже известным, освоенным сознанием и имеющим название. Восприятие у человека тесно связано с называнием. Следует обратить внимание на следующее важное обстоятельство. В акте номинации (называния) человек может идти одним из двух путей: создать новое слово, новую звуковую форму или же воспользоваться старым словом, старой звуковой формой. Ясно, что при возникновении языка и на начальной стадии его филогенетического развития, когда имеющийся запас слов чрезвычайно ограничен, второй путь почти полностью исключен. Остается, таким образом, первый путь — путь создания нового слова. В плане глобальном проблема создания нового слова в раннем глоттогенезе во многом (хотя, разумеется, отнюдь не полностью) и есть не что иное, как проблема происхождения языка.⁴⁹

Данные онтогенеза. Биогенетический закон Э. Геккеля ("онтогенез повторяет филогенез") в его значительно уточненном современном понимании, как известно, подтверждается данными современной биологии. Он находит все новые подтверждения также в

⁴⁹ Это не противоречит положению о примате жеста над звуком.

явление антропогенеза. Что же касается глоттогенеза, то в онтогенезе языка принципиально нет ничего, что заставляло бы считать последний находящимся вне сферы действия биогенетического закона. Языковая онтогенезия, доступная живому, непосредственному наблюдению, дает языковедам, психологам и философам драгоценный материал для суждений о филогенезе языкового знака, о происхождении языка человека. Работы по онтогенезу языкового знака (языка, речи) чрезвычайно многочисленны, однако вплоть до сравнительно недавнего времени они носили по преимуществу описательный характер. Последовательная и систематическая разработка онтогенеза языкового знака, по существу, началась лишь с появлением исследований Х. Вернера и Б. Капелана [411], А.А. Леонтьева [151], И.Н. Горелова [75, 76] и А.М. Шахнаровича [243-245]. Упорное невнимание теоретиков к начальному этапу онтогенетической эволюции языкового знака, думается, объяснялось тем, что господствующими были точка зрения на языковой знак как на принципиально (и изначально) немотивированную сущность и точка зрения на формирование языковой способности, согласно которой ребенок, слыша готовые образцы речи взрослых, "прилаживает" свою речь к этим образцам. Последняя точка зрения справедливо подвергается критике: "Эта простая схема не в состоянии объяснить множества фактов детской речи и по существу опровергается психолингвистическими исследованиями. Главный вывод, который можно сделать на основании этих исследований, состоит в том, что "детский язык" — не вторичное по отношению к взрослому языку явление" [245, с. 8]. Подобный же вывод следует и из материалов экспериментальной работы М.М. Кольцовой [126]. Согласно глубоко и детально разработанной психолингвистической теории А.М. Шахнаровича картина онтогенеза языкового знака предстает в следующем виде. Прежде всего важен тот факт, что примарно мотивированный характер знака в онтогенезе связывается (в духе идей Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева) с его деятельностью детерминированным характером. Знак (слово) первоначально не выделяется из ситуации. Прежде чем "функциональное бытие" знаков поглотит их "материальное бытие", необходимо, чтобы

ребенок овладел материальными свойствами знаков, что возможно в процессе действий с использованием материальных свойств самих знаков. Формирование знания о предметах с их функциональной стороны берет начало от овладения прежде всего их материальными свойствами, их внешними признаками. Первый этап закрепления общественного знания — выделение в предмете некоторых свойств и перенесение их на сам предмет. На этом этапе имя предмета является как бы частью предмета. Если для взрослого не существенно, обладает ли слово образной мотивированностью, то ребенок в слове ищет правильное отражение действительности. Ребенку не по силам условные связи, и он ищет в слове образные элементы. Основа развития словесного обозначения — объединение в одном наглядном представлении "чувственного начала" слова и предмета. Возникает связь между материальной стороной речи и материальными свойствами предмета. Установление соответствия свойств предметов и "чувственной природы" языковых знаков рассматривается как необходимая ступень в развитии познания, в развитии психического отражения [244, с. 156-168 ; ср. 243, с. 4-5]. Как подчеркивает Д.М. Сегал (вслед за Х. Вернером и Б. Капланом), в раннем онтогенезе материал означающего (звук, мимика, позы и т.п.) структурируется одновременно с материалом означаемого (мир референтов). Образование знаков происходит на стадии, на которой организованная последовательность событий, образующая носитель знака, и материал, формируемый в референт, столь тесно связаны между собой, что между ними существует отношение "осознаваемого" подобия. Это отношение подобия задает мотивированные связи означающего и означаемого на психологически-онтогенетическом уровне [201, с. 13]. Моменты изобретения новой формы характеризуются (помимо прочего, в онтогенезе) вмешательством активных подсознательных и сознательных импульсов, направленных на выявление причинно-следственных связей, обусловивших то или иное оформление содержания [74, с. 17-18]. Онтогенетически наиболее ранняя дознаковая стадия общения — это, по-видимому, так называемое сопереживание, соучастие (sharing). На этой стадии три компонента ситуации "сопереживания" — ребенок, мать и объект — в сознании

ребенка даны практически недифференцированно. Ребенок рассматривает объект, поворачивается к объекту, тянется к нему всем телом и затем рукой, обменивается им с матерью, издает характерные для подобной моторики непроизвольно возникающие сопутствующие вокализации [411, с. 42-43, 81-82]. Из такого рода движений возникает специальный указательный жест, посредством которого ребенок указывает на объект (в частности, приглашая мать рассматривать этот последний вместе с ним); данный жест обычно сопровождается дентально (переднеязычно) "артикулируемыми" фонациями типа da/ta. Примеры в литературе многочисленны [377, с. 48; 388, с. 85]. Подобные ранние образования начинают выполнять денотативную функцию, всю больше приближаясь к обычным указательным местоимениям. К. Бюлер, анализируя записи вокализаций своих трех детей, отмечал: "Удивительно, сколь последовательно (индоевропейский) *Zu-Deixis* Бругманна отразился в дентальных звуках у всех трех детей" [266, с. 219]. На частое присутствие дентальных в дейктических моделях обращали внимание многие исследователи (например: [388, с. 366; 396, с. 259]). Это обычно связывали с "направленностью дентальных (зубных) воэне" [411, с. 82-83]. Откуда не возражая в принципе против этой распространенной трактовки, укажем, однако, что здесь следует говорить не столько о дентальных, сколько о переднеязычных (активный артикулятор более важен, чем пассивный: язык во рту вытянут и дотрагивается до зубов или до альвеол). Этот озвученный указательный микрожест языка представляет собою лишь часть указательного макрожеста, в своей сильной форме захватывающего едва ли не все тело ребенка — корпус, шею, глаза, руки, пальцы. Указательный микрожест языка моделирует свой оригинал — указательный макрожест. Важнейшая и первенствующая роль жеста вообще (не только указательного жеста) в онтогенезе языкового знака подтверждается многочисленными исследованиями, в том числе и новейшими. Отмечается, что дети начинают свое знаковое поведение в жестовой, а не в устно-речевой модальности, и приоритет жеста у ребенка может служить указанием на филогенетический приоритет жеста [300, с. 493]; ср. [109, с. 61]. Подчеркивается теснейшая

связь речи - при ее возникновении (как и при ее дальнейшем функционировании) - с "выразительными движениями", в осуществлении которых особую роль играет лицевая мускулатура [345, с. 102-103].

Предлагается, далее, говорить о жестикуляторной речи, которая имеет и звуковые элементы [194, с. 31]. Отмечается тот факт, что содержание детской речи на раннем ее этапе (когда речь еще не отделена от неречевого поведения) понятно собеседнику лишь при знании и учете им той ситуации, о которой рассказывает ребенок, при учете мимики, жестикуляции, интонации и т.д. [151, с. 315]. Обращается также внимание на то, что, согласно исследованиям недавнего времени (подтвердившим гипотезу Л.С. Выготского), до овладения естественным языком ребенок начинает усваивать системы простейших жестов [109, с. 52-53]. Указывается и на "полимодальный характер" первоначальных жестовых комплексов, которые включают мимику, визуальную ориентацию, ритмику; стадия этих жестовых комплексов предшествует доминативной "лимбической" стадии, на которой возникают, в частности, просодика и "лимбические слова" типа *mam* 'мать' [328, с. 408]. Следует указать на важную роль подражания в онтогенезе речи (хотя эту роль и не следует абсолютизировать). Общеизвестна та роль, которую на начальном этапе онтогенетической эволюции играет (наряду с жестом) звукоподражательная продукция. На доминативной стадии, до того, как ребенок начинает использовать звуки окружающего мира в качестве обозначения предметов, он использует эти звуки как "имитативные звукокомплексы" (являющиеся проявлениями рефлекторного подражания?) или как "звукоподражательные сигналы" (для выражения потребности) [244, с. 170]. Звукоподражательные комплексы ранней детской речи слиты как с обсуждавшимися выше звуко-символическими жестовыми образованиями, так и с междометно-эмоциональными фонациями. Полимодальный, точнее, бимодальный (жестозвуковой, или кинефонический), характер первых голофрастических детских слов сочетается с такой типичной чертой, как диффузная множественность их семантики. В применении к этим словам одни авторы говорят только о "множествен-

ности" [4II, с. 126], другие — только о "диффузности" [244, с. 173]. Между тем семантика этих слов характеризуется как множественностью, многозначностью (разумеется, не в традиционном "лексикологическом" смысле), так и диффузностью.⁵⁰ Тот факт, что эта черта чрезвычайно характерна для звукоизобразительных слов вообще, указывает на их эволюционную древность и служит еще одним свидетельством в пользу теории изобразительного происхождения языка. Примеры ранней звукоизобразительной продукции детей в литературе весьма многочисленны [244, с. 170; 270, с. 245-246; 4II, с. 101-108].⁵¹ У ребенка вербализация начинается, как и у других приматов, со стадий голофразиса; "голофразы" часто сопровождаются направляющими жестами, указывающими на что-либо в мире вещей, которые ребенок видит, слышит, трогает или пробует на вкус [363, с. 799]. Голофразис имеет важнейшее значение как ступень жестозвукоизобразительной, примарно мотивированной продукции, как начальная ступень знакотворчества и овладения знаком в онтогенезе. Мы не случайно говорим о жестозвукоизобразительной продукции. Теория звукоизобразительности приводит нас к выводу, что традиционное понимание слова как представителя лишь звуковой формы языка (противопоставляемой жестовой форме) нуждается в пересмотре. Даже в современной синхронии слово — форма не просто звуковая, а звукожестовая. Генетически же это форма жестозвуковая (ибо ведь мимика артикуляторов — это тоже жест).

⁵⁰ Здесь мы имеем картину того же порядка, что и при решении вопроса о том, что собой представляет система — множество или же целое: плюралистический ("множественный") и холистический ("целостностный") подходы не исключают, а взаимно дополняют друг друга.

⁵¹ Следует обратить внимание на частую встречаемость лабиальных в детских изобразительных образованиях. Лабиальная фаза является начальной (заметим: после "жестозвука" da/ta) в детской речи вообще [310, с. 37]. Существенно, что исследователи обращаются к этой лабиальной фазе при обсуждении структуры индоевропейского корня — для объяснения начала "ряда Магнуссона" (например, [68, с. 136]).

Именно благодаря этой своей двуединой природе слово не только смогло "выжить" как средство элементарной начальной коммуникации, но и возвысилось до средства коммуникации в высшей степени изощренной.

Данные приматологии. Анатомически, поведенчески и генетически человек и человекообразные обезьяны, как известно, очень близки. Многие черты, общие человеку и современной шимпанзе, существовали, как полагают, и в наших общих предках. И отнюдь не случайно, что данные приматологии имеют чрезвычайно важное значение для решения проблемы происхождения человеческого языка. Исследование системы жестов, которую могут усвоить шимпанзе и гориллы, позволяет "представить в какой-то мере ту эпоху в предистории человеческого языка, которую можно уподобить и "сенсомоторному" периоду в развитии ребенка" [109, с. 32]. Л.С. Выготский еще в начале 30-х годов предложил поставить опыт обучения человекообразных обезьян языку жестов глухонемых; он находил при этом сходство между обезьянами и людьми, страдающими афазией — иначе говоря, между мозгом обезьяны и "правым мозгом" человека, "левый мозг" которого поражен афазией. Позднейшие опыты на приматах (супруги Гарднер, Д. Примак и другие) подтверждают далеко идущее сходство возможностей мозга обезьяны с возможностями правого полушария мозга человека [109, с. 79-80]. Сходство употребления знаков у обезьян и в ранних формах человеческого общения подтверждается, в частности, тем, что у обезьяны (обученной языку жестов-иероглифов) один жест может относиться одновременно к целому не очерченному четко комплексу объектов ("цветок — запах табака — кухня" и т.п.). По этому свойству, называемому нами диффузной множественностью, семантика такого знакового комплекса совпадает с семантикой первых голофрастических детских слов. Диффузность семантики знакового комплекса (как и ее множественность) представляет собою, следовательно, фило- и онтогенетически древнюю черту. Ныне известно, что (вопреки более ранним представлениям ученых) шимпанзе способны не только выражать эмоции, но и передавать информацию. Тот факт, что между членами стада человекообразных обезьян наблюдается активная невер-

овальная коммуникация, свидетельствует в пользу жестовой теории происхождения языка человека. Об этом же говорит, помимо прочего, и факт успешного обучения шимпанзе человеческому языку жестов (но не звуковому языку) и даже элементарной грамматике. Следует, впрочем, указать, что невербальная коммуникация у приматов не ограничивается одной (при том часто понимаемой узко) жестовой модальностью. Думается, что нужно говорить о бимодальном характере коммуникации у приматов: здесь жест (в широком смысле — включающий, помимо движений рук, также мимику, движения тела, позу) тесно спаян с вокализацией, фоникой (в широком смысле — включающей, помимо издаваемых приматами звуков, также просодию). В связи с последним отметим следующий факт, являющий собой одно из многочисленных свидетельств изобразительного происхождения языка человека. Г.В. Гершуни и его сотрудники, рассмотрев звуковые сигналы, используемые обезьянами (капуцинами) для коммуникации, пришли к выводу, что опознавание этих сигналов людьми обнаружило примечательное соответствие между эмоциональными характеристиками этих звуков, даваемых людьми (слышавшими их впервые) и эмоциональными состояниями обезьян (о которых можно судить по формам поведения, характерным для излучения определенных типов сигналов) [70, с. 417]. Значение подобного вывода трудно переоценить. Жестовые и фонические компоненты невербальной коммуникации характерны не только для приматов — они и по сей день составляют немаловажный аспект языка человека [392, с. 473 ; ср. 248, с. II6].

Данные нейрофизиологии. Современная постановка проблемы генетического аспекта изучения звукоизобразительной системы языка и проблемы происхождения языка невозможна без привлечения данных нейрофизиологии. Рассмотрим важнейшие из этих данных. Как подчеркивает Б. Робинсон, человеческая речь существует на работе двух систем. Первая система, лимбическая, — эволюционно более древняя, локализована в лимбических структурах, представлена билатерально (полушарная доминантность отсутствует), отвечает за эмоциональное и мотивационное поведение человека, отличается более низкой информативностью. Вторая система, неокортикальная, — эволюционно более молодая, связана с

Таковой является (звуко)изобразительная продукция. Следовательно, и данные нейрофизиологии недвусмысленно указывают на естественный, отприродный характер возникновения речи человека, на изобразительное происхождение языка.

Итак, в настоящее время наиболее сильной и убедительной теорией происхождения языка является, по всей совокупности данных, жестовая теория (ср. [108, с. 20, 28]), и наиболее вероятной моделью начальной формы человеческого языка признается жестовая модель (об этом свидетельствуют и рассмотренные выше данные онтогенеза, приматологии и нейрофизиологии). Особенно убедительные обоснования эта теория получили на конференции "Истоки и эволюция языка и речи", проведенной в 1975 г. Нью-Йоркской Академией наук (см., например: [300; 312; 387; 412]; ср. также [211, с. 28]). Говоря об истоках уже собственно звуковой речи, А.Г. Спиркин указывает: "Унаследованные от животных предков звуки и послужили материалом, или биологической предпосылкой, формирования звуковой речи человека. Признавая генетическую связь между человеком и животным, мы вообще не можем себе представить иного источника звукового материала языка" [211, с. 27]. Эта же мысль подчеркивается и в целом ряде других работ (см., например: [72, с. 229, 123, с. 66]). А.Г. Спиркин говорит о том, что в основе наименования предметов и явлений реального мира лежал "не один какой-либо принцип" (междометный, звукоподражательный), а "несколько принципов" [211, с. 32-33]. Многоплановое рассмотрение звукоизобразительной системы языка, однако, приводит нас к выводу, что это, скорее, был один принцип - многогранный, но единый; это был принцип (звуко)изобразительности. Иногда сторонники теории "естественного" происхождения языка говорят о принятии на вооружение междометной и звукоподражательной теорий мыслителей домарковского периода с поправкой - точнее, с новым обоснованием, заключающимся в введении "социального" элемента (вместо элемента "индивидуалистического"). Безоговорочно принимая это обоснование как принципиально важное, мы предпочитаем говорить не о "сумме" междометной и звукоподражательной теорий - и теории жестов, - а о единой изобразительной теории - в рамках фо-

посемантики. Наш общий вывод таков: язык имеет изобразительное происхождение, и языковой знак на начальном этапе филогенеза отприродно (примарно) мотивирован, изобразителен. Ныне еще можно спорить о примате жеста над звуком в глоттогенезе (хотя позиции жестовой теории — наиболее сильные); примат же изобразительного, естественно мотивированного над конвенциональным, произвольные ныне, в свете данных современной науки, уже неоспорим.

Г л а в а I O . ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА

§ 21. Онтогенетическая эволюция

Процесс овладения отношением "знак — означаемое" неотделим от процесса познания мира. Процесс познания предметной действительности осуществляется ребенком путем действий с предметами. В младенчестве психика ребенка находится на сенсомоторном уровне развития, и ребенок не отделяет себя от окружающего мира [242, с. 81]. На начальном этапе законодатель являет собою некое "мимическое подобие" референта: например, ониматопеические знаки репрезентируют референты путем фонематической имитации характерных для референтов звуков. Наиболее ранние четкие выражения референции по отношению к объектам — это, с одной стороны, характерный жест указания, и, с другой — вокализации вроде *da*, *ta* [411, с. 47, 77]. Для этого этапа вообще характерны примарно мотивированные звуковые комплексы [242, с. 83]. Всего Х. Вернер и Б. Каплан выделяют три стадии (три "шага") в онтогенетической эволюции знака: 1) натурально-ониматопеическое отражение, 2) физиогномическое отражение, 3) конвенциональная репрезентация [411, с. 100]. Как подчеркивает И. Н. Горелов, "широко бытующие в детской речи звукоподражания, к сожалению, плохо исследованные, даже не собранные как следует,

могли бы многое рассказать о закономерностях процесса номинации, которые могут быть общими в основе для филогенеза и онтогенеза" [75, с. 35]. Известно, что при ассоциативном эксперименте дети младшего возраста в большинстве случаев дают ассоциации по созвучию. Закономерным является в свете этого использование звукоподражаний в стихах для детей. В поэзии, предназначенной для читателей трех-семи лет, звукоподражания представляют собой обычное явление, непосредственно продиктованное содержанием стихотворения. Здесь звукоподражания не столько вносят дополнительный экспрессивно-эмоциональный оттенок, сколько служат прямым выражением тех или иных особенностей описываемого явления [171, с. 74]. В этой связи нелишне напомнить, что на начальном этапе развития сигнальной функции мозга (когда отражение носит образный, предметный характер) сигналами для ребенка служат не слова, а "непосредственные" раздражители — такие паралингвистические компоненты, как интонация, мимика, жесты говорящего. Ясно, что из всех слов языка звукоподражания, как и звукоизображения вообще, ближе всего стоят к этим "первичным" паралингвистическим компонентам. Показательно, что электроэнцефалографическое изучение обнаруживает у ребенка более раннее созревание правого ("невербального", "довербального") полушария, которое функционально преобладает над левым ("вербальным") в первые годы жизни [126, с. 32]. Результаты новейших исследований по онтогенезу детской речи заставляют выступить против утверждений о том, что "единицы автономной детской речи конвенционализированы ... а не универсальны" [233, с. 425]. Прежде всего подобное противопоставление вообще не имеет смысла: слова детской речи универсальны и в то же время конвенционализированы, как и любые другие примарно мотивированные, звукоизобразительные в своей основе слова (ср. выше, § 4). И это со всей очевидностью показывает приводимые Ч. Фергюсоном примеры: они не универсальны в смысле различия — по разным языкам — оснований номинации, но универсальны в том смысле, что мы имеем в них именно примарную номинацию. Эволюционируя, знак "удаляется" от означаемого. Понятие "удаления", "дистанцирования" (distancing), eve-

денное Х. Вернером и Б. Капланом, во многом помогает понять процесс развития знака в онтогенезе, его постепенную денатурализацию (конвенционализацию). В процессе денатурализации возникает ряд промежуточных форм: 1) образному слову придается грамматическое значение (bumer 'падать' < bum 'бум'); 2) форма состоит из двух элементов - образного и конвенционального (roshmacher 'рабочий' < rosh 'звук ударов молотка'); 3) сочетание состоит из двух слов - образного и конвенционального (mamla-milk 'молоко ам-ам'); 4) функционирование в одних ситуациях образных форм, в других - конвенциональных (chicken 'цыпленок' наряду с реер-реер 'чип-чип') [4II, с. 106-109]. На наиболее поздней стадии почти полностью утрачивается связь между знаком и означаемым, знак предстает относительно денатурализованным.

§ 22. Филогенетическая эволюция

Возникнув как примарно мотивированная, изобразительная сущность, языковой знак, как и язык в целом, на начальной - "натуральной" - стадии развивается в пределах данного качества, пока складывающаяся система языка в основном не исчерпает возможностей развития в рамках (звуко)изобразительности. Как тонко заметил Э.Р. Аветян, "прогресс знака оказывается регрессом в области единства звука и значения ..." [8, с. 55]. Следует подчеркнуть, что процесс денатурализации знака не означает его демотивации: происходит преимущественная утрата примарной мотивированности, но не мотивированности вообще; примарная мотивированность в значительной мере замещается, вытесняется, "компенсируется" секундарной мотивированностью - семантической и морфологической.⁵³ Происходит перестройка и

⁵³ См. также ниже (§ 25) о законе относительной денатурализации знака. Подобно тому как значительная часть наших знаний - это так называемое выводное знание (не являющееся непосредственным обобщением чувственных данных), значительная часть лексики представляет собой "выводную лексику" - лексику, мотивированную секундарно.

самой примарной мотивированности: вытесняемая на периферию значения слова, и особенно морфемы, примарная мотивированность там не менее стойко удерживает центральные позиции на уровне текста (особенно в поэзии).

Семена частичного разрушения естественной мотивированности языкового знака наличествуют в знаке уже при его рождении. Языковой знак рождается "из" отражения, но рождается он прежде всего не "для" отражения, а "для" коммуникации: главная функция языка — функция коммуникативная.⁵⁴ Этот "от рождения" противоречивый, двойственный характер знака имел далеко идущие последствия для его эволюции. Для знака как категории отражательной определяющую роль играет гомоморфность его объекту, для знака же как категории коммуникативной эта гомоморфность играет лишь незначительную роль; знак в его коммуникативной "ипостаси" в основном безразличен к этой гомоморфности. Поскольку знак — в соответствии с его основным предназначением — развивается преимущественно как категория коммуникативная, то его отражательный характер отступает на второй план, затеняется, во многом утрачивается.

В свете разрабатываемой здесь теории, думается, особенно отчетливо виден метафизический, недиалектический характер распространённого аргумента противников принципиальной мотивированности, не-произвольность знака. Согласно этому аргументу, поскольку звуковая и смысловая стороны слова в процессе исторического развития изменяются, поскольку имеют место процессы абстракции, языковой знак не может быть принципиально мотивированным. Возможность абстракции создается, исходя из широко распространённой точки зрения, "только благодаря тому, что материальная сторона языковых единиц (или элементов других знаковых систем) репрезентирует предметы того или иного рода, с которыми она не имеет какого-либо существенного подобия или сходства" [181, с. 47]. Абстракция, следовательно, увязывает

⁵⁴ Что, разумеется, отнюдь не противоречит отражательной природе языкового знака.

ся с (якобы) немотивированным, произвольным характером знака, и проблема абстракции рассматривается как производная от проблемы мотивированности/немотивированности знака языка. Немотивированность (собственно, демотивированность) знака действительно может способствовать процессу абстракции на поздних этапах развития знака. Но в принципе для абстракции безразлично, немотивирован ли (уже) знак или же он (еще) мотивирован, и начальная примарная мотивированность слова отнюдь не мешает ему подниматься в ходе семантической эволюции до самых больших высот абстракции (ср. ниже: 'время; вечность; жизнь' — 'изображение звука дыхания').⁵⁵ Поэтому мы предлагаем рассматривать проблему абстракции как производную не от проблемы мотивированности/немотивированности знака языка, а от проблемы самой знаковости, и в частности знаковости языка. Не случайно, что уже практическая репрезентация (замещение, субституция) одного объекта другим, т.е. именно то, что составляет основную, определяющую черту знака,⁵⁶ признается формой (наиболее простой) абстракции: "В этой форме абстракция имеет место и у животных (в частности, на ней основано формирование условных рефлексов). У человека такое практическое замещение выражается и закрепляется в слове, в деятельности со знаками" [195,

⁵⁵ Ср. высказывание Л.О. Резникова о начальной примарной мотивированности слова: "... определение знака как бросающегося в глаза признака, сделанного представителем предмета, с генетической точки зрения является правильным. Имеются основания предполагать, что первоначальная функция знаков действительно выполнялась признаками: значение признака как свойства предмета ... с одной стороны, и его значение как знака предмета — с другой, не были расчленены, они сливались. Но затем значение признака как знака выделялось ... сделавшись возможным переход к созданию и использованию ... условных знаков, прежде всего языковых" [192, с. 112-113].

⁵⁶ Ср.: "Знак ... — материальный чувственно воспринимаемый предмет (явление, событие, действие), выступающий в познании и общении людей в качестве представителя некоторого предмета ..." [35, с. 177]. А.А. Ветров справедливо подчеркивает тот факт, что знак является субститутом [34, с. 366].

с. 38]. Не случайно и то, что уже как модель знак (а знак в определенном смысле всегда модель; см. § 25), отображая лишь какое-либо существенное (с точки зрения номинации) свойство объекта, стывается от других его свойств и уже в силу этого выступает как форма реализации абстракции. Таким образом, возможность абстракции в языке принципиально создается благодаря знаку как репрезентанту объекта, как модели объекта, но не благодаря (якобы) немотивированному, произвольному характеру языкового знака. "Аргумент абстракции" не может поэтому служить аргументом против принципиальной мотивированности языкового знака.

Точную оценку "филогенетической" эволюции словарного состава языка дал А.Г. Спиркин: "Даже не занимаясь специально кропотливым подбором подобного рода слов, а приводя те из них, которые случайно всплывают в памяти, можно было бы составить длинный их перечень, не допуская при этом никаких натяжек. <...> При рассмотрении этого вопроса следует иметь в виду и то обстоятельство, что слова современного языка отстоят от своей колыбели на сотни тысяч лет, претерпев на своем долгом пути несметное количество переносов с одного предмета на другой ... и было бы просто чудом, если бы в зрелом облике большинства звукоподражательных слов⁵⁷ мы смогли узнать природную наивность их раннего детства" [211, с. 31]. Здесь же в подтверждение того, как в слове маскируется его звукоизобразительная природа, по мере переноса его с одного предмета на другой, приводится известное наблюдение Дарвина над своим внуком: начинавший говорить ребенок называл утку словом "квак"; в силу специальной ассоциации он стал называть так и воду; далее он стал употреблять это слово для обозначения всех птиц и насекомых, с одной стороны, и всех жидких веществ — с другой; наконец, он обозначал этим словом все монеты, так как однажды

⁵⁷ Судя по приводимому А.Г. Спиркиным списку, имеется в виду не только собственно звукоподражательные, но и звуко-символические образования.

увидел изображение орла на одной французской монете [211, с. 31-32].

"Маскировка" ЗИ-природы слова в процессе его денатурализации — основная объективная причина недостаточной разработки звукоизобразительных (дескриптивных) этимологий. На конференции "Ностратические языки и ностратическое языкознание" В.Н. Топоров говорил о "парадоксах заимствований" [221, с. 35]. Думается, что можно с полным правом говорить и о парадоксе дескриптивных (звукоизобразительных) слов, который заключается в том, что сравнительно-исторические штудии всячески "отграничиваются" от дескриптивной лексики, но обойтись без нее, увы, не могут. Пока, к сожалению, у этимолога звукоизобразительности нет того строго выверенного (на протяжении многих десятилетий) аппарата, который есть, например, у "традиционно-го" морфолога. Из этого, однако, не следует, что нужно чураться разработки дескриптивных этимологий и открепиваться от них; напротив, необходима разработка всего комплекса относящихся сюда проблем. Эта разработка только начинается. Даже такой уникальный словарь, как Ностратический словарь В.М. Иллич-Свитыча [423], дескриптивным праформам отводит значительно меньше места, чем они заслуживают (см. [50]). Отметим, впрочем, что Словарь В.М. Иллич-Свитыча, как это нередко бывает с масштабными предприятиями, перерастает рамки, поставленные самим автором. Это касается, в частности, дескриптивных (звукоизобразительных) образований. Автор подчеркивает, что при отборе сходств случаи "элементарного сродства" как одного из источников мотивированных совпадений были устранены; далее, однако, делается оговорка относительно того, что в Словарь включен "ряд образований, имеющих дескриптивную ... окраску, но не обнаруживающих существенных нарушений регулярных фонетических соответствий" [423, т. I, с. 4, 106]; эти образования снабжены пометой "дескрипт.". Подсчет показывает, что в детально обследованном первом томе Словаря квалифицируются как дескриптивные лишь 25 слов (10,2% материала тома), из них 4 — гипотетически. Проверка приводит к выводу, что все "гипотетические" случаи можно с уверенностью отнести к дескриптивным. Дальней-

ний анализа, однако, заставляет признать дескриптивными еще по крайней мере 95 слов (из них 30 — предположительно). Всего, следовательно, представляется необходимым выделить 120 дескриптивных образований (49% материала тома); за вычетом "предположительно дескриптивных" случаев это составляет 90 слов — 36,7%. Таким образом, объем дескриптивной лексики в рассмотренном томе, даже по весьма осторожным подсчетам, превышает 1/3 его объема. "Маскировка" ЗИ-природы слова (о которой говорилось выше) может быть проиллюстрирована бесчисленными примерами (в том числе и примерами из языков, учитываемых Словарем В.И. Иллич-Свитыча). Приведем ряд иллюстраций (в основе своей это все признанные звукоизображения). Англ. *grudge* 'выражать недовольство, недоброжелательно — бормотать, ворчать', *flirt* 'флиртовать — махать веером, раскрывая и закрывая его с характерным звуком'; мальгам. *faḡagaḡa* 'чудо' наряду с *gaḡagaḡa* 'изумленный, ошеломленный'; бурят. *haamaika* 'быть рассеянным — смотреть с раскрытым ртом'; салькуп. *keḡqaltuqo* 'отдохнуть' наряду с *keḡ* 'о выдохе'; осет. *t'awraep* 'плоскость — плоский'; якут. *ḡubuk* 'небольшое количество' наряду с тувин. *ḡibḡ* 'маленький'; др.-инд. *bhṛṇṭāpi* 'беспокойный' наряду с валлийск. *berw-* 'кипеть'; др.-грузин. *swag-* 'роса' — *swag-/ouq-* 'капать'; тигринья *lḡlḡ* 'улаживать' наряду с араб. *l'ḡ* 'вываливать язык (от жажды, усталости — о собаке)'; эвр. *ḡḡb* 'притягивать (о магните)' < семит. *ḡḡḡ/ḡḡḡ* 'всасывать', *ḡa'm* 'разум — умение разбираться — вкус (перен.) — вкус (в прямом значении)' < семит. *t'm* 'смаковать, пробовать на вкус'; араб. *hamḡ* 'тоска — вздох'.

Часто связь между звуком и значением настолько эффективна "запрятана" в слове, что, оставаясь в пределах микросистемы одного языка, этимолог оказывается не в состоянии выявить эту связь. В соответствии с принципом системного подхода, который мы термилируем как "принцип экологизации", каждую данную систему необходимо рассматривать в неразрывной связи со средой (см. § 4). Проиллюстрируем сказанное этимолого-фоносемантическим анализом ряда древнегерманских *abstracta*.

Гот. *aiwa* 'время, вечность'; *awi-liuþ* 'благодарность'.
 Гот. *aiwa* восходит к и.-в. **heiu* 'жизненная сила'; ср.
 др.-инд. *āyu-* 'жизнь', *āyus* 'жизненная сила' гр. *αἰών*
 'продолжительность жизни; вечность' лат. *aevus, aevum* 'век,
 вечность', тохар. А *āum* 'дух'. Абстрактные индоевропейские
 лексемы ничего не говорят о возможной первоначальной связи
 между звуком и значением. То же следует сказать и об алтайском
 материале: якут. диал. *öjün* 'будущность, жизнь, век, время',
 нанайск. *ujun*. Однако ряд семитских праформ с конкретной се-
 мантикой заставляет предполагать дескриптивную природу ностра-
 тических (*haju* 'жить, жизненная сила') лексем: беджа *hāj*
 'жить, быть здоровым', а также несомненно дескриптивное копт.
neḥ 'жить — дышать', йегу (вост.-чад.) 'aiwo 'животное'
 (к семантике ср. лат. *animal* 'животное'). Предположения о
 том, что семит. корень *hjj* 'жить' происходит от звукоизобра-
 жения дыхания, высказывалось уже давно (например: [296, 1835,
 с. 450, 467]). Как отмечает А.М. Газов-Гинзберг, араб. *whwh*
 'дышать теплом' проливает свет на происхождение семит. *hww/*
hjj [60, с. 127]. Основаниями для указанного здесь предполо-
 жения служили библейское выражение "дух жизни (*hājīm*) в
 ноздрях" и развитие слов для понятия "жизнь" в других языках.
 Гот. *awi-* (*awi-liuþ* 'благодарность') восходит к и.-в. **heu-*
 'страстно желать': ср. арм. *aviun* 'желание, влечение', гр.
 (Тевкрит) *αἰτῶς* 'любовник'. Ностр. *hawā* 'страстно желать'
 дает: тода *ōfil* 'хотеть есть', таamil. *āval* 'отрастное же-
 лание'; семит. **hwj-*: араб. *hwj* 'желать, любить', др.-егип.
h(j) 'супруг' (к семантике ср. др.-рус. *хоть* 'любовник').
 Считается (см.: [60, с. 127]), что корень **hwj-* 'страстно же-
 лать, хотеть, любить' происходит от звукоизображения вдоха
 (добавим: или звука дыхания); примечательно принципиальное
 совпадение звукового состава корня **hwj-* и вышедшего из вдо-
 ха (стона) междометия *hōj*. Укажем еще на два свидетельства
 принадлежности рассматриваемых образований к звукоизобрази-
 тельной по своему происхождению лексике: упоминавшиеся выше
 др.-инд. *āyu-* 'жизнь' и тохар. А *āum* 'дух' семантически
 (в отчасти и материально) сопоставимы с тохар. АВ *āp-* 'жизнь,

дух' - признанным (например, [318, с. 23; 423, т. I, с. 261]) звукоизображением; далее, лексемы группы ностр. *haju* 'жить, жизненная сила' (— 'дышать') семантически сопоставимы также с копт. (саид.) *bnēh* 'жить' - признанным звукоизображением с постулируемой деривацией 'жить' — 'дышать'. Итак, наблюдается семантическая эволюция: 'дыхание' — 'жизнь' — 'время жизни' — 'время; вечность', 'дыхание; вздох' — 'страстное желание; страсть; любовь; благодарность'.

Гот. *haban* 'держать, иметь'. Сопоставление *haban* с однокоренными образованиями в германских языках не приближает нас к пониманию характера его мотивированности. Выход в более широкую индоевропейскую сферу дает некоторые наметки решения вопроса (см. гр. *χάπτω* и особенно рус. **хабить*): и.-в. **ghabh-*/кар- 'хватать, брать, держать' - др.-инд. *gabh-asti* 'рука', хотан. *ggosti* (< **gabasti*) 'горсть', лат. *habeo* 'держу, имею', др.-ирл. *gaibid* 'берет, хватает', лит. *gaba-nā* 'оханка', гр. *χάπτω* 'хватаю, жадно глотаю', лат. *capio* 'беру'; рус. **хабить* 'хватать' (по мнению Бернекера ... *хабить* звукоподражательного происхождения от межд. *хаб!* Brückner считает за одно и то же с *хапать* ...) [425, т. I, с. 671]). Выход в еще более широкую сферу ностратики позволяет уже с уверенностью говорить о характере примарной мотивированности (см. особенно мордовский и тамильский примеры): ностр. *kaba* /кар'а 'хватать' - каффа *qar-* 'глотать', мордов. (мокшан.) *karēde-* 'проглотить, халнуть', марийск. (вост.) *кора* 'ладонь, лапа', тамиль. *kavvu-* 'хватать ртом, жадно есть', кодагу *kabb-* 'хватать широко раскрытым ртом', тамиль. *karri* 'набивать рот', орок. *kar-ki-* 'схватить за горло, душить'. Рассмотренные под этой рубрикой лексемы - признанные звукоизображения [318, с. 10; 423, т. I, с. 313]. Характер примарной мотивированности здесь ясен: при первичной номинации жест хватания рукой "моделируется" в звукоизображении овсучиваемым жестом хватания ртом. Семантическая же эволюция такова: 'хватать (хапать) ртом' — 'хватать рукой' — 'брать' — 'держать, иметь'.

Др.-в.-н. *boḡa-* 'очень'. Это образование восходит к и.-в. **bher-* 'хороший, большой'; ср. арм. *bagi* 'хороший',

нот. *tege* 'почти; большей частью'. Обычно эти формы рассмат-
риваются как производные от **bher-* 'нести, брать' (← 'уро-
жайный, плодоносящий') или от **bher-* 'край, возвышение'.
В.М.Иллич-Свитыч, однако, предлагает деривацию 'хороший' —
'большой' как более вероятную в свете внешних соответствий
(ср. наш принцип экологизации!): см., например, халха *bardan*
'изобилие, обильный', тамил. *ragu* 'стать обильным, раздуться',
малайлам *ragu* 'большой, объемистый; нарыв (← вздутие)'
при общем ностр. *raga* 'большой, хороший' [423, т. I, с. 175].
Если деривация В.М. Иллич-Свитыча справедлива, др.-в.-н. во-
ст- следует квалифицировать как форму, в основе своей звуко-
изобразительную. Роль лабиальных в обозначении чего-либо взду-
того, округлого, выпяченного, большого отжечкалась в фоносеман-
тических штудиях по самым различным языкам мира ([361, т. I,
с. 265]; см. также [93, с. 114]). Ср. звукоизобразительные
якут. *борой* 'иметь толстое лицо при короткой шее', *барый* 'ка-
заться огромной тенью, наводить тень своей огромной фигурой'.
Семантическое развитие общей праформы *raga-* с учетом дан-
ных всего ностратического ареала можно представить следующим
образом: 'нечто округлое, раздутое; толстый' → 'обильный' →
'большой' → 'хороший' → 'лучший' (как крайняя степень чего-
либо положительного) → 'очень (как крайняя степень чего-ли-
бо вообще)'. Примеры принципиально сходного семантического
развития по языкам мира чрезвычайно многочисленны. Приведем
лишь один пример: ностр. *ronga* 'толстый; вздуться' — хетт.
rapku- 'целый, весь', эстон. *ring, rong* 'нечто выпуклое; лу-
ковица', тамил. *roŋku* 'закипать, вздуваться', тулу *roŋka*
'большой', малто *ronḡḡ-* 'увеличиваться, изобиловать',
маньчж. *boro* 'первый, начальный, главный', орок. *бонго*
'первый, лучший; нечто выпуклое, вздутое; толстый' → обиль-
ный; целый' → 'большой' → 'главный, первый' → 'лучший'.
В.В. Левицкий в ходе интереснейшего синхронного типологическо-
го исследования установил, что семантическая комбинация 'раз-
мер + оценка' представляет собою одну из семантических зако-
номерностей, носящих характер универсалий [144, с. 11]. Наше
рассмотрение, думается, показывает, что к установлению подоб-

ных универсалий (и, в менее строгом случае, фреквенталий) можно прийти "диахронным путем". При этом взору языковеда ретроспективно открывается (по крайней мере отчасти) сам механизм формирования этих универсалий. И эти универсалии не просто семантичны — они в значительной мере фоносемантичны.

Итак, гот. *aiwa* 'время, вечность', *awi-liuf* 'благодарность', *haban* 'держат, имеют', др.-в.-н. *boğa* 'очень' звуко-косимволичны, звукоизобразительны по своему происхождению. Даже самые высокие абстракции (время! вечность!) приземлены в своих истоках. И этимолого-фоносемантический анализ микрофрагмента древнегерманской абстрактной лексики показывает, что, несмотря на то, что процесс относительной денатурализации языкового знака даже в древних германских языках зашел весьма и весьма далеко, — изначальная естественная мотивированность знака может быть вскрыта (не в последнюю очередь — при условии последовательного применения принципов системного подхода, должного учета принципа экологизации).

РАЗДЕЛ III

ТЕОРИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ПАНТОПОХРОНИИ

Завершив рассмотрение предмета ФС на эмпирическом уровне, перейдем к обсуждению его на уровне теоретическом. В центре внимания здесь будут находиться три группы вопросов: категории ФС, фоносемантические регулярности (законы и закономерности) и эвристические возможности ФС.

Г л а в а II. КАТЕГОРИИ ФОНОСЕМАНТИКИ

Наиболее общими категориями ФС являются категории "звуко-изобразительная система" и "пантопохрония". Самого подробного обсуждения заслуживает первая из них – центральная категория ФС.

§ 23. Звукоизобразительная система как категория фоносемантики

Сущность и явление, отражающие соответственно внутреннюю и внешнюю стороны объекта, теснейшим образом взаимосвязаны. Сущность представляет собою внутренние, глубинные связи и отношения класса явлений; явление же – внешнее выражение сущности. Сущность глубже явления, и она определяет развитие явления. Познание объекта, и в том числе теоретическое познание объекта, в целом идет от явления к сущности. При изложении теории объекта научной дисциплины логично поэтому рассмотреть

начале его феноменологию (понимая под этим внешнюю, "явленную" сторону объекта) и затем онтологию (понимая это не просто в смысле "учения о сущем", а в смысле "учения о сущности, внутреннем, существенном").

Феноменология звукоизобразительной системы

Признаки звукоизобразительной системы

А.И. Уемов выделяет 26 общесистемных параметров, на основании которых выделяются те или иные разновидности систем [227, с. 154-174]. Каждый параметр дается под соответствующим номером; однако большая часть параметров дается без какого-либо наименования, и лишь называются те разновидности, на которые системы подразделяются по данному параметру (напр.: параметр № 1 "является основанием для деления систем на упорядоченные и неупорядоченные" [227, с. 154, 161]) или же даются нетерминологизированные формулировки (напр., "параметр № 8 относится к детерминированности систем" [227, с. 162]). Основываясь на общесистемных параметрах А.И. Уемова, мы приходим - после необходимого упорядочения метаязыка - к 26 признакам ЗИС языка (см. табл. I, признаки 1-26). При этом, однако, мы обнаруживаем, что ЗИС должна быть охарактеризована еще как минимум через 12 признаков (см. табл. I, признаки 27-38). Этот список признаков ЗИС, который по мере изучения звукоизобразительности несомненно будет уточняться, нуждается в пояснениях. **П р и з н а к 1.** Полностью упорядоченной является звукоподражательная подсистема, с ее набором строгих, "неразмытых" моделей. Звукосимволическая подсистема характеризуется лишь относительной упорядоченностью, ибо большинство моделей здесь носит значительно менее строгий, более "размытый" характер. **П р и з н а к 2.** В рассматриваемой системе имеются как точечные элементы (элементы, обладающие "точечными" свойствами, или свойствами нулевого измерения, - например, фонемотип взрывных), так и элементы линейные (элементы, обладаю-

Т а б л и ц а I

Признаки звукоизобразительной системы языка

№ пп	Признак	№ пп	Признак
I	Относительно упорядоченная	20	элементно-неавтономная
2	точечно-линейная	21	гомогенная
3	непосредственно-опосредованная	22	гомофункциональная (одно-родно функционирующая)
4	нерегенерирующая	23	нециклическая
5	расчлененная	24	нецепная
6	всецело надежная	25	полная
7	неэлементарная	26	гипервариативная
8	детерминированная	27	материально-идеальная
9	центрированная	28	дискретная
10	многоуровневая (много-слойная)	29	функциональная
11	экстра-интралингвистическая (внешне-внутренняя)	30	полифункциональная
12	знаковая (вторичная)	31	вариантно-функциональная
13	открытая (субстратно незавершенная)	32	динамическая
14	имманентная	33	самонастраивающаяся
15	неминимальная	34	естественная
16	уникальная	35	периферийно-центральная
17	стабильная	36	гипераномальная
18	относительно нестационарная	37	стохастическая
19	относительно слабая	38	фонетически мотивированная

щие "линейными" свойствами, или свойствами, имеющими определенную "интенсивность" — например, большая или меньшая высота звука. П р и з н а к 3. Чаще всего наблюдается непосредственная (непосредственная, прямая) передача характеристик диктанта (ср. передачу чистого диссонанса, дрожания диссонантным же дрожанием /г/). Имеются, однако, и случаи опосредованной (косвенной, аппроксимированной) передачи (ср. передачу того же диссонанса, дрожания недиссонантным недрожанием /г/ в случаях звуко-символической инерции). П р и з н а к 4. ЗИС, как, впрочем, и язык в целом, есть нерегенерирующая система, — раз выпав из системы, элементы (например, устаревшие слова) вновь в качестве органической ее части не восстанавливаются. П р и з н а к 5. Под расчлененностью имеется в виду тот факт, что система состоит более чем из одного элемента. П р и з н а к 6. На любой территории, в любых исторических условиях ЗИС остается всецело надежным (хотя и не всегда эксплицитно выраженным) средством передачи связи звука и значения. П р и з н а к 7. Неэлементарная система (ее можно терминировать так же, как и сложную систему) состоит из элементов, которые, в свою очередь, являются системами такого же типа. П р и з н а к 8. Системообразующее отношение в детерминированной системе таково, что если нам известны некоторые элементы, то на основе его мы можем определить другие элементы. В целом ЗИС следует считать детерминированной, хотя и с некоторыми оговорками в части звуко-символической. П р и з н а к 9. ЗИС квалифицируем как центрированную. Синхронически ее центр — образования, характеризующиеся наибольшей аномальностью по сравнению с "регулярными" неаномальными образованиями невукоизобразительной сферы ("центр" языковой системы в целом: ср. [95]). Наиболее удаленная от центра ЗИС область ЗИ-периферии принадлежит "стершимся", "затемненным", частично утратившим в современном языке изобразительность образованиям звуко-символического характера. Центр ЗИС наиболее удален от центра невукоизобразительной системы, периферия же ЗИС наиболее близка к нему. П р и з н а к 10. ЗИС — система расчлененная (признак 5) и неэлементарная (признак 7); поэтому в соответствии с

принципом иерархизации (см. § 4) в ней выделяются различные взаимосвязанные уровни. П р и з н а к 11. Один из важнейших и характернейших признаков ЗИС, заключающийся прежде всего в том, что сама материальная природа ее элементов обусловлена в первую очередь экстралингвистическими психофизиологическими факторами; это не исключает, разумеется, действия интралингвистических, конкретно-языковых факторов — которые, впрочем, играют меньшую роль. Важность экстралингвистических факторов подчеркивается также тем, что в иерархическом ("вертикальном") плане теоретическое рассмотрение ЗИС без рассмотрения лежащей в ее фундаменте (уже за пределами языка) акустико-психофизиологической системы совершенно бесплодно и лишено всякого смысла. П р и з н а к 12. Элементами ЗИС являются определенные знаковые комплексы и их составляющие; следовательно, здесь речь идет о знаковой системе. П р и з н а к 13. Открытость ЗИС определяется тем фактом, что язык в целом (и особенно лексика) представляет собою открытую, субстратно незавершенную систему. П р и з н а к 14. Поскольку ЗИС — это естественная система (признак 34) с внутренне присущим ей системообразующим свойством "связи звука и значения", есть основания причислять ее к имманентным системам. П р и з н а к 15. Наша система неминимальна, ибо она не разрушается при уничтожении любой ее подсистемы. П р и з н а к 16. Уникальность ЗИС вытекает из уникальности ее концепта и частично субстрата. П р и з н а к 17. Стабильные системы допускают те или иные изменения структуры без разрушения системы в целом. Сеть связей (например, синтагматических, парадигматических, иерархических) в сфере ЗИ, как и в языке в целом, не претерпевает (в отличие от субстрата; см. признак 18) кардинальных изменений, и потому ЗИС следует квалифицировать как стабильную. П р и з н а к 18. Стационарные системы допускают те или иные изменения субстрата без разрушения системы в целом. На начальных этапах генезиса ЗИС характеризуется относительной стационарностью: ЗИ-номинация является здесь единственно возможной. В диахронии же для ЗИС характерна нестационарность: средствами ЗИ определенный "ми-

нимальный" запас слов уже сформирован; словообразование на основе ЗИ, на основе примарной, фонетической мотивации, выполнив во многом свою великую первотворческую миссию, начинает уступать свои позиции словообразованию на основе вторичной не-звукотворческой морфологической и семантической мотивации. Происходит процесс относительной денатурализации языкового знака. В синхронии в современном состоянии система относительно стационарна, но уже по-новому, на новом витке спирали развития.^I В целом же следует говорить об относительной нестационарности ЗИС. П р и з н а к 19. Степень взаимосвязи элементов ЗИС на разных этапах эволюции и в разных ее частях весьма различна. Генетически вся система — сильная. В современных языках сильной остается звукоподражательная подсистема. В звукосимволической же подсистеме "мы часто имеем дело с относительно слабыми эффектами, с правилами, имеющими много исключений, с неабсолютными зависимостями, поэтому следовало бы ввести в обиход понятия типа "слабая тенденция", "слабая связь" ... придав им определенный количественный смысл ..." [ЮИ, с. 98]. Разумно поэтому в синхронии охарактеризовать звукосимволическую подсистему, наиболее массовидную из двух подсистем, как слабую, а ЗИС в целом — как относительно слабую. П р и з н а к 20. В элементарно-автономной системе каждому элементу присущи все характеристики системы в целом. Обо всех элементах ЗИС этого сказать нельзя, — это система элементарно-неавтономная. П р и з н а к 21. ЗИС языка, как и язык вообще, гомогенна (однородна), что следует уже из того, что все ее элементы обладают единым системообразующим свойством — звукотворчеством, или фонетической мотивирован-

^I Если, например, фонология и морфология — это "системы неустойчивого равновесия" [99, с. 59], то ЗИ является собой, если можно так выразиться, "систему равновесной неустойчивости": во многом нестационарный характер проявляется в относительной денатурализации языкового знака в диахронии (в "перерождении" значительной части ЗИ-лексики, в эволюционировании ее в свою противоположность) и в гипервариативности системы в синхронии (см. признак 26).

ностью (см. ниже); гомогенны (однородны), хотя и не тождественны, и сами эти элементы. П р и з н а к 22. ЗИС гомофункциональна, ибо фонемы (в составе ЗИ-слова) выполняют однородные функции — все это функции звукоизобразительные. П р и з н а к 23. ЗИС нециклическа (в циклических системах изменения свойств элементов либо системообразующих отношений подчиняются определенному периодическому закону). П р и з н а к 24. Наша система — нецепная (в цепных системах системообразующее отношение соотносит каждый элемент не более, чем с двумя другими элементами). П р и з н а к 25. Рассматриваемая система — полная, ибо она строится не относительно какого-то одного фрагмента ЗИ, а относительно всей совокупности разновидностей ЗИ. П р и з н а к 26. Чрезвычайно большая вариативность — мы предпочитаем говорить о "гипервариативности" — различных видов ЗИ-образований, размытость их звукового облика отмечалась в литературе неоднократно [100, с. 248-250; 102, с. 33-34; 380, с. 86-87]. Гипервариативность звукоизобразительных слов — один из источников паронимии. П р и з н а к 27. Система языка в целом есть материально-идеальное образование (форма слова материальна, содержание — идеально); следовательно, материально-идеальна и ЗИС. П р и з н а к 28. Дискретность — одно из фундаментальных и наиболее общих свойств элементов языка [209, с. 56] и тем самым системы языка в целом; следовательно, дискретны и ЗИ-элементы и сама ЗИС. П р и з н а к 29. Язык принадлежит к числу функциональных систем [209, с. 65]; к ним относится и ЗИС. П р и з н а к 30. Одним из характерных свойств элементов нашей системы является полифункциональность (большинство фонем в составе ЗИ-слова обладает функциями, число которых более 1). Это не противоречит их гомофункциональной природе (признак 22): полифункциональность оперирует "в рамках" гомофункциональности. П р и з н а к 31. Правилom для фонем ЗИС является вариантная функциональность, заключающаяся в том, что характер выполняемых ими функций различен в зависимости от того, выступают ли они в составе звукоподражательного или же звуко-символического слова. Исключения единичны, и они представляют собою аномалии "второго порядка",

своеобразные аномалии аномальной системы [53, с. 68]. П р и з н а к 32. Язык относится к одной из разновидностей динамических систем [167, с. 98]; это же верно и для ЗИС. П р и з н а к 33. Язык относится к вполне определенной разновидности динамических систем, а именно к системам самонастраивающимся [167, с. 98]; это же справедливо и для ЗИС. П р и з н а к 34. По В.И. Абаеву, "между звучанием и значением в человеческом языке нет естественно необходимой связи, есть только связь общественно необходимая ..." [6, с. 79]. Проводников исследование, однако, показывает, что это не совсем так, — язык в целом есть одновременно и естественное и общественное (социальное) образование. Важнейшее свойство ЗИС — ее естественный характер: "... при возникновении человеческого языка — в том, что касается образования связи звучания слов со смыслом, — происходило использование тех естественных связей между звуком и предметом или явлением, которые имелись в природе" [62, с. 110]. И обширнейший материал современных языков мира, и экспериментальные данные свидетельствуют о том, что ЗИС не утратила целиком своего "естественного" характера. П р и з н а к 35. Генетически ЗИС занимала центральное положение в общей системе языка. В процессе эволюции она была в целом оттеснена на периферию. Однако ЗИС не может быть квалифицирована лишь как периферийная, поскольку и "центр" языка (не исключая и его грамматической системы) пронизан (хотя это далеко не всегда очевидно) "нитеями" звуко-символизма. Поэтому анализируемая система в целом должна быть охарактеризована как периферийно-центральная.² П р и з н а к 36. Аномальность звукоизобразительных ЗИ-образований не осталась незамеченной исследователями ([95, с. 30; 100, с. 240-242; 205, с. 287]; см. также [53, с. 63-64]). Ввиду масштабности и интенсивности ЗИ-аномальности мы считаем необходимым говорить в этой связи о гипераномальности (что, впрочем, не предполагает абсолютизации этого признака). П р и з н а к 37. Рассматривая

² О центре и периферии см. выше, признак 9.

"панхронические тенденции" в синестезии (которая, отметим, в значительной своей части составляет фундамент обширных участков подсистемы ЗС), С. Ульман указывает, что соответствующие законы "будут, во-первых, статистическими по самой своей сути. Они будут иметь дело с ... распространенными и повторяющимися событиями, относительно же индивидуальных переносов (значений слов. — С.Б.) они не дадут никакой информации. Эти законы, во-вторых, дадут возможность в весьма ограниченных пределах, если не предсказывать развитие событий, то хотя бы составлять самую общую картину вероятностей" [400, с. 289-290 ; ср. 99, с. 68]. Стохастический, вероятностный характер событий, охватываемых ЗИС (в синхронии и в диахронии), и необходимость применения в целом ряде случаев статистических методов для установления связи между звуком и значением, например, в поэтическом тексте [202, с. 75, 211], — все это ныне уже не подлежит сомнению, и все это заставляет охарактеризовать нашу систему как стохастическую. П р и з н а к 38. Признак фонетической (примарной) мотивированности — важная "примета" ЗИС и стержневое, системообразующее свойство (см. ниже). Установление прочных связей между системными параметрами, как известно, переводит системное исследование из эмпирической сферы в теоретическую. Думается, что установление прочных связей между признаками ЗИС (выделяемыми на основе системных параметров) также переводит исследование из сферы эмпирической в сферу теоретическую, позволяя сформулировать целостное феноменологическое определение ЗИС.

Феноменологическое определение

Проведенное обсуждение признаков ЗИС позволяет подойти к феноменологическому определению ЗИС.³ Для того чтобы опреде-

³ Под феноменологическим мы имеем в виду определение, получаемое индуктивно, в ходе рассмотрения внешних, "явления-ских" (феноменологических), "признаковых" характеристик ЗИС. Феноменологическое определение коррелирует с онтологическими определениями, получаемыми дедуктивно, в ходе рассмотрения внутренних, "сущностных" (онтологических) характеристик системы (см. ниже).

лить понятие, т.е. найти границу, отделяющую предметы, охватываемые данным понятием, от всех сходных с ними предметов, нет необходимости перечислять все признаки — достаточно указать лишь на существенные отличительные признаки. Именно такие признаки мы и включаем в наше феноменологическое определение ЗИС.

Звукоизобразительная система есть уникальная естественная, экстра-интралингвистическая, гипервариативная, гипераномальная, периферийно-центральная, стохастическая, фонетически (примарно) мотивированная языковая система.

Онтология звукоизобразительной системы

Обсудив феноменологию ЗИС, перейдем к рассмотрению ее онтологии (понимая под последней, как мы уже отмечали, не просто "учение о сущем", а "учение о сущностном, внутреннем, существенном"). После выявления компонентов будут даны онтологические определения этой системы.

Как и в любой системе, в нашей системе выделены (в русле тернарного описания, предложенного А.И. Уёмовым [227, с. 97]) концепт, субстрат и структура. Это — компоненты ЗИС.

Концепт

Концептом, или системообразующим свойством, или свойством, на основании которого конституируется исследуемая система, является звукоизобразительность, или фонетическая (примарная) мотивированность.

Звукоизобразительность (фонетическая, или примарная, мотивированность) есть свойство слова, заключающееся в наличии необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой не-произвольной связи между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком объекта-денотата (мотивом).

Слова, обладающие таким свойством, образуют ЗИС.⁴ Из предложенного определения ЗИ следует, что ЗИ есть явление закономерное, неслучайное. Наименьшее число фонем, обнаруживающих связь с признаком денотата, — одна; наибольшее — равно числу фонем в слове. Связь "фонема — признак денотата" непосредственно осуществляется на признаковых уровнях соответственно лингвистического и экстралингвистического ярусов ЗИС: "физический (фонемный, акустический или/и артикуляторный) признак фонемы — физический (акустический, оптический, тактильный и др.) признак денотата", или "Ф-признак (фонемный признак) — Д-признак (денотатный признак, или мотивема)" (см. ниже). В плане конкретном "полагаемый в основу номинации признак денотата" с точки зрения самого слова есть не что иное, как мотивирующий признак, или мотив номинации (наименования), или мотивема; в плане абстрактном (т.е. с точки зрения идеализированного объекта) это то, что мы обозначаем термином "мотивема". Подчеркнем здесь важнейшую и до сих пор не раскрытую исследователями роль элементов мотивационной сферы и особенно роль мотивотипа. Принято, как известно, говорить о "связи между звуком и значением", о "связи звука и значения" в ЗИ-слове. Не отказываясь полностью из чисто прагматических соображений от этой удобной, лаконичной и ставшей столь привычной формулировки, отметим все же, что она не обладает достаточной дистинктивной силой: "связь между звуком и значением" наличествует не только в звукоизобразительном (примарно мотивированном) слове, но и в любом незвукоизобразительном (не мотивированном примарно) слове, уже хотя бы в силу того, что два элемента, входящие в состав целостного множества, не могут не иметь между собой определенного рода связи. Пользуясь формулировкой "связь между звуком и значением", следует также иметь в виду, что она не совсем точна: для ЗИ-слова специфично то, что в ш-

⁴ Элементы ЗИС, впрочем, не исчерпываются словами как элементами (единицами) лексемного уровня: в системе (в лингвистическом ее ярусе) наличествуют также элементы признакового, фонемного, морфемного и текстового уровней.

роком плане звук связан со значением (лингвистический ярус) лишь постольку, поскольку он связан с мотивом (экстралингвистический ярус). Наконец, (и это весьма важно) непроемное слово может с самого начала иметь значение, выходящее за пределы обычной для ЗИ сферы (звучания и источники звучаний, кинемы, походка человека, форма объекта и т.д.), и тем не менее это слово звукоизобразительно в силу того, что его звуковой облик неслучаен и определен тем мотивом, который подложен в основу номинации (ср. англ. *miff* 'легкая ссора; вспышка раздражения'; мотив: кинема неудовольствия - с характерной гримасой в области губ и носа, откуда лабиальные и носовой в составе *miff*). Экстралингвистическая обусловленность плана выражения в ЗИ-слове приводит нас к тому, что рассматриваемая с точки зрения номинативного акта ЗИ есть не что иное, как общеизвестная фонетическая (примарная, изобразительная) мотивированность. Подчеркнем, что ЗИ есть специфическое и, более того, уникальное свойство данной системы; это свойство присуще ей одной и является ее дистинктивным признаком; эта уникальность и делает ЗИ концептом системы. Концепт обсуждаемой системы имеет ту особенность, что он представляет собою не просто свойство, а связь, отношение (между лингвистической и "естественной" экстралингвистической сущностями), выступающее как свойство, притом свойство системообразующее; это неудивительно, если принять во внимание естественные, отприродные корни человеческого языка.

Субстрат

Обсудив концепт как системообразующее свойство, перейдем к рассмотрению "носителя" этого свойства - субстрата системы. Методологически важная проблема, которая здесь возникает, - проблема элементов системы, или (в плоскости метаязыка) проблема единиц системы. Проблема элементов (единиц) ЗИС достаточно сложна, и попыток ее комплексного решения до настоящего времени не предпринималось. Наше рассмотрение начнем с основных признаков единиц языка в целом. В.М. Солнцев говорит

о величинах, относящихся к числу единиц языка, как об обладающих следующими свойствами: 1) выражают некоторый смысл либо участвуют в его выражении и дифференциации; 2) выделяемы или вычленимы в качестве некоторых объектов; 3) воспроизводимы в готовом виде; 4) образуют сверхпарадигму, или уровень, в пределах которого неделимы и реализуют парадигматические и синтагматические свойства; 5) входят в общую систему языка через свой уровень; 6) находятся в иерархическом отношении к единицам других уровней языка или к единицам речи, которое может быть охарактеризовано в терминах "состоит из ..." или "входит в ..."; 7) каждая более сложная единица есть некоторая система, обладающая новым качеством по сравнению с составляющими ее элементами [209, с. 185-186]. Основными единицами языка в целом являются фонемы, морфемы и слова. Посмотрим, как обстоит дело с элементами (единицами) ЗИС. В качестве конкретных вариантных элементов системы (при ее эмпирическом представлении) мы предлагаем выделить следующие: 1) Ф-аллопризнак (фонемный аллопризнак), 2) аллофон, 3) алломорф, 4) аллолекс, 5) алломикротекст, 6) Д-аллопризнак (денотатный аллопризнак, алломотив), 7) аллоденотат. В качестве абстрактных инвариантных элементов выделяются следующие: в терминах абстракций I ступени - 1) Ф-признак, 2) фонема, 3) морфема, 4) слово (лексема), 5) микротекст, 6) Д-признак (мотивема), 7) денотат; в терминах абстракций II ступени - 1) Ф-признакотип, 2) фонемотип, 3) морфемотип, 4) словотип (лексемотип, модель), 5) микротекстотип, 6) Д-признакотип (мотивотип), 7) денотип. Введение признаков 6), 7) объясняется "внешне-внутренним" характером ЗИС, экстралингвистической обусловленностью фонемного облика относящихся к ней слов. Каждый из семи элементов принадлежит определенному уровню. В своем лингвистическом ярусе система имеет пять уровней, в экстралингвистическом - два. Связь между звуком и значением наиболее непосредственно и ощутимо проявляется на уровне признаков. По сравнению, например, с фонологической системой, где основным элементом - фонема (абстракция I ступени), в ЗИС основным элементом - фонемотип (абстракция II ступени). Категория фонемотипа выступает как основ-

ной инструмент исследователя и лингвистического яруса ЗИС и всей системы в целом, притом не только в синхронии, но и в диахронии, при этимологическом анализе на значительную "глубину". Очень важна также роль Ф-признакотипов. Основной же инструмент исследователя экстралингвистического (денотатного) яруса — категория Д-признакотипа, или мотивотипа. Важное значение имеет также категория словотипа, или модели: см. особенно канонические модели в § 8. Приведем примеры акустических фонемотипов: взрывной; аффриката; фрикативный глухой; фрикативный звонкий; вибрант; сонорный носовой; сонорный латеральный; сонорный лабиальный; долгий гласный; краткий гласный; чистый гласный; высокий гласный; интенсивный гласный; неинтенсивный гласный. Конкретные элементы комбинируются в синтагматике так. Комбинация аллофонов дает алломорф, а также (опосредованно) аллолекс и алломикротекст. Ф-аллопризнаки в синтагматике не сочетаются. Абстрактные элементы I ступени комбинируются в синтагматике следующим образом: комбинация фонем образует морфему, а также (опосредованно) слово (лексему) и микротекст. Абстрактные элементы II ступени в синтагматике комбинируются так: совокупность фонемотипов дает морфемотип, а также (опосредованно) словотип (лексемотип) и микротекстотип. Сочетаясь в парадигматике, абстрактные элементы I ступени образуют: Ф-признак — Ф-признакотип, фонема — фонемотип, морфема — морфемотип, слово — словотип, микротекст — микротекстотип.

Структура

Рассмотрев концепт и субстрат системы, перейдем к обсуждению структуры — последнего из компонентов тернарного описания системы. Структуру обычно рассматривают как внутреннюю упорядоченность, организацию, устройство системы [223, с. 43]; ср. также [209, с. 33]. Эта упорядоченность системы определяется характером взаимоотношений, взаимосвязей элементов системы. И потому структура системы представляет собою совокупность внутрисистемных связей: структура есть система минус элементы системы [209, с. 29, 30]. Распространенным является также

определение структуры как сети отношений или связей между элементами системы [188, с. 12]. Можно выделить два подхода к трактовке рассматриваемых понятий. При первом подходе эти понятия трактуются как тождественные; так, говорят о "взаимосвязях (отношениях)" элементов в системе [167, с. 98], "внутрисистемных связях" и "внутрисистемных отношениях" [209, с.29]. При втором подходе связь интерпретируется как разновидность отношения (см., например, [197, с. 121, 124, 146; 227, с. 9], ср. [137, с. 70-98]). Жесткое ограничение на понятие связи накладывают Ф. Кумпф и З. Оруджев: "Связь всегда представляет собой отношение, но такое, когда изменение одного члена отношения влечет за собой изменение другого члена отношения (а не только самого отношения)" [137, с. 71]. Применительно к рассматриваемой в настоящей работе ЗИС (как, впрочем, и применительно к архисистеме языка вообще) мы говорим, как правило, об отношениях (любая связь есть отношение), кроме тех случаев, когда налицо бесспорная связь, как, например, генетическая связь порождения, связь между звуком и значением в слове, связь между фонетическим обликом слова и мотивом (здесь соотношение между двумя членами удовлетворяет жесткому критерию Кумпфа - Оруджева). Какие же разновидности отношений следует выделить как релевантные для ЗИС? В общесистемном аспекте выделяют отношения: 1) строения, 2) функционирования, 3) порождения, 4) развития, 5) преобразования, 6) взаимодействия, 7) управления (ср. [25, с. 88-191]). Как показывает проведенное нами исследование, первые шесть разновидностей отношений оказываются релевантными для панхронии ЗИС - для ее синхронии, генезиса и диахронии (впрочем, эти разновидности имеют место и в языке в целом). Для пантопии выделяемы те же разновидности отношений. Отметим при этом, что простыми (элементарными) являются разновидности 1-5; разновидность же 6 (отношения взаимодействия) носит составной (комбинированный), неэлементарный характер, и сюда относятся различные комбинации разновидностей 1-5. Применительно к языковой системе В.М. Солнцев справедливо выделяет три вида отношений: синтагматические, парадигматические и иерархические [209, с. 68-69]. Суммируем сказанное в табл. 2.

Таблица 2

Разновидности отношений между элементами
в звукоизобразительной системе языка

Характер	Разновидности отношений		
	Аспекты рассмотрения системы	Тип	Вид
Простой	Синхрония	Отношения строения (структурные отношения)	Синтагматические
			Парадигматические
			Иерархические
		Отношения функционирования	—
	Генезис	Отношения (связи) порождения	—
Составной	Диахрония	Отношения развития	—
		Отношения преобразования	—
Составной	—	Отношения взаимодействия	—

Пояснения в табл. 2 требуют, пожалуй, отношения преобразования: мы имеем здесь в виду затемнение первоначальной изо-

относительности у многих элементов ЗИС в процессе относитель-
денатурализации языкового знака (о чем см. § 22). Сделаем
также уточнение касательно отношений (связей) порождения: по-
следние могут быть релеванты не только для собственно гене-
 — филогенетического аспекта порождения языка в целом, но
 — для синхронии онтогенетического аспекта порождения отдель-
ного слова в современном словообразовании. Укажем, наконец,
на специфическую особенность ЗИС, заключающуюся в том, что
она вся "пронизана" отношениями иерархического плана.

Если отношения — эти неотъемлемые составные части струк-
туры (структуры как общего, родового понятия — однопорядково-
го с понятиями концепта и субстрата) — могут быть не только
синхроническими отношениями строения, но и синхроническими
отношениями функционирования, и диахроническими отношениями
развития и т.д., то логично выделить и соответствующие (по не-
обходимости несколько отличающиеся по названиям) разновидности
структур (структур как частных, видовых понятий). Эти
структуры представлены в табл. 3.

Поясним тип комбинированных структур следующим примером:

$$\dots \longrightarrow \dots \{ \dots + \dots + \dots \} .$$

Структура с ее субстратным наполнением принимает вид

$$y \longrightarrow И \left\{ \frac{PLOS}{AFFR} + \check{VOC} + PLOS \right\} .$$

Эта комбинированная структура состоит из двух простых: из ге-
нетической структуры $\dots \longrightarrow \dots$ и статической синтагмати-
ческой структуры $\{ \dots + \dots + \dots \}$, составляющей правую
часть генетической структуры. Читается она следующим образом
(для большей ясности раскрываем и ее субстратное наполнение):
денотация экстралингвистического звучания класса ударов (У)
порождает звукоподражательное слово класса инстантов (И), в
каноническую модель которого входят начальный взрывной (PLOS)
либо аффриката (AFFR), срединный краткий гласный (VOC) и
конечный взрывной (PLOS).

К правомерности выделения указанных выше разновидностей
структур с точки зрения системного подхода ср.: "С помощью

структур в принципе могут выражаться все особенности любой системы: ее внутреннее строение и функционирование ... генезис системы; эволюционирование системы" [225, с. 45].

Т а б л и ц а 3

Разновидности структур в звукоизобразительной системе языка

Характер	Разновидности структур			
	Аспекты рассмотрения системы	Тип	Вид	Условные обозначения
Простой	Синхрония	Статические	Синтагматические	{...+...+...}
			Парадигматические	{... ..}
			Иерархические	... $\leq$...
	Генезис	Функциональные	-	... = f (...)
			-	... $\rightarrow$...
			-	... $\Rightarrow$...
Составной	-	Комбинированные	-	-

Онтологические определения

Сформулируем несколько возможных определений (такая не-единственность определений – особенно онтологических, "сущностных", определений – понятна, ибо объект эксплицируется с разных сторон, с различной расстановкой акцентов).

Прежде, однако, дадим наше определение системы вообще:⁶ система S есть множество объектов m универсума M , обладающих определенным единым свойством P и некоторой совокупностью отношений R .

Согласно принципу иерархизации (см. § 4), любая система рассматривается как сложное иерархическое образование, в котором выделяются различные взаимосвязанные уровни. Каждая система может, таким образом, рассматриваться и как один из элементов системы более высокого порядка ("архисистема"), и как система из элементов, в свою очередь представляющих системы более низкого порядка ("подсистемы"). В первом случае мы имеем подход "извне", "сверху", во втором – подход "изнутри", "снизу". Для простоты изложения вывод полного определения ЗИС целесообразно произвести поэтапно, с учетом указанных двух подходов. Вначале дадим определение "извне".

Звукоизобразительная система есть та часть архисистемы языка, в словах которой наличествует необходимая, существенная, повторяющаяся и относительно устойчивая не-произвольная фонетически (примарно) мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком денотата (мотивом).

ЗИС подразделима на две подсистемы – звукоподражательную и звукосимволическую.

Центральный элемент ЗИС – звукоизобразительное слово. Последнее можно определить как слово, в котором наличествует необходимая, существенная, повторяющаяся и относительно устой-

⁶ Формулируя это определение, мы основывались в первую очередь на идее тернарного (веди – свойства – отношения) описания системы [227, с. 122, 128; 228, с. 96-97].

чивая не-произвольная фонетически (примарно) мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком денотата (мотивом).

Выше (§ 3) уже было подчеркнуто, что звукоизобразительными являются не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие не-произвольной связью между звуком и значением, но и все те слова, в которых эта связь в ходе эволюции оказалась затемненной. Тот факт, что ЭИ-слово представляет собою слово, звукоизобразительное в своей основе, по своему происхождению, имеет важнейшее (и до сих пор по достоинству не оцененное) значение.

Определяемая относительно своего центрального элемента слова — звукоподражательная подсистема есть подмножество взаимосвязанных слов, фонетически (примарно) мотивированных звуком. Звукосимволическая подсистема есть подмножество взаимосвязанных слов, фонетически (примарно) мотивированных незвуком.⁷

Сходясь воедино эти определения подсистем, получаем определение ЗИС "изнутри" (относительно ее центрального элемента — слова):

Звукоизобразительная система есть множество взаимосвязанных фонетически (примарно) мотивированных слов.

Слово — центральный, но не единственный элемент ЗИС. Одна из важнейших особенностей ЗИС состоит в том, что в нее вовлекаются и элементы целого ряда других уровней — признаки фонем, фонемы, целый ряд морфем, микротакты. Поэтому наиболее полное онтологическое определение ЗИС (учитывающее также наше развернутое общесистемное определение) предстает в следующем виде:

Звукоизобразительная система есть множество элементов различных уровней архисистемы языка, (а) обладающих системообразующим свойством, которое заключается в наличии закономерной непроизвольной фонетически (примарно) мотивированной связи между фонемами слова и мотивом номинации, и (б) упорядоченных по со-

⁷ О понятии "незвук" см. § 13.

вокупности отношений строения (синтагматических, парадигматических, иерархических), функционирования, порождения, развития и преобразования.

§ 24. Пантопохрония как категория фоносемантики

Проанализировав первую из двух наиболее общих категорий фоносемантики – категорию звукоизобразительной системы, перейдем к рассмотрению второй – категории пантопохронии (пантопия+панхрония) (см. § 3).

Пантопия. Пантопия включает две "топические" разновидности: монотопию и политопию. Применительно к изучаемому объекту под монотопией понимаем рассмотрение ЗИС одного какого-либо языкового ареала. ЗИС в монотопии изучается ФС данного национального языка (например, английской ФС или же монолингвальной ФС диалектов данного языка, т.е. диалектной ФС).⁸ Под политопией мы понимаем рассмотрение ЗИС в любой совокупности языковых ареалов. ЗИС в политопии изучается фоносемантической типологией. При этом рассмотрение ЗИС родственных языков в принципе не исключается, хотя наиболее значимые результаты дает изучение соответствующих систем неродственных языков. В настоящей работе теоретические построения базируются в первую очередь на данных фоносемантической типологии именно неродственных языков.

Панхрония. Обычно панхрония понимается как включающая две "хронии" – синхронию и диахронию (например, [36, с. 234]; ср. [230, с. 25]). Однако в свете пантопохронических воззрений представляется более оправданным провести несколько иную рубрикацию. Рассмотрение ЗИС в одном каком-либо временном "срезе" целесообразно квалифицировать как монохронию (проти-

⁸ Диалекты дают особенно богатый и интересный ЗИ-материал. Диалектологи, однако, лишь в последнее время начинают осознавать важность изучения этого разряда слов (см., например, [409, с. 68-69]).

вопоставляемую диахронии). Монохронию же мы подразделяем на синхронию и генезис. В силу того что под синхронией традиционно понимается лишь современное состояние языка (современная синхрония, синхрония ставшего), в тени остается синхрония генезиса (так сказать, начальная синхрония, синхрония *in statu nascendi*). Ввиду особой важности генетического аспекта для понимания ЗИ, а также происхождения языка и его сущности мы выделяем этот аспект особо, наряду с синхронией (в рамках монохронии) и в конечном счете получаем вместо привычной дихотомии трихотомию: синхрония, генезис, диахрония. Синхрония, как известно, предполагает рассмотрение языка с точки зрения соотношений между его составными частями в один период времени; синхронический подход тесно связан с трактовкой всякого элемента языка как имеющего значимость благодаря его системному соотношению с другими элементами. Компоненты ЗИС были рассмотрены выше (§ 23). Эти компоненты представляют собою преимущественно синхронические сущности. ЗИС в синхронии изучает синхроническая ФС. Выше уже была обоснована необходимость выделения генетического аспекта при исследовании ЗИС. Практика исторического исследования подтверждает, что структурный (синхронический) и генетический анализ — это две в равной степени важные и необходимые стороны единого процесса исследования [82, с. 94]. Наиболее общая категория обсуждаемого аспекта, категория генезиса, понимается нами в узком и точном смысле той разновидности формы существования ЗИС, которая имеет отношение к возникновению, происхождению (но не становлению, не развитию) развивающейся сущности — ЗИС. Из других категорий генетической ФС следует указать на отмеченные выше (§ 23) отношения (связи) порождения и генетические структуры. Процесс диахронического (эволюционного, исторического) движения системы во времени в целом может быть квалифицирован как развитие, отдельные же процессы в рамках этого глобального процесса могут трактоваться как изменения [188, с. 52]. Важнейшими и наиболее общими категориями диахронической ФС являются категории ЗИС и развития. Диахроническая ФС исследует развитие системы, понимаемой как изменение ее субстрата и структуры, и

включает в качестве специального аспекта исследования изучение константных черт системы на протяжении исторического времени. Внутреннее развитие ЗИС определяется не только общезначимыми факторами развития, но и факторами, специфичными для ЗИС. К последним относится, в частности, закон звукоизобразительной инерции (§ 25), противостоящий более могущественному общему закону относительной денатурализации (там же). При этом целый ряд проявлений ЗИ может выступать в роли не только пассивно-оборонительной, но и активно-наступательной, в роли катализатора изменений в незвукоизобразительной системе; так, эмоциональная речь, широко пользующаяся нефонологическими различиями (экспрессивной имитацией, подчеркиванием обычно редуцированных гласных и т.д.) в конце концов нередко затрагивает саму фонологическую структуру (ср. [215, с. 288; 193, разв.]). Из других категорий диахронической ФС отметим выделенные выше (§ 23) отношения развития и преобразования и эволюционные и трансформные структуры.

Г л а в а 12. ЭКСПЛНАТОРНО-ПРЕДИКТОРНЫЕ И ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФОНОСЕМАНТИКИ

§ 25. Фоносемантические регулярности

Необходимой и важной частью любой научной теории являются ее экспланаторно-предикторные средства — различного рода регулярности, из которых наиболее обязательными и значительными являются законы данной теории, данной науки. Столь же обязательными, сколь законы, но менее значимыми являются так называемые закономерности. Менее обязательны, чем законы и закономерности, регулярности еще одной разновидности — тенденции. В любом случае мы имеем дело с необходимыми, существенными, (относительно) устойчивыми, повторяющимися событиями. Мы имеем здесь дело, кроме того, с обобщением, категоризацией

событий; ср. у Р. Брауна: "Бессмысленно делать прогнозы, не обобщая, — ибо повторяемость не будет иметь места" [263, с. 237].

Фоносемантические законы

Рассмотренные выше (§ 4) философские и системологические принципы, равно как и ленинская теория отражения, дают методологическую основу для выявления ряда общих законов становления и эволюции языкового знака — законов, одновременно являющихся и фоносемантическими законами. Эти законы установлены нами в результате рассмотрения обширного эмпирического материала и в ходе построения теоретических основ ФС как научной дисциплины, имеющей своим предметом звукоизобразительную систему языка в пантопохронии.

Закон соответствия

З а к о н с о о т в е т с т в и я: языковой знак находится в определенном соответствии с обозначаемым объектом.

Модальность отображения имеет характер соответствия (а не тождества) уже в силу различия между физической природой отображаемого и отображающего. Этот наиболее общий и наиболее фундаментальный закон становления языкового знака и ЗИС непосредственно вытекает из сущности отражения, из того факта, что языковой знак есть отражательная категория — одна из манифестаций формы (материальной стороны) отражения как философской категории (см. § 4). Будучи "переходной ступенью" от сферы философской к сфере лингвосемиотической и фоносемантической и имея в высшей степени генерализованный характер, этот закон нуждается в спецификации. Такую спецификацию мы получаем, сформулировав следующий лингвосемиотический и фоносемантический закон.

Закон гомоморфности

З а к о н г о м о м о р ф н о с т и: языковой знак находится в гомоморфном соответствии с обозначаемым объектом.
Возможна и такая формулировка: слово гомоморфно денотату.

Здесь необходимы пояснения. Прежде всего следует подчеркнуть, что речь идет не только о значении, содержании (об идеальной, образной стороне) слова (что тривиально и общеизвестно), но и о форме (о материальной, знаковой стороне) слова (что не тривиально и не общеизвестно) и, тем самым, о слове (знаковом комплексе) в целом. Далее — о самом понятии гомоморфизма. Мы имеем в виду гомоморфизм, трактуемый как одно-многочленное соответствие — такое соответствие, при котором разным элементам второго множества соответствует только один элемент первого множества.⁹ Отражающее никогда не повторяет отражаемого в каждой детали; отражающее есть всегда лишь приближение к отражаемому, аппроксимация; модель всегда беднее оригинала (а знак, как и образ, в определенном смысле — всегда модель отражаемого объекта). Поэтому речь здесь может идти не об изоморфном (одно-однозначном) соответствии, а лишь о соответствии гомоморфном (одно-многочленном). С точки зрения системного подхода отражение может рассматриваться как преобразование одной системы (и, следовательно, структуры) в другую. Это преобразование являет собою функциональную зависимость, в которой соответствие между функцией и аргументом имеет, в частности, вид гомоморфного (одно-многочленного) соответствия. Такой подход, по нашему мнению, позволяет рассматривать знак вообще как функцию объекта, а языковой знак — как функцию денотата (объекта денотата). Именно в силу гомоморфного характера представления объектов с помощью знаковых систем "знак оказывается материальной формой выражения мысленных и чувственных образов, в которых осуществляется отражение материального мира в сознании человека" [191, с. 180]. Значение гомоморфного характера соответствия между знаком и объектом по достоинству в литературе еще не оценано. Между тем характерная для гомоморфности нежесткость, гибкость, подвижность связи (между отражающим и отражаемым, между знаком и объектом) лежит (помимо прочего) в

⁹ О гомоморфизме, понимаем именно как одно-многочленное соответствие, см. например [130, с. 28-29]; ср. также [64, с. 399].

основе относительной автономности знака от объекта-денотата и плана выражения слова (знакового комплекса) – от плана содержания – автономности, в конечном счете приводящей к великой иллюзии принципиальной "произвольности" языкового знака. Принцип произвольности, таким образом, противоречит закону гомоморфности.

Закон множественности номинации

Номинация имеет сложный неоднозначный характер, что может быть продемонстрировано на примере формулируемого здесь закона множественности номинации.

Возможны по крайней мере две формулировки закона множественности номинации. Первая формулировка: Один и тот же объект (денотат) может быть обозначен ("замещен", репрезентирован) более чем одним знаком, и один и тот же знак может обозначать ("замещать", репрезентировать) более чем один объект (денотат). Вторая формулировка: Между объектом – денотатом и знаковым комплексом (словом) в номинации существует много-многозначное соответствие (много-многозначная связь), поскольку в основу названия одного и того же объекта-денотата могут быть положены разные признаки, и один и тот же признак может быть положен в основу названия разных объектов-денотатов.

При этом, говоря о признаках, мы имеем в виду – и это следует подчеркнуть – не только, так сказать, "встроенные", внутреннее присущие объекту признаки, но и признаки, формально "внешние" по отношению к нему, но необходимо с ним связанные – типа сопровождающих эмоции кинем – "выразительных движений" (часто полагаемых в основу наименования эмоций). Закон множественности номинации органически связан с рассмотренным выше законом гомоморфности, но трактует он более сложный феномен, по существу представляющий собой "двойную", "двустороннюю" гомоморфность (исследователя здесь интересует не просто одностороннее отражение, а двойное соотношение "объект – знак", "знак – объект"). Этот в высшей степени сложный "множественный" характер номинации вкупе с такими факторами, как двуступичность отражения в знаке, принадлежность знака к так назы-

превращенным формам и относительная денатурализация знака (ослабление примарной мотивированности) в процессе эволюции, порождает иллюзию абсолютной произвольности знака, конвенционалистскую трактовку сущности знака (ср. [131, с. 123]). Сторонники принципа "произвольности" языкового знака неправомочно связывают множественность номинации исключительно с "произвольностью"; между тем понятие множественности номинации само по себе еще ничего не говорит о произвольности/непроизвольности знака (как секундарная, так и примарная номинация "множественны"). И здесь мы приходим к необходимости решительно выступить против одного чрезвычайно распространенного заблуждения сторонников принципа "произвольности" языкового знака — против того, что можно назвать мифом одно-однозначной связи. В качестве наиболее "убийственных" аргументов против связи между звуком и значением в слове, против принципиальной мотивированности языкового знака чаще всего приводят следующие: существование в языке синонимов и омонимов; неодинаковость фонетического облика звукоизобразительных слов по различным языкам мира; само существование различных языков. Некоторые характерные моменты такой аргументации могут быть проиллюстрированы весьма показательными высказываниями Г. Хердана, А.В. Вострикова и В.И. Абаева. "Самое важное с точки зрения математической лингвистики — это независимость звука от значения, подчеркивавшаяся де Соссюром. ... Я называю это Аксиомой I ... Если бы это не было так, то одно и то же понятие не могло бы выражаться на разных языках и разными словами" [298, с. 9]. "... если бы слова действительно вытекали из природы и свойств вещей, то тогда все названия вещей и все понятия о них в разных языках были бы одинаковыми и в таком случае не было бы необходимости в существовании множества различных языков" [58, с. 178]. "Точка зрения *ψυγας* полностью опровергается тем простым фактом, что один и тот же предмет в разных языках называется разными звуковыми символами. Это было бы невозможно, если бы природа вещи допускала для нее только одно "правильное" наименование" [6, с. 79]. Нетрудно заметить, что приведенные аргументы при кажущейся разнохарактерности имеют одну принципиаль-

но общую черту: все они основываются на некоем *quid pro quo*, на подмене общего, широкого понятия "связь" (между звуком и значением) частным, узким понятием "однозначная связь". "Однозначная связь" в указанных трактовках молчаливо предполагается единственно возможным средством манифестации примарной мотивированности. Получается так, что, справедливо выступая против пресловутой "однозначной связи", отрицают саму возможность примарной мотивированности, т.е. выплескивают с водой и ребенка. Уже поэтому приведенные выше аргументы во многом теряют свою доказательную (или опровергательную?) силу. Приписав (без всяких на то оснований) современным сторонникам принципа мотивированности знака наивный тезис об "однозначной связи", сторонники принципа "произвольности" успешно с этим тезисом борются и, разумеется, успешно его опровергают. "Однозначной связи" действительно не существует. Это не дает, однако, оснований вообще отрицать принципиальную отириродную связь между планом выражения и планом содержания. Использование наглядных образов (имеющих опору в чувственном опыте человека) является, как известно, одним из эвристических принципов человеческого сознания. Специфика восприятия (имеющего непосредственное отношение к чувственному опыту) такова, что в проблемной ситуации встречи с неизвестным объектом происходит "оличение" его образа с хранящимися в памяти индивида образами ранее известных объектов, и человек стремится выделить в нем признаки, сближающие этот объект с уже известными, освоенными сознанием, "зарегистрированными" под тем или иным названием объектами. Уже здесь видна тесная связь восприятия с названием, перцептивной деятельности с деятельностью знакотворческой. Определение названия, данное Л. Фейербахом (и отмеченное В.И. Лениным), как известно, гласит: название есть "отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности" (см. [4, с.

74]).¹⁰ Много-многозначность соответствия между знаком и объектом (предметом, денотатом) при номинации проистекает, с одной стороны, из множественности признаков (свойств, качеств, характеристик) у данного объекта и, с другой - из множественности объектов (в том числе и самых разнородных), у каковых может наличествовать данный признак.¹¹ Самые различные признаки объекта могут быть положены в основу номинации одного и того же объекта, и самые различные объекты могут быть названы по одному и тому же признаку.¹² Какие признаки мы имеем в виду? Во-первых, это может быть признак, еще не получивший обозначения в языке, не имевший в нем субститута в виде языкового знака ("неозначенный" признак). Во-вторых, это может быть признак, уже получивший обозначение в языке, имевший субститут в виде языкового знака ("означенный" признак). В первом случае речь пойдет о примарной (звукоизобразительной) номинации, во втором - о секундарной (описательной - семантической либо морфологической номинации). Во втором случае картина относительно проста: "неозначенный объект" называется по "означенному" признаку, и номинация обходится своими внутренними,

¹⁰ Фейербаховское определение очень хорошо подчеркивает и сущность (языкового) знака (тот факт, что он выступает в качестве субститута, представителя объекта), его отражательный характер и, по существу, его гомоморфность объекту. Это определение, однако, оставляет в тени основное предназначение знака - его коммуникативную предназначенность (знак творится не "для себя", а "для других").

¹¹ Последнее хорошо видно на примере "мимической синонимии": сходны (а подчас и идентичны) кинемы, сопровождающие такие разные сенсорно-эмоциональные состояния, как крайняя степень удовлетворения и страдания, отвращение к запаху и пренебрежение и т.д. Ср. также [390, с.12].

¹² Так, малый размер может символизироваться мягкостью, глухостью, фрикативностью, латеральностью (у согласных), верхним подъемом, передним рядом (у гласных) [143, с. 60]. Один и тот же дентальный носовой сонорный может отражать резонаторный тоновой неудар (в ономотапах), участие мышц, окружающих нос (в кинесемизмах), участие зубов вкупе с носовой полостью (также в кинесемизмах) - и т.д.

чисто языковыми ресурсами в виде "готовых" знаков (соответствующим образом первосмысляя либо комбинируя их). В первом случае картина намного сложнее: "неозначенный" объект называется по "неозначенному" же признаку; поскольку в распоряжении номинации нет "готовых" знаков, знаки по необходимости создаются ad hoc. В соответствии с законом гомоморфности языковой знак оказывается гомоморфным обозначаемому объекту; он "моделирует" объект; при этом моделирование чаще всего идет лишь по одному какому-либо признаку, перцептивно выступающему как доминанта. Исследование звукоизобразительной системы языка в пантопхронии приводит нас к выводу о "многозначности" (многофункциональности) звука и "многоформности" значения (последнее — в смысле множественности формальных, материальных средств передачи значения). Поэтому следует говорить о том, что в номинации существует много-многозначное соответствие (отношение), много-многозначная связь между звуком и значением, между знаковым комплексом и денотатом, между знаком и объектом. Это — связь необходимая, существенная, устойчивая, повторяющаяся, и потому эта связь есть закон. Закон множественности номинации, выведенный нами индуктивно, на основе анализа типичных (много-многозначных) корреляций между звуком и значением, может быть также дедуцирован из предложенного С. Карцевским (в 1929 г.) принципа "асимметричного дуализма" языкового знака. Последний, быть может, точнее было бы сформулировать как "множественный динамический дуализм": "динамический", ибо получающаяся при "смещении" обеих составляющих знака асимметрия — лишь внешнее, "графическое" проявление глубинного феномена изменчивости, подвижности, динамичности знака; "множественный", ибо, по С. Карцевскому, "обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак" [118, с. 90]. В предлагаемой здесь формулировке нашли бы эксплицитное выражение как динамика, так и статика принципа Карцевского, причем для последней были бы даны и интегрирующий признак (дуализм как целостность каждой из дуальных составляющих знака), и признак дифференцирующий (множественность каждой из этих составляющих).

Закон стадиальности

формулируем этот закон следующим образом: с точки зрения связи между звуком и значением языковой знак и язык в целом развиваются стадиально.

Новейшие исследования в русле "протолингвистики" [412], онтогенеза речи и теории примарной мотивированности языкового знака [411] (см. также [74; 76; 245]) свидетельствуют о справедливости этого закона.

Для прошлых состояний и настоящего состояния языка следует, по-видимому, говорить о таких стадиях: в генезисе — натуральная стадия (стадия натурального, примарно мотивированного, изобразительного знака); в диахронии — стадии квазинатуральная и натурально-конвенциональная; в современной синхронии — конвенционально-натуральная.

Закон относительной денатурализации

Возникнув как примарно-мотивированная (изобразительная) сущность, языковой знак на натуральной стадии развивается в пределах данного качества, пока система языка в основном не исчерпает (на данном витке) возможности развития в рамках ЗИ. Наступают стадии квазинатуральная, натурально-конвенциональная и конвенционально-натуральная.

Сформулируем закон относительной денатурализации (языкового знака): в процессе эволюции на стадиях квазинатуральной, натурально-конвенциональной и конвенционально-натуральной языковой знак подвергается относительной денатурализации.

Под относительной денатурализацией понимаем ослабление, "затемнение" изначальной примарной мотивированности языкового знака, ее частичную (не полную!) утрату.

Представляется оправданным выдвинуть гипотезу, согласно которой психофизиологической подосновой денатурализации знака служит процесс, условно называемый нами процессом "обратной вертикализации". Суть последнего явствует из установленного А.Р. Лурия и Л.С. Выготским [159, с. 129-130] закона иерархического строения корковых зон, входящих в состав второго

функционального блока мозга — блока приема, переработки и хранения информации. Иллюстрация этого закона — соотношение первичных, вторичных и третичных зон коры, осуществляющих все более сложные синтезы доходящей до человека информации. По А.Р. Лурии, отношения этих зон коры, однако, не остаются одинаковыми — они изменяются в процессе онтогенетического развития. У маленького ребенка для формирования успешной работы вторичных зон необходима сохранность первичных, которые являются их основой, а для формирования работы третичных зон — достаточная сформированность вторичных зон коры, обеспечивающих нужный материал для создания больших познавательных синтезов. Поэтому нарушение низших зон соответствующих типов коры в раннем возрасте приводит к недоразвитию более высоких, и (как это формулировал Л.С. Выготский) основная линия взаимодействия зон направлена "снизу вверх". Наоборот, у взрослого человека, с его полностью сложившимися высшими психическими функциями, ведущее место переходит к высшим зонам коры. Наиболее высокие (третичные) зоны начинают управлять работой подчиненных им вторичных зон, а при поражении последних оказывают на их работу компенсирующее влияние: на позднем этапе онтогенетической эволюции основная линия взаимодействия зон направлена "сверху вниз", и в работе коры головного мозга взрослого человека обнаруживается не столько зависимость высших зон от низших, сколько обратная зависимость низших (модально-специфических) зон от высших [159, с. 129-130].

Важно отметить, что процесс денатурализации знака не означает его демотивации. Происходит преимущественная утрата примарной мотивированности, но не мотивированности вообще; примарная мотивированность в значительной мере замещается, вытесняется секундарной мотивированностью.

Исходя из законов стадийности и относительной денатурализации, предложим два постулата. П о с т у л а т п е р - в ы й: за стадией конвенционально-натуральной следует стадия натурально-конвенциональная (на новом витке спирали развития). Свидетельства обоснованности такого постулата см. ниже, § 26. П о с т у л а т в т о р о й: стадия конвенциональная (т.е.

стадия абсолютной, полной конвенциональности, произвольности языкового знака) невозможна. Стадия конвенциональная невозможна, пока существует экспрессивная речь, пока существует художественная литература (особенно поэзия), пока существует культура вообще.

Закон доминантности изоморфизма

Дадим следующую формулировку этого закона: в звукоизобразительных системах любых двух языков мира изоморфические черты доминируют над чертами алломорфическими.

Из этого закона выводим с л е д с т в и е: в звукоизобразительной лексике любых двух языков мира изоморфические черты доминируют над чертами алломорфическими. При этом имеется в виду изоморфизм не в терминах фонем, а в терминах фонемотипов и признакотипов (т.е. типов акустических или/и артикуляторных признаков фонем).

Закон кросс-уровневой контактности

Данный закон формулируем следующим образом: единицы разных уровней звукоизобразительной системы могут (в отличие от единиц разных уровней незвукоизобразительной системы) образовывать единый класс.

Подобные классы были отмечены нами выше (§ 17, 18).

Закон звукоизобразительной инерции

Э. Сепиром установлено, что общая фонологическая модель языка, т.е. система взаимопротивопоставленных в языке звуков, сохраняется дольше, чем фонетическое качество этих звуков, т.е. звуки меняются, но противопоставленность их другим звукам остается [373, с. 42]. Это же верно и для других моделей языка [230, с. 25]. Е.А. Гурджиева, говоря, в частности, о /л/ < /а/ в английском, отмечает: "... мы обнаруживаем здесь своего рода "этимологическую" инерцию: звуки, утратившие артикуляцию /л/, продолжают сохранять экспрессивность" [83, с.

14]. Мы предпочитаем говорить здесь о звукоизобразительной (этимологической) инерции.

Одна из возможных формулировок закона такова: звукоизобразительная функция фонемы сохраняется в диахронии дольше, чем фонетическое качество фонемы.

Примеры действия закона: сохранение ЗИ-функции передачи округлости у английского /ʌ/ < /ʊ/ (см. § 14); сохранение ЗИ-функции передачи чистого диссонанса (дрожащего авучания) у /ɹ/ (невибрант) < /r/ (вибрант); см. [39].

Фоносемантические закономерности (фоносемантические универсалии)

Помимо рассмотренных выше законов ФС к настоящему времени представляется возможным сформулировать также около 200 более частных регулярностей. Эти регулярности, или закономерности, действующие в такой универсальной *par excellence* системе, каковой является звукоизобразительная система, суть универсалии. По мере расширения их состава эти универсалии со временем составят специальный раздел в рамках фоносемантической типологии – фоносемантическую универсологию. С. Ульман справедливо отмечал, что "мотивация в ее различных аспектах может подсказать ряд многообещающих направлений исследования, которые весьма вероятно приведут к установлению лингвистических универсалий" [402, с. 180]. Изучение фонетической (примарной) мотивации действительно приводит к установлению лингвистических универсалий – универсалий фоносемантических. Обычно считается, что закономерности в ЗИС представляют собой либо тенденции (притом, тенденции "слабые"), либо лишь статистические закономерности (например, [286, с. 179]; см. также [101, с. 98]; ср. [402, с. 290]). Во многом это так; и все же значительный массив фактов говорит в пользу весьма и весьма важной роли "стабильных" закономерностей – асолютных универсалий. Приведем примеры фоносемантических универсалий.

Абсолютные фоносемантические универсалии

Поскольку все абсолютные универсалии всеобщи, мы опускаем здесь квантор всеобщности $\forall$ ("во всяком языке ..."). В необходимых случаях приводим квантор существования $\exists$ ("существует, имеется, имеет место ..."):

ЗИ-слова образуют систему; между ЗИ-словом и его денотатом существуют закономерные соответствия; $\exists$ паралингвизмы; экспрессивное слово всегда звукоизобразительно; межъязыковой изоморфизм ЗИ-слов определяется экстралингвистическим фактором — гомоморфностью ЗИ-слов объекту-денотату; точность звукоизображения в окказиональных ЗИ-словах выше, чем в узальных; точность звукоизображения находится в обратной зависимости от сложности денотата; фонемы (звуки речи) обладают значением; значение фонем (звуков речи) есть фонетическое значение; изобразительная (фонетическая) мотивированность противопоставлена описательной; умножение звукового состава корня ЗИ-слова есть одно из средств интенсификации его значения; если известен мотивотип номинации, то предскажем минимум один фонемотип в составе ЗИ-слова; если известны элементы (психо)акустического строения звучания-денотата и общие особенности структурирования звукоподражательных слов в данном языке, то предсказуема модель данного звукоподражательного слова; минимум один фонемотип в ЗИ-слове имеет природу, идентичную природе денотата; число классов и гиперклассов звукоподражательных слов постоянно и равно пяти; фонемы ЗИ-слова полифункциональны; элемент строения денотата может отражаться в ЗИ-слове более чем одним способом; каноническая структура инстантов имеет вид

$$\frac{PLOS}{AFFR} + \check{VOC} (+ PLOS);$$

чисто шумовые континуанты содержат глухой фрикативный; стержневым компонентом ЗИ-слов класса фреквентативов служит R; частота появления лабиальных в обозначениях округлого значительно превышает вероятное ожидание; $\exists$ ЗИ-слова, значение которых возникло в результате синестетического метафорического

переноса; при сенсорно-эмоциональном синестемическом метафорическом переносе результирующее значение всегда идентично по знаку эмоции значению исходному.

Признаки ЭИС и звукоимволического слова также, по существу, — универсалии (о них см. § 23, 13).).

Относительные фоносемантические универсалии

Поскольку все относительные (статистические) универсалии (фреквенталии) — универсалии "вероятностные", мы опускаем здесь квантер вероятности λ ("в большинстве языков"): фреквентативы чисто шумовые квазиконтинуанты содержат R и глухой фриктивный; обозначения "большого" содержат открытый широкий интенсивный гласный; обозначения "малого" содержат закрытый узкий неинтенсивный гласный или палатальный согласный; обозначения "открытого", "широкого" содержат открытый широкий интенсивный гласный; обозначения "плоского" содержат открытый гласный; обозначения "скользящего", "гладкого" содержат плавный латеральный; обозначения "темного", "печального" содержат низкий (по тону) гласный; пейоративность связана с лабиальностью; итеративные аффиксы по своему происхождению звукоизобразительны.

Приведенные примеры — универсалии, касающиеся "образов", но не "диаграмм".¹³ "Диаграммные" фоносемантические универсалии еще ждут своего собирателя и исследователя.

§ 26. Эвристические возможности фоносемантики

Всякая научная дисциплина, всякая теория, если это действительно научная дисциплина, действительно теория, обладает помимо экспланаторно-предикторных средств и возможностей также возможностями эвристическими. Эвристика имеет непосредст-

¹³ Об "образах" и "диаграммах" как о двух видах иконических знаков см. [360, с. 157-160]; ср. [101, с. 114].

венное отношение к творческому аспекту науки, к поиску нового (на основе разработанных в данной науке классификаций). Оставшимся на ряде ключевых моментов, имеющих отношение к нашей теме.

Фоносемантика и теория языкового знака. Продемонстрируем эвристические возможности фоносемантики, критически рассмотрев известную критику Э. Бенвенистом постулата Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака. Э. Бенвенист очерчивает границы сферы "произвольного" в понимании Ф. де Соссюра: Произвольность заключается в том, что какой-то один знак, а не другой, прилагается к данному, а не к другому элементу реального мира. В этом, и только в этом смысле допустимо говорить о случайности, и то, скорее, пожалуй, не для того, чтобы решить проблему, а чтобы наметить ее и временно обойти. Ибо эта проблема есть не что иное, как знаменитое "фюсей или тесей". Эта проблема — не что иное, как переведенная на язык лингвистики философская проблема соответствия разума действительности. Лингвист, возможно, в один прекрасный день сможет с пользой ею заняться, но пока ее лучше оставить. Полагать отношение произвольным — это для лингвиста способ уйти от данного вопроса, а также и от того решения, к которому инстинктивно приходит сам говорящий [24, с. 93]. Э. Бенвенист справедливо указывает, что у Ф. де Соссюра в рассуждение вкрадывается ошибка по причине бессознательного и наивного обращения к третьему термину, который не содержался в исходном определении; этот третий термин — сам предмет, реальность [24, с. 94]. Э. Бенвенист блестяще доказал, что во "внутрисловном" плане знак отнюдь не произволен; в отношении же "внешнего" плана — связи между знаком и обозначаемым предметом — мы находим у Э. Бенвениста существенное противоречие. С одной стороны, он утверждает, что "полагать отношение произвольным — это для лингвиста способ уйти от решения данного вопроса" (вопроса о произвольности знака) и сам же предлагает "пока ... оставить" проблему (стр. 93). С другой — он говорит о произвольности знака в

смысле произвольности его отношения к обозначаемому предмету, как о чем-то само собой разумеющемся (стр. 94). У Э. Бенвениста, таким образом, получается двойное противоречие: сначала доказательство того, что должно быть доказано, предлагается обойти или, по крайней мере, отложить; затем то, что еще должно быть доказано, дается как уже доказанное и о нем говорится как о чем-то само собой разумеющемся. В свете изложенной в настоящей работе концепции фоносемантики нет нужды "пока оставлять" проблему произвольности/не-произвольности знака, — из всего предшествовавшего изложения следует вывод о принципиальной не-произвольности, мотивированности языкового знака. Тем самым в дереве вариантов эвристически отсекается неперспективная ветвь "произвольности".

Фоносемантика, фоносемантические универсалии и фоносемантическая типология. Сама ЗИС (объект ФС), как и ее законы и закономерности, есть универсалия. Фоносемантические универсалии мы выделяем в качестве самостоятельного вида лингвистических универсалий. Мы говорим также о фоносемантической типологии (типологии звукоизобразительных систем) как о самостоятельном разделе языковедческой науки. По существу, все предыдущее изложение было в значительной мере изложением и построением фоносемантической типологии. Последняя имеет целью выявить как изоморфизм ЗИ-событий различных уровней в языках мира, так и их алломорфизм. Важнейшей единицей ФС является, как это было установлено в ходе настоящего исследования, фонемотип. Но фонемотип выступает и в качестве основного инструмента изучения фоносемантической типологии. Фонемотип, как впрочем и целый ряд других категорий фоносемантической типологии, по своей сущности эвристичен, ибо он в неявной форме содержит вполне определенную программу исследования.

Фоносемантика и проблема происхождения языка. Наши замечания об эвристических возможностях фоносемантического фокусистического (на современном уровне) подхода к решению проблемы происхождения языка мы начнем с констатации того, что иной

подход - подход тесемистический - представляет собой тупиковую ветвь в филогенезе языковой теории. В самом деле, сторонники концепции произвольности знака не в состоянии дать сколько-нибудь убедительный ответ на фундаментальный вопрос о характере материала языка первобытного человека и о механизме образования связи между звуком и значением в глстогенезе (как правило, этот вопрос вообще обходится стороной либо подменяется вопросом об условиях происхождения языка, либо переводится из плоскости генезиса в плоскость эволюции). В противоположность этому фоносемантика (генетическая фоносемантика) позволяет дать ответ на этот вопрос, согласующийся с современными общеметодологическими идеями и современными данными онтогенеза, приматологии и нейрофизиологии и открывающий новые исследовательские перспективы. Эвристичность ФС состоит, в частности, в том, что штудии в рамках этимологической ФС позволяют найти путь к прояснению многочисленных этимологии, ранее считавшихся "трудными" и "темными". Показательно также, что "протолингвистический" материал приводит исследователей к идее интерпретации схождения (на значительной этимологической глубине) и в терминах фонем и в терминах субфонемных артикуляторных либо акстических признаков или же в терминах трансфонемных морфофонем (например, [412, с. 112]), - ср. наши понятия признакотипа и фонемотица. Рассмотрение ЗИС в генетическом аспекте заставляет сделать вывод о том, что истоки языка человека следует видеть не столько в фонической (звуковой), сколько в его кинетической (жестовой) форме. Эвристически это наводит на мысль о том, что ФС, как наука о связи между фонической формой и значением, следует соположить с тем, что можно назвать кинессемантикой - наукой о связи между кинетической формой и значением; обе же эти науки могут стать составными частями более "широкой" науки - лингвосигносемантики, как науки о связи между формой (фонической либо кинетической) и значением (содержанием) языкового знака. Сегодня еще практически нет условий для создания лингвосигносемантики. Но в ближайшем лингвистическом

завтра эти условия несомненно будут налицо. И тогда фоносемантика как самостоятельная языковедческая наука будет вынуждена отрицать себя во имя утверждения лингвосигносемантики.

Фоносемантика и интерлингвистика. Быше (гл. 8) мы говорили о "ретроспективной" лингвистической экстраполяции, обращенной "назад", в историю. Однако эвристические возможности ФС позволяют говорить (пусть пока в весьма ограниченном объеме и с оглядкой на "опасность" прогнозирования в лингвистике вообще) и об экстраполяции "проспективной", "обращенной вперед", в будущее. Мы имеем здесь в виду прежде всего возможность использования звукоизобразительности в интерлингвистике. Странно, но факт: такое признанно универсальное явление, как звуко-символизм (являющийся даже не относительной, а абсолютной универсалией, присущей всем без исключения языкам мира), как правило, никак не использовался в проектах международных вспомогательных языков. А.М. Газов-Гинзберг [61] был, по-видимому, первым, кто указал на возможность использования межъязыковой символики. Критикуя Э.П. Сवादоста [200], А.М. Газов-Гинзберг замечает, что в его книге не дается достаточно определенного ответа на вопрос о том, какие конкретно наиболее общие различным языкам элементы предлагается использовать при создании международного языка. А.М. Газов-Гинзберг предлагает использовать символические или звукоизобразительные элементы (как наиболее общие языкам земного шара), создав предварительно соответствующую экспериментальную модель. Идея такой экспериментальной модели чрезвычайно интересна. Научное обоснование и детальная разработка ее несомненно станут возможны в рамках ФС. Здесь необходимо, однако, ввести серьезное уточнение: фоносемантическая модель международного (вспомогательного) языка будущего, на наш взгляд, невозможна без включения в нее определенных наиболее распространенных интернациональных конвенциональных (незвукоизобразительных) элементов. Ныне обращается внимание на увеличивающуюся роль зрительных средств передачи и хранения информации в современном мире (телевидение,

ино, видеомагнитофонная техника): это - "средства, прямо об-
ращенные к правому полушарию мозга" [109, с. 115]. Ставится
вопрос о том, что человек может оказаться вынужденным снова
заменить звуковой язык на зрительный, как десятки тысяч лет до
этого зрительный язык сменился звуковым (человечество точно
так же не может остановить развития зрительных средств переда-
чи информации, как невозможно остановить ход научного позна-
ния). "Представляется возможным, что именно анализ особеннос-
тей правого полушария мозга может оказаться особенно важным
для исследования проблем связи с внеземными цивилизациями"
[109, с. 165]. Впрочем, эта тема - уже не "фоносемантика и ин-
терлингвистика", это, скорее, - "лингвосигносемантика и космо-
лингвистика".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проведенное нами исследование позволяет ввести в систему языковедческих дисциплин новую самостоятельную дисциплину.

Целью этой книги было изложение и обоснование важнейших положений фоносемантики — дисциплины, имеющей своим предметом звукоизобразительную систему языка в пантопохронии.

Здесь нельзя было ограничиться просто выработкой метаязыка науки — нужно было показать необходимость и неизбежность интродукции фоносемантики, конституировать ее как новую самостоятельную языковедческую дисциплину и разработать ее теоретические основы. Теоретическое изучение ЗИС не только позволяет реабилитировать проблематику ЗИ, долгое время считавшуюся недостойной внимания серьезных исследователей, но и заставляет совершенно по-новому взглянуть на языковую реальность, на природу и происхождение языкового знака и языка в целом.

Общенаучными предпосылками возникновения ФС служат два важнейших фактора, характеризующих науку новейшего времени в целом, — возникновение интегративных ("стыковых") наук и распространение системного подхода. Такое сложное образование, как ЗИС языка, являющаяся объектом ФС, не поддается адекватной интерпретации в рамках традиционных языковедческих дисциплин (фонетики, семантики, лексикологии); не поддается оно адекватной интерпретации и вне рамок системного подхода (системологии, общей теории систем). Логико-методологическими предпосылками возникновения ФС служат такие факторы, как (теоретическая) допустимость предмета ФС — ЗИС в пантопохронии, — его целесообразность и уникальность. Для утверждения фоносемантики как самостоятельной научной дисциплины к настоящему времени имеются и собственно-лингвистические предпосылки: в ряде моментов ФС объективно уже существует и "строит себя", и ее

предмет уже представляет собою в определенной степени развитый научный предмет. Возникновение ФС в свете рассмотренных внешних и внутренних предпосылок предстает как историческая необходимость. Чрезвычайно большое — и постоянно увеличивающееся — число фактов языка не укладывается в интерпретационную схему бросковского постулата произвольности знака. Возникает объективная необходимость создания обобщающей теории, способной в рамках новой интегративной науки эксплицировать "неудобные" для "старых" наук факты. Находящаяся *in statu nascendi* ФС утверждает себя на стыке фонетики, семантики и лексикологии. Целью ФС является изучение ЗИС языка на эмпирическом и теоретическом уровнях и построение общей теории этой системы, достаточно полно, последовательно и непротиворечиво объясняющей сложные явления и процессы ЗИ в пантопохронии и обладающей необходимыми предикторными и эвристическими возможностями. К принципам ФС мы относим принципы не-произвольности языкового знака, детерминизма, отражения, целостности, многоплановости (последний — с его следствиями).

Была рассмотрена ЗИС на эмпирическом уровне в типологическом плане, в аспектах синхроническом, генетическом и диахроническом (эволюционном), с учетом той важнейшей роли, которую играет экстралингвистический фактор (психофизиологическая основа звукоизобразительности). Были выработаны универсальные классификации, обладающие достаточными экспланаторно-предикторными и эвристическими возможностями.

Рассмотрение (в синхроническом аспекте) звукоподражательных слов (ономатопов) — их типологии и фонетического строения, а также отражения в них денотата и изобразительных функций фонемотипов в их составе, — приводит нас к следующим основным выводам. Звукоподражательные слова образуют подсистему в рамках звукоизобразительной системы языка. Предложенная в книге универсальная классификация этих слов позволяет установить, что в структурно-семантическом отношении подсистема распадается на три класса (инстанты, континуанты, фреквентативы) и два гиперкласса (инстанты-континуанты, фреквентативы квазиинстанты-континуанты). В английском (выбранном в качестве языка-эта-

дона) насчитывается 18 типов ономатопов, в башкирском - 15, в индонезийском - 13. Зная (психо)акустическое строение звучания-денотата, мы можем уверенно (в 90% случаев) предсказать фонетическое строение соответствующего ономатопа. Указанная предсказуемость действительна в терминах акустических строений фонемотипов и признакотипов (но не конкретных фонем). Практически все денотипы, все элементы (психо)акустического строения денотата (как качественные, так и количественные) находят отражение в (психо)акустическом и, следовательно, фонетическом строении соответствующих ономатопов.

В ономатопе широко действует принцип, который можно назвать принципом (психо)акустической гомогенности и который следует понимать в смысле прямой ЗИ-передачи элементов звучания элементами и, следовательно, фонемами, принадлежащими к тем же (психо)акустическим типам, что и сами элементы обозначаемого звучания. Наряду с прямой ЗИ-передачей элементов звучания мы имеем в ряде случаев аппроксимированную передачу. Правилom практически для всех фонемотипов (и, следовательно, фонем) ономатопа является выполнение ими тех или иных ЗИФ, в подавляющем большинстве случаев - ЗПФ. Между ономатопом и его денотатом наблюдаются вполне определенные закономерные соответствия, и онматоп представляет собой не хаотичный конгломерат, а стройный ансамбль элементов, манифестирующихся в составе фонем, практически каждая из которых изобразительно валентна. Функция онматопа в языке - отражение, обозначение звучания или сочетания звучаний; содержанием его, значением является, следовательно, обозначаемое звучание либо сочетание звучаний. Функция же фонемотипов онматопа, как правило, - отражение, обозначение элементов (психо)акустического строения звучания или сочетания звучаний; содержанием фонемотипов (и, следовательно, фонем) онматопа, их значением являются, следовательно, обозначаемые элементы (психо)акустического строения звучания либо сочетания звучаний (при этом монофункциональные фонемотипы однозначны, полифункциональные - многозначны). Таким образом, в структурно-семантическом плане корень онматопла не является неделимым. Как и любая морфема, корневая мор-

Фонема ономатопа представляет собою единицу плана выражения, регулярно воспроизводимую согласно моделям данного языка и непосредственно соотносимую с единицей плана содержания. Однако, в отличие от корневых морфем незвукоизобразительной лексики, корневая морфема акустического ономатопа не является минимальной единицей. В области звукоподражательной лексики минимальной единицей плана выражения, регулярно воспроизводимой согласно моделям данного языка и непосредственно соотносимой с единицей плана содержания, является акустический фонемотип. В этом смысле акустический фонемотип сходен с морфемой незвукоизобразительной лексики. В свете отмеченного выше, фонема в ономатопе предстает как минимальная единица плана выражения, относительно регулярно воспроизводимая согласно моделям данного языка и через посредство акустического фонемотипа соотносимая с единицей плана содержания. Таким образом, корень ономатопа (в отличие от корня лексем незвукоизобразительной лексики) фактически обладает сложной словообразовательной структурой. Словообразование ономатопов представляет собою частный случай - притом случай весьма специфический - моделированного словообразования.

Рассмотрению в синхроническом аспекте звукоимовительных слов дает возможность сделать следующие выводы. ЗС-слова образуют подсистему в рамках ЗИС языка. Системность их, однако, менее ярко выражена, чем системность ЗП-слов. Выделимы две крупные разновидности ЗС-слов - кинесемизмы и синестемизмы. Важной разновидностью кинесемизмов, исследованной достаточно полно, являются фоноинтракинесемизмы. Фоноинтракинесемизмы обозначают фоноинтракинемы. Последние представляют собою обозначения звуковых физиологических процессов в полостях носа, рта и горла. В структурно-семантическом отношении фоноинтракинесемизмы в английском (выбранном нами языке-эталоне) и в других языках подразделимы на три класса (обозначения носовых, ротовых и горловых процессов). Здесь можно выделить 36 типов. Тридцатью шестью типами практически исчерпывается все многообразие указанных звукоизображений в языке-эталоне. Зная основной артикуляторный состав фоноинтракинемы, мы можем до-

статочно уверенно предсказать основной фонетический состав соответствующего звукосимволического слова. Указанная предсказуемость действительна в терминах артикуляторных фонемотипов и признакотипов (но не отдельных фонем). Подавляющее большинство элементов основного артикуляторного состава денотата (как качественных, так и количественных) находит отражение в артикуляторном и, следовательно, фонетическом составе фоноинтракинсемизмов. В фоноинтракинсемизмах широко действует принцип, который можно назвать принципом артикуляторной гомогенности; последний следует понимать в смысле прямой звукоизобразительной передачи элементов процесса-денотата элементами (и, следовательно, фонемами) тех же артикуляторных типов. Наряду с прямой ЗИ-передачей мы имеем в целом ряде случаев аппроксимированную передачу. Аппроксимация в кинсемизмах (как и в звуко-символических образованиях вообще) играет весьма значительную роль — большую, нежели в звукоподражательной лексике (что связано со значительной сложностью, многосоставностью и, нередко, "многостадийностью" кинем). Для звукоизображения фонокинемы характерна артикуляторная мотивированность, хотя возможна также смешанная артикуляторно-акустическая мотивированность. Правильно для фонемотипов основного фонетического состава рассматриваемых звукосимволических слов является выполнение ими тех или иных изобразительных (звуко-символических) функций. Первые результаты изучения звуко-символизма в грамматике показывают ЗИ-природу ряда грамматических форм и формантов (таких, например, как итеративные RL-форманты). Текст, и особенно текст поэтический, дает многочисленные примеры действия звуко-символизма; пока здесь установлены лишь первые закономерности. Рассмотрение ЗИ-системы в генетическом и диахроническом (эволюционном) аспектах позволяет сделать следующие основные выводы. Для суждения о генезисе и эволюции ЗИ-системы важнейшее значение имеет лингвистическая экстраполяция. При рассмотрении проблемы происхождения (генезиса) языка необходимо четко разграничивать два круга вопросов: условия генезиса и собственно генезис. Вопреки господствующему мнению, звукоподражательная, междометная, жестовая теории не противоречат марксистской теории происхождения языка. Как общенаучные и философские соображения, так и

частнонаучные данные онтогенеза, приматологии, нейрофизиологии свидетельствуют в пользу изобразительного (по всей вероятности, жестового) происхождения языка. Таким образом, языковой знак на начальном этапе как филогенеза, так и онтогенеза отприродно (примарно) мотивирован, изобразителен. Изначальная естественная мотивированность слова может быть вскрыта в ходе специальных этимологических разысканий.

Была далее рассмотрена ЗИС на теоретическом уровне: были обсуждены основные категории ФС (также феноменология и онтология ЗИС, концепт, субстрат и структура этой системы), фоносемантические законы и закономерности (универсалии), эвристические возможности ФС.

Категориальная парадигма ФС как научной дисциплины включает в качестве наиболее общих, фундаментальных категорий категории "звукоизобразительная система" и "пантопохрония". Первая представляет собою частный случай категории "система" (вообще). Из предлагаемых онтологических определений ЗИС наиболее полное таково: звукоизобразительная система есть множество элементов разных уровней архисистемы языка, (а) обладающих системообразующим свойством, которое заключается в наличии закономерной фонетически (примарно) мотивированной связи между фонемами слова и мотивом номинации, и (б) упорядоченных по совокупности отношений строения (синтагматических, парадигматических, иерархических), функционирования, порождения, развития и преобразования. ЗИС включает две подсистемы — звукоподражательную (ономатопеическую) и звукосимволическую. Концептом (системообразующим свойством) рассматриваемой системы является звукоизобразительность. Субстратом является множество элементов семи разновидностей; эти элементы (в терминах абстракций II ступени) таковы: 1) Ф-признакотип (фонемный признакотип), 2) фонемотип, 3) морфемотип, 4) словотип (лексемотип, модель), 5) микротекстотип, 6) Д-признакотип (денотатный признакотип, или мотивотип), 7) денотип. Важнейшим инструментом исследователя при рассмотрении лингвистического яруса ЗИС и всей системы в целом выступает категория фонемотипа, при рассмотрении экстралингвистического яруса — категория Д-признакотипа, или

мотивотипа. Структура ЗИС представлена совокупностью внутрисистемных отношений строения, функционирования, порождения, развития и преобразования. Пантопохрония как категория ФС включает более частные категории пантопии и панхронии. Принципиальную роль в ФС играет генетическая ФС, рассматривающая генезис ЗИС и, в конечном счете, генезис языка человека.

Важное место в ФС занимают формулируемые по большей части впервые законы и универсальные закономерности этой дисциплины. Следует подчеркнуть, что языковой знак принципиально не-произволен, мотивирован. В своем генезисе (как в онтогенезе, так и в филогенезе) знак примарно мотивирован. Согласно закону стадильности, языковой знак (с точки зрения связи между звуком и значением в слове) и язык в целом развиваются стадильно. Согласно же устанавливаемому в работе закону относительной денатурализации, в процессе эволюции на стадиях квазинатуральной, натурально-конвенциональной и конвенционально-натуральной языковой знак подвергается относительной денатурализации. Под последней мы понимаем ослабление, "затемнение" изначальной примарной мотивированности знака, ее частичную (не полную!) утрату. Формулируемый в монографии закон множественности номинации помогает, как это представляется, глубже понять природу и характер первичной номинации: ¹ один и тот же объект (денотат) может быть обозначен ("замещен", репрезентирован) более чем одним знаком, и один и тот же знак может обозначать ("замещать", репрезентировать) более чем один объект (денотат). Согласно закону гомоморфности, языковой знак находится в гомоморфном (одно-многозначном) соответствии с обозначаемым объектом. Характерная для гомоморфности нежесткость, гибкость связи (между знаком и объектом) лежит (помимо прочего) в основе относительной автономности знака от объекта-денотата и плана вы-

¹ Понимание "множественного" характера номинации было, впрочем, не чуждо и древним: "Что же тут странного в том, наконец, если род человеков, / Голосом и языком одаренный, означил предметы / Разными звуками все, по различным своим ощущениям?" [157, у, 1056-1058].

ражения слова (знакового комплекса) от плана содержания; эта автономность приводит, в конечном счете, к великой иллюзии принципиальной "произвольности" языкового знака.

Как это показывается в работе, принцип произвольности языкового знака противоречит общепhilosophическим принципам всеобщей взаимосвязи, детерминизма, отражения; он в значительной мере противоречит ленинской теории отражения; он вступает также в противоречие с современными системологическими воззрениями. Состав парадоксов науки может быть пополнен — пополнен "парадоксом принципа произвольности".

В работе были также даны начала фоносемантической типологии и были приведены некоторые из 200 сформулированных к настоящему времени фоносемантических универсалий.²

Исследование звукоизобразительности в настоящее время уже вышло из младенческой стадии накопления и первичного осмысления фактов. Предложена общая теория звукоизобразительности — теория, являющаяся главной частью фоносемантики как новой лингвистической дисциплины. Перед фоносемасиологом открывается широкое поле деятельности; перед ним — целая гамма увлекательных проблем, решение любой из которых может дать немало для науки о языке. Чтобы идти дальше, необходимо сбросить взгляд на перспективы изучения звукоизобразительности, на перспективы развития фоносемантики. Эвристичность нашей дисциплины позволяет наметить программу дальнейшего поиска.

Программа дальнейших исследований, основная их проблематика в общих чертах представляется следующей: эмпирические системные исследования ЗИ в отдельных языках (по единой программе); проблемы психофизиологической основы ЗИ (включая дальнейшую разработку проблемы кинем и синестезии); фоносеман-

² Когда исследование уже было завершено, нам довелось ознакомиться с новой работой Р. Якобсона и Л. Во, в которой отмечается, что "мы стоим перед необходимостью разработки двух актуальных и важных проблем — проблемы звукоименической типологии языков и проблемы звукоименических универсалий ..." [311, с. 187].

тический анализ лексико-семантических групп в разных языках; вопросы экспрессивности, гиперакномальности, гипервариативности звукообразовательных слов; звукоимовизм в грамматике и в словосоразовании (дальнейшая разработка проблемы); звукоимовизм в художественном тексте (в поэзии и в прозе); проблемы фоностилистики; плоттогонические исследования с позиций фоносемантической теории изобразительного происхождения языка; исследование семантической филмации ЗИ-слов; разработка диалектной фоносемантики; создание типологической фоносемантики (фоносемантической типологии) и поиск новых фоносемантических универсалий, создание фоносемантической универсологии; разработка фоносемантической языковой модели для интерлингвистики; практические приложения фоносемантики (в "промышленной лингвистике", в лексикографической практике) и т.д., и т.д.

В заключение отметим, что в рамках одного исследования (тем более исследования, носящего начинательный характер) не было, естественно, возможности осветить все фундаментальные проблемы в равной мере. Более детальная разработка фоносемантики — дело будущего.

Фоносемантика делает еще только первые шаги. Но это, как представляется, — шаги в направлении окончательно сформировавшейся интегративной науки.

ЛИТЕРАТУРА

Исследования

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 3. 630 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20. 827 с.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18. 525 с.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29. 782 с.
5. Абаев В.И. Мимео-изобразительные слова в осетинском языке. - Тр. ИЯ АН СССР, 1956, т. 6, с. 409-427.
6. Абаев В.И. О термине "естественный язык". - ВЯ, 1976, № 4, с. 77-80.
7. Абрамян Л.А. Гносеологические проблемы теории знаков. Ереван, 1965. 255 с.
8. Аветян Э.Г. Природа лингвистического знака. Ереван, 1968. 223 с.
9. Аветян Э.Г. Смысл и значение. Ереван, 1979. 412 с.
10. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956. 218 с.
11. Андреев И.Д. Теория как форма организации научного знания. М., 1979. 303 с.
12. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973. 303 с.
13. Аствацатуров М.И. Соматические основы эмоций. - В кн.: Сб. избр. трудов М.И. Аствацатурова. Л., 1939, с. 320-327.
14. Ашмарин Н.И. Подражание в языках Среднего Поволжья. - Изв. Азерб. ун-та. Обществ. науки, 1925, т. 2-3, с. 143-157; т. 4-5, с. 75-99.

15. Ашмарин Н.И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928. 160 с.
16. Баженов Л.Б., Бирюков Б.В. Семиотика и некоторые аспекты проблемы языка и мышления. - В кн.: Язык и мышление. М., 1967, с. 249-257.
17. Баиндурашвили А.Г. Некоторые экспериментальные данные о психологической природе наименования. - Тр. Тбилисск. ун-та, 1966, т. 124, с. 102-124.
18. Баиндурашвили А.Г. Экспериментальные данные о психологической природе наименования и проблема языкового знака. - В кн.: Семинар по психолингвистике. Тезисы докл. и сообщен. М., 1966, с. 67-76.
19. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 416 с.
20. Балонзов Л.Я., Деглин В.Л. Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Л., 1976. 218 с.
21. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. М., 1952, т. II, ч. I. 411 с.
22. Беляева Т.М. Глагольное словообразование в древнеанглийском языке. - В кн.: Исследования по английской филологии. Л., 1965, вып. 3, с. 121-133.
23. Беляева Т.М. Глаголы с исходами -le и -er в английском языке. - Доклад на V Научной конференции филологич. ф-та Ленингр. ун-та, март 1977. (Хранится в Научн. б-ке им. М. Горького Ленингр. ун-та).
24. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 447 с.
25. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. 270 с.
26. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. 175 с.
27. Братусь И.Б. Акустические ономатопы в индонезийском языке: Канд. дис. Л., 1976. 128 с. (Хранится в Научн. б-ке им. М. Горького Ленингр. ун-та.)
28. Братусь И.Б., Воронин С.В. К проблеме типологии звукоизобразительных систем. - Вестн. Ленингр. ун-та, 1980, № 20, с. 90-95.

Б у о р и х Д.В. К проблеме изобразительной речи. — Учен. зап. Карело-финск. ун-та, 1948, т. 3, вып. I, ист. и филол. науки, с. 85-94.

Б у л а х о в с к и й Л.А. О некоторых явлениях эмоционально-аффективного происхождения в сербохорватской и словенской морфологии. — В кн.: Вопросы грамматики. М.; Л., 1960, с. 271-279.

1. Б э и А. Психология. М., 1902, т. I. 422 с.

2. В е л и ч к о в с к и й Б.М., З и н ч е н к о В.П., Л у р и я А.Р. Психология восприятия. М., 1973. 246 с.

3. В е с т е р м а н Д. Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках. — В кн.: Африканское языкознание. М., 1963, с. 94-113.

4. В е т р о в А.А. Образ и знак. — В кн.: Ленинская теория отражения и современная наука. София, 1973, т. I, с. 360-375.

5. В е т р о в А., Г о р с к и й Д., Р е з а н и к о в Л. Знак. — В кн.: Философская энциклопедия. М., 1962, т. 2, с. 177-178.

6. В и н о г р а д о в В.А. Методы типологии. — В кн.: Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. М., 1973, с. 224-256.

7. В л а д и м и р ц о в Б.Н. Сравнительная грамматика письменного монгольского языка и халхаского наречия. Л., 1929. 436 с.

8. В о р о н и н С.В. Ономатопы-диссонансы. — В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л., 1967, вып. I, с. 49-59.

9. В о р о н и н С.В. Некоторые замечания о звуке /г/ в английских ономотопах. — Там же, с. 60-65.

10. В о р о н и н С.В. К обоснованию объективной классификации ономотопов. — В кн.: Докл. республ. конф. по вопросам герм., романск. и классич. филологии. Вильнюс, 1968, с. 58-63.

11. В о р о н и н С.В. Английские ономотопы (Типы и строение): Канд. дис. Л., 1969, т. I, 414 с.; т. II. 168 с. (Хранится в Научн. б-ке им. М. Горького Ленингр. ун-та).

42. В о р о н и н С.В. О звукоизображениях кавитации. - В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л., 1969, вып. 2, с. 170-175.
43. В о р о н и н С.В. Словообразование и ономотопея. - В кн.: Исследования по английской филологии. Л., 1971, вып. 4, с. 36-42.
44. В о р о н и н С.В. Звукоизображения щелкающих и дентальных артикуляций и некоторые акустические ономотопы. - Там же, с. 42-52.
45. В о р о н и н С.В. Об одном случае звукового символизма. - В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л., 1973, вып. 3, с. 152-156.
46. В о р о н и н С.В. К истории и методологии изучения английской ономотопеи. - В кн.: Романское и германское языкознание. Минск, 1974, вып. 4, с. 88-96.
47. В о р о н и н С.В. Об особой разновидности акустических ономотопов. - В кн.: Романское и германское языкознание. Минск, 1976, вып. 6, с. 98-103.
48. В о р о н и н С.В. Английская ономотопея: некоторые итоги и перспективы изучения. - В кн.: Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976, с. 61-65.
49. В о р о н и н С.В. Английские тоновые континуанты и некоторые лингвистические универсалии. - Деп. от 22 II 1977. ИНИОН АН СССР, № 1200. 10 с.
50. В о р о н и н С.В. Дескриптивные праформы в Ностратическом этимологическом словаре (т. I) В.М. Иллич-Свитыча. - В кн.: Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". Тезисы докл. М., 1977, с. 69-70.
51. В о р о н и н С.В. Английские чисто шумовые континуанты и некоторые лингвистические универсалии. - В кн.: Исследования структуры английского языка. Ижевск, 1978, с. 38-46.
52. В о р о н и н С.В. Синестезия и звуко-символизм. - Тезисы VI Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теор. коммуникации. М., 1978, с. 40-41.
53. В о р о н и н С.В. Аномалии аномальной системы. (Инвариантно-функциональные элементы в звукоизобразительной лек-

- сике.) - В кн.: Системное описание лексики германских языков. Л., 1979, вып. 3, с. 63-69.
54. В о р о н и н С.В. Принцип "произвольности" языкового знака в свете ленинской теории отражения. I. Языковой знак как отражательная категория. - Вестн. Ленингр. ун-та, 1980, № 8, с. 89-92.
55. В о р о н и н С.В. Германские итеративные HL-форманты и звукоимовизм. (Звукоимовизм в грамматике.) - В кн.: Взаимодействие языковых структур в системе. Л., 1980, с. 125-131.
56. В о р о н и н С.В., Б р а т у с ь И.Б. Типология континуантов в индонезийском и английском языках. - Тезисы дискуссии "Типология как раздел языкознания". М., 1976, с. 48-51.
57. В о р о н и н С.В., Л а п к и н а Л.З. Типология тоновых инстантов-континуантов в английском и башкирском языках. - Деп. от 22 II 1977. ИНИОН АН СССР, № 1201. 13 с.
58. В о с т р и к о в А.В. Теория познания диалектического материализма. М., 1965. 382 с.
59. Г а з о в - Г и н з б е р г А.М. Роль звукоизобразительных истоков в образовании семитского запаса корней: Автореф. канд. дис. Л., 1963. 19 с.
60. Г а з о в - Г и н з б е р г А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. 183 с.
61. Г а з о в - Г и н з б е р г А.М. О возможном использовании межъязыковой символики. - В кн.: Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока. Кратк. содерж. докладов У годич. сессии ИС Ин-та востоковед. АН СССР. Л., 1969 (без paginaц.).
62. Г а з о в - Г и н з б е р г А.М. Символизм прасемитской флексии. М., 1974. 122 с.
63. Г а л е в Б.М. Светомузыка: становление и сущность нового искусства. Казань, 1976. 272 с.
64. Г а с т ь ю.А. Модель. - БСЭ, 3-е изд. М., 1974, т. XVI, с. 399-400.
65. Г е з е н и у с В. Еврейская грамматика. СПб., 1874. 600 с.

66. Геллерштейн С.Г. Примечания к "Выражению эмоций у человека и животных". - В кн.: Дарвин Ч. Соч. в 9-ти т. М., 1953, т. 5, с. 659-680.
67. Германович А.И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка: Автореф. докт. дис. Симферополь, 1961. 59 с.
68. Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972. 274 с.
69. Гершуни Г.В. Звуковая среда и организация функции слуховой системы. - Журн. эволюцион. биохимии и физиол., 1973, № 4, с. 406-415.
70. Гершуни Г.В., Богданов Б.В., Вакарчук О.Ю., Мальцев В.П., Черниговская Т.В. Распознавание человеком разных типов звуковых сигналов, издаваемых обезьянами (*sebus carusinus*). - Физиология человека, 1976, № 3, с. 407-418.
71. Глухарева Е.А. Звукоподражательные глаголы с диссонантным денотатом (семантические особенности). - В кн.: Глагол в германских языках. Тула, 1976, с. 77-94.
72. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М., 1977. 311 с.
73. Головин Б.Н. Язык. - В кн.: Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1979. с. 7-292.
74. Горелов И.Н. О возможной примарной мотивированности языкового знака. - Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969, с. 17-20.
75. Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974. 116 с.
76. Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи: Автореф. докт. дис. М., 1977. 50 с.
77. Горелов И.Н. Авербальные "следы" в тексте. - В кн.: Виды и функции речевой деятельности. М., 1977, с. 166-204.
78. Горелов И.Н. Парадигматика и синтагматика как возможные показатели динамики семантических отношений в раннем онтогенезе речи. - В кн.: Психолингвистические исследования. М., 1978, с. 67-72.

79. Г о р е л о в И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980. 104 с.
80. Г о р с к и й Д.П., У е м о в А.И. [Предисловие] - В кн.: Системный анализ и научное знание. М., 1978, с. 3-6.
81. Г о р ц е в с к а я В.А. Изобразительные слова в эвенкийском и маньчжурском языках. - В кн.: Туркологические исследования. М.; Л., 1963, с. 177-189.
82. Г р у ш и н Б.А. Процесс обнаружения противоречия объекта. - Вopr. философии, 1960, № 1, с. 91-103.
83. Г у р д ж и е в а Е.А. Элементарный звуковой символизм: Автореф. канд. дис. М., 1973. 31 с.
84. Г у х м а н М.М. Примечания. - В кн.: П р о к о ш Э. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, с. 329-376.
85. Г у х м а н М.М. Глагол в германских языках. - В кн.: Сравнительная грамматика германских языков. М., 1966, т. 4, с. 124-434.
86. Д а р в и н Ч. Выражение эмоций у человека и животного. - Соч. в 9-ти т. М., 1953, т. 5, с. 657-920.
87. Д е г л и н В.Л. Нейрофизиологические механизмы познавательной деятельности человека. - В кн.: Поведение и мозг. М., 1978, с. 34-56.
88. Д е р я б и н В.С. Чувства, влечения, эмоции. Л., 1974. 258 с.
89. Д е с н и ц к а я А.В. О лингвистической теории Августа Шлейхера. - ВЯ, 1971, № 6, с. 3-15.
90. Д м и т р и е в Н.К. К изучению тюркской мимологии. - В кн.: Д м и т р и е в Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 59-84.
91. Д м и т р и е в Н.К. Очерк южнотюркской мимологии. - Там же, с. 85-108.
92. Д о б р о в о л ь с к и й В.Н. Звукоподражания в народном языке и в народной поэзии. - Этнографич. обозрен., 1894, т. 22, № 3, с. 81-96.
93. Д у б и н с к а я Е.А., В о р о н и н С.В. К символизму лабиальных. - В кн.: Функциональные особенности лингвистических единиц. Краснодар, 1979, с. 113-119.

94. Б л о в к о в Д.И. Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии. Л., 1977. 151 с.
95. Ж и в о в Е.М., У с п е н с к и й Б.А. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий. - *Вопр. языкознания*, 1973, № 5, с. 24-35.
96. Ж и н к и н Н.И. Механизмы речи. М., 1958. 370 с.
97. Ж у р а в л е в А.П. О мотивированности признаковой семантики слова. - В кн.: Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969, с. 64-68.
98. Ж у р а в л е в А.П. Фонетическое значение. Л., 1974. 160 с.
99. Ж у р а в л е в В.К. Введение в диахроническую морфологию. - *Балканско языкознание*, 1976, № 2, с. 49-71; № 3, с. 23-47.
100. Ж у р и н с к и й А.Н. Некоторые сопоставления "периферийных" классов языковых знаков. - В кн.: Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971, с. 240-256.
101. Ж у р и н с к и й А.Н. Звуковой символизм в языке: некоторые подходы и принципы описания. - В кн.: Проблемы африканского языкознания. М., 1972, с. 95-124.
102. Ж у р к о в с к и й Б.В. Идеофоны: сопоставительный анализ. М., 1968. 65 с.
103. Ж у р к о в с к и й Б.В. Звуковая символика в идеофонах. - В кн.: Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969, с. 54-55.
104. Ж у р к о в с к и й Б.В. Идеофоны в языке хауса. - В кн.: Вопросы африканской филологии. М., 1974, с. 124-132.
105. Ж у р к о в с к и й Б.В. Предварительное описание идеофонов в языке алур. - В кн.: Младописьменные языки Африки. Вопросы фонологии и грамматики. М., 1977, с. 14-27.
106. З в е г и н ц е в В.А. Структурализм в лингвистике. - В кн.: Системный анализ и научное знание. М., 1978, с. 172-186.
107. З и н д е р Л.Р. Общая фонетика. М., 1979. 312 с.
108. И в а н о в Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. 303 с.

109. И в а н о в Вяч. Вс. Чет и нечет. М., 1978. 185 с.
110. И в а н о в С.Н. Курс турецкой грамматики, ч. I. Л., 1975. 91 с.
111. И с х а к о в А.И. О подражательных словах в казахском языке. - В кн.: Тюркологич. со. М.; Л., 1951, т. I, с. 103-111.
112. И ш м у х а м е т о в З.К. Звукоподражательные слова башкирского языка: Автореф. канд. дис. Уфа, 1970. 21 с.
113. К а з а к е в и ч О.А. Односложные звукоподражательные идеофоны зулу. - В кн.: Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975, с. 39-53.
114. К а з а к е в и ч О.А. Изобразительная лексика самодийских языков. - Ин-т востоковед. АН СССР. Тезисы конф. аспирантов и молодых сотрудников. Литературоведение, текстология, лингвистика. М., 1975, с. 111-113.
115. К а з а к е в и ч О.А. О связи между структурой звукоподражательных идеофонов зулу и передаваемых ими звучаний. - В кн.: Восточное языкознание. М., 1976, с. 11-13.
116. К а п а н а д з е Л.А., К р а с и л ь н и к о в а Е.В. Жест в разговорной речи. - В кн.: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 469-481.
117. К а р п у х и н С.А. Звукоподражательные слова в русском языке: Автореф. канд. дис. Саратов, 1979, 19 с.
118. К а р ц е в с к и й С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. - В кн.: З в е г и н ц е в В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965, с. 85-90.
119. К а т е м б а е в а Б.Ш. Подражательные слова в казахском языке: Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1965. 23 с.
120. К и л е Н.Б. Образные слова нанайского языка. Л., 1973. 188 с.
121. К л и м о в Г.А., Х а й д а к о в С.М., Ш а г и - р о в А.К. Лексические общности. - В кн.: Структурные общности кавказских языков. М., 1978, с. 7-35.
122. К о д з а с о в С.В. Две заметки о звуковом символизме. - В кн.: Исследования по структур. и прикладн. лингвистике. М., 1975, с. 63-70.

- I23. К о д у х о в В.И. Введение в языкознание. М., 1979. 351 с.
- I24. К о л ш а н с к и й Г.В. Логика и структура языка. М., 1965. 240 с.
- I25. К о л ш а н с к и й Г.В. Паралингвистика. М., 1974. 80 с.
- I26. К о л ь ц о в а М.М. Развитие сигнальных систем действительности у детей. Л., 1980. 164 с.
- I27. К о н о н о в А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. 569 с.
- I28. К о н р а д Н.И. Фрагмент японской поэтики. - Восточные записки, 1927, т. I, с. 319-326.
- I29. К о р д и В.В. Значение, образование и употребление междометий во французском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1965. 19 с.
- I30. К о р ш у м о в А.М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979. 216 с.
- I31. К о р ш у м о в А.М., М а н т а т о в В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974. 214 с.
- I32. К о с о в В.Т. Междометия современного немецкого языка как особый разряд слов: Автореф. канд. дис. М., 1963, 30 с.
- I33. К р а в к о в С.В. Взаимодействие органов чувств. М.; Л., 1948. 128 с.
- I34. К р и в о щ е к о в а - Г а н т м а н А.С. Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка. - В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.; Л., 1964, с. 112-121.
- I35. К у д а й б е р г е н о в С. Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе, 1957. 108 с.
- I36. К у з н е ц М.Д., С к р е б н е в Ю.М. Стилистика английского языка. Л., 1960. 173 с.
- I37. К у м п ф Ф., О р у д ж е в В. Диалектическая логика. М., 1979. 286 с.
- I38. К у н г у р о в Р. Изобразительные слова в современном узбекском литературном языке: Автореф. канд. дис. Ташкент, 1962. 25 с.

139. Д а п к и н а Л.З. Английские и башкирские акустические ономатопы. (Опыт типологического исследования): Канд. дис. Л., 1979, 218 с. (Хранится в Научн. б-ке им. М. Горького Ленингр. ун-та.)
140. Д а п к и н а Л.З., В о р о н и н С.В. Структурные особенности одного типа английских звукоизобразений. (В сопоставлении с башкирскими) – В кн.: Структурно-семантические исследования на материале западноевропейских языков. Барнаул, 1979, с. 84-89.
141. Д е б л е Л.О. Стилистический анализ значимости буквенной формы в поэме Эдгара По "Колокола". – В кн.: Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976, с. 82-88.
142. Д е в и ц к и й В.В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973. 103 с.
143. Д е в и ц к и й В.В. Звуковой символизм в лингвистике и психолингвистике. – Филологические науки, 1975, № 4, с. 54-61.
144. Д е в и ц к и й В.В. Типологическое изучение смысловой структуры слова. – Вопросы семантики, Л., 1976, вып. 2, с. 3-12.
145. Д е й б н и ц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М., 1936. 484 с.
146. Д е н и н с к а я теория отражения и современность. Москва; София, 1969. 725 с.
147. Д е н и н с к а я теория отражения и современная наука. София, т. 1-3, 1973, т. 1. 526 с.; т. 2. 347 с.; т. 3. 370 с.
148. Л е о н т ъ е в А.А. Психолингвистика. Л., 1967. 118 с.
149. Л е о н т ъ е в А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969. 307 с.
150. Л е о н т ъ е в А.А. Проблема глоттогенеза в современной науке. – В кн.: Энгельс и языкознание. М., 1972, с. 135-157.
151. Л е о н т ъ е в А.А. Исследования детской речи. – В кн.: Основы теории речевой деятельности. М., 1974, с. 312-317.

152. Д е о н т ъ е в А.А. Психолингвистический аспект языкового значения. - В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 46-73.
153. Л о б и н В.И. Звуковая изобразительность - фикция или реальность? - В кн.: Зарубежное языкознание и литература. Алма-Ата. 1972, вып. 2, с. 20-26.
154. Л о м о н о с о в М.В. Краткое руководство к красноречию. - Соч. в 10-ти т. М.; Л., 1952, т. 7, с. 89-378.
155. Л о н г Свам. Очерки по лексикологии кхмерского языка. М., 1975. 142 с.
156. Л о т м а н Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972. 271 с.
157. Л у к р е ц и й. О природе вещей. М., 1958. 260 с.
158. Л у р и я А.Р. Ощущения и восприятие. М., 1975, ч. 2. 112 с.
159. Л у р и я А.Р. Функциональная организация мозга. - В кн.: Естественнонаучные основы психологии. М., 1978, с. 109-139.
160. Л у р ь в С.Я. Неизменяемые слова в функции сказуемого в индоевропейских языках. Львов, 1955. 71 с.
161. М а й т и н с к а я К.Е. Венгерский язык. М., 1955, ч. I; 304 с. 1959, ч. II, 226 с.; 1960, ч. III, 375 с.
162. М а к а е в Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970. 287 с.
163. М а к а е в Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977. 205 с.
164. М а м а р д а ш в и л и М.К. Форма превращения. - Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 386-389.
165. М а р т и н о в В.В. Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск, 1966. 147 с.
166. М а с л о в Ю.С. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? - В кн.: Язык и мышление. М., 1967, с. 284-294.
167. М е л ь н и к о в Г.П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной. - В кн.: Проблемы языкознания. М., 1967, с. 98-102.

138. М е л ь н и к о в Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978, 368 с.
139. М е л ь н и к о в Г.П. Орфонимия и мотивированность знака. - В кн.: Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976, с. 3-10.
140. М е т о д ы исследования шумов. М.; Л., 1933. 120 с.
141. М и х а й л о в с к а я Н.Г. Звукоподражания и повторы в детской поэзии. - В кн.: Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969, с. 74-76.
142. М о и с е е в А.И. Мотивированность слов. (Мотивированность сложных имен существительных со значением лица в русском языке.) - Учен. зап. Ленингр. ун-та. № 322, сер. филолог. наук, вып. 68, 1963, с. 121-136.
143. Н и к о л а е в а Т.М., У с п е н с к и й Б.А. Языкознание и паралингвистика. - Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966. с. 63-74.
144. Н и р о п К. Звук и его значение. - В кн.: Сборники по теории поэтического языка, Поэтика. Пг., 1916, вып. I, с. 61-71.
145. О р а н с к и й И.М. Индоиранские диалекты Гиссарской долины: Автореф. докт. дис. Л., 1967. 55 с.
146. П а в л о в В.М. К разработке психолингвистической теории знака. - В кн.: Семинар по психолингвистике. Тезисы докл. и сообщ. М., 1966, с. 63-67.
147. П а в л о в В.М. Проблема языка и мышления в трудах Вильгельма Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании. - В кн.: Язык и мышление. М., 1967, с. 152-161.
148. П а в л о в Т. Теория отражения. М., 1949. 521 с.
149. П а к Г.А. Изобразительные слова в корейском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1958. 15 с.
150. П а н о в М.В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. 256 с.
151. П а н ф и л о в В.З. Философские проблемы языкознания. М., 1977, 287 с.
152. П л е в и н а Н.Ф. О семантизации звуковой стороны художественного текста. - В кн.: Вопросы семантики. Л., 1976, вып. 2, с. 88-95.

183. П е л е в и н а Н.Ф. Языковая и внеязыковая мотивировка семантики языкового знака. - В кн.: Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976, с. 35-40.
184. П е р е л ь м у т е р И.А. Платон. - В кн.: История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980, с. 130-156.
185. П е т р о в а Т.И. Образные слова в нанайском языке. - Изв. АН СССР, отд. лит. и яз., 1948, т. 7, вып. 6, с. 527-536.
186. П о л и в а н о в Е.Д. По поводу звуковых "жестов" японского языка. - В кн.: Сборники по теории поэтического языка. Поэтика. Пг., 1916, вып. 1, с. 31-41.
187. П о л я к о в Г.И. Кора головного мозга человека. - В кн.: Естественнонаучные основы психологии. М., 1978, с. 55-75.
188. П о с т о в а л о в а В.И. Историческая фонология и ее основания. М., 1978. 202 с.
189. П у з ы р е в А.А. Синестезия. - БСЭ, 3-е изд. М., 1976, т. XVIII, с. 419.
190. Р а м с т е д т Г. Введение в алтайское языковедение. М., 1957. 254 с.
191. Р е з н и к о в Л. Знак и образ. - В кн.: Философская энциклопедия. М., 1962, т. 2, с. 180.
192. Р е з н и к о в Л.О. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964, 302 с.
193. Р е ф о р м а т с к и й А.А. Неканоничная фонетика. - В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966, с. 96-109.
194. Р о з е н г а р т - П у п к о Г.А. Формирование речи у детей раннего возраста. М., 1963. 96 с.
195. Р о з о в М.А. Абстракция. - БСЭ, 3-е изд. 1970, т. 1, с. 37-38.
196. Р у б и н ш т е й н С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. 704 с.
197. С а д о в с к и й В.Н. Основания общей теории систем. М., 1974. 279 с.

198. С а н ж е е в Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.; Л., 1953, т. I. 240 с.
199. С а п о г о в а Л.М. Некоторые вопросы теории звукоподражаний. - В кн.: Вопросы английской и французской филологии. Тула, 1972, с. 118-131.
200. С в а д о с т Э.П. Как возникнет всеобщий язык? М., 1968. 278 с.
201. С е г а л Д.М. Немотивированность знака. - В кн.: Тезисы докладов 2-й летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1966. с. 12-14.
202. С е г а л Д.М. Основы фонологической статистики. М., 1972. 255 с.
203. С е р е б р е н н и к о в Б.А. О ликвидации последствий культа личности Сталина в языкознании. - В кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964, с. 109-113.
204. С е р е б р е н н и к о в Б.А. К проблеме сущности языка. - В кн.: Общее языкознание. Формы существования, функций, история языка. М., 1970, с. 11-95.
205. С к а д и ч к а В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений. - В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 277-316.
206. С м а л ь - С т о ц ь к и й Р. Прimitивный словотвір. Варшава, 1929. 200 с.
207. С м и р н о в С.Н. Элементы философского содержания понятия "система" как ступени развития познания и общественной практики. - В кн.: Системный анализ и научное знание. М., 1978, с. 60-82.
208. С о к о л о в П.П. Факты и теория "цветного слуха". - Вопросы философии и психологии, 1897, № 37, с. 252-275; № 38: с. 387-412.
209. С о л н ц е в В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977. 341 с.
210. С о с с е р Ф. де. Курс общей лингвистики. - В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 31-273.
211. С п и р к и н А.Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления. - В кн.: Мышление и язык. М., 1957, с. 3-72.

238. Ч е р е в к о К.Е. Звуко- и образоподражательные наречия в современном японском языке. - Учен. зап. Московск. ин-та междунар. отношений. Сер. филолог., 1963, т. 2, с. 151-163.
239. Ч е р н ы ш е в В.А. Звукоподражательные глаголы хинди.- Индийская и иранская филология. М., 1964, с. 254-261.
240. Ч и с т о в и ч Л.А. Временные характеристики слуха: докт. дис. Л., 1958. 258 с.
241. Ш а г д а р о в Л.Ш. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962. 149 с.
242. Ш а х н а р о в и ч А.М. Проблемы мотивированности языкового знака в онтогенезе речи. - В кн.: Общая и прикладная психолингвистика. М., 1973, с. 81-87.
243. Ш а х н а р о в и ч А.М. К проблеме психолингвистического анализа детской речи: Автореф. канд. дис. М., 1974. 18 с.
244. Ш а х н а р о в и ч А.М. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе. - В кн.: С о р о - к и н Ю.А., Т а р а с о в Е.Ф., Ш а х н а р о - в и ч А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979, с. 148-233.
245. Ш а х н а р о в и ч А.М. Место семантического компонента в языковой способности. - В кн.: Семантика языковых единиц и текста. М., 1979, с. 5-18.
246. Ш т е р н А.С. Объективное изучение субъективных оценок звуков речи. - В кн.: Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967, с. II4-II7.
247. Ш т е р н А.С. Объективные критерии выявления эффекта "звуковой символики". - В кн.: Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969, с. 69-73.
248. Щ е р б а Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. 188 с.
249. Ю д а ш е в А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972. 416 с.
250. Я к о б с о н Р. Выступление на I Международном симпозиуме "Знак и система языка". - В кн.: З в е г и н -

- цев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. 3-е изд. М., 1965, ч. 2, с. 395-402.
251. Я к о б с о н Р. Итоги девятого конгресса лингвистов. - В кн.: Новое в лингвистике. М., 1965, вып. IV, с. 577-588.
252. Я к о б с о н Р. Лингвистика и поэтика. - В кн.: Структурализм: "за" и "против". М., 1975, с. 193-230.
253. A n i m a l sounds and communication. Washington, 1960. 443 p.
254. A r m s t r o n g E. A study of bird song. London, 1963. 335 p.
255. A r n o l d I. The English word. Moscow; Leningrad, 1966. 346 p.
256. A s t o n W. Japanese onomatopes and the origin of language. - J. Anthropol. Inst. Gr. Brit., 1894, vol. 23, p. 332-362.
257. B e n e d e t t i G. Psycho und Biologie. Stuttgart, 1975. 222 S.
258. B e r n a r d - T h i e r r y S. Les onomatopées en malgache. - Bull. soc. ling. Paris, 1960, vol. 55, p. 240-269.
259. B i t t n e r M. Die onomatopoetischen Verba des Türkischen. - Wiener Z. f. d. Kunde d. Morgenlandes, 1912, Bd. 26, S. 263-269.
260. B l o o m f i e l d L. Language. London, 1935. 566 p.
261. B o l l i n g e r D. Rhyme, assonance, and morpheme analysis. - Word, 1950, vol. 6, p. 117-136.
262. B o r a n i ć D. Onomatopoejske riječi za životinje u slavenskim jezicima. - Rad Jugoslav. Akad. znan. i umjet., 1909, kn. 178, razr. hist.-filolog., N 72, p. 1-86.
263. B r o w n R. Words and things. Glencoe, Ill., 1958. 398 p.
264. B r o w n R., N u t t a l l R. Method in phonetic symbolism experiments. - J. Abnorm. a. Soc. Psychol., 1959, vol. 59, N 3, p. 441-445.

265. B r u n i P. L'origine del linguaggio. Roma, 1958. 174 p.
266. B u h l e r K. Sprachtheorie. Jena, 1934. 434 p.
267. B u n a k V. Present state of the problem of the origin of speech and the early stages of its evolution. - Cahiers d'hist., 1959, vol. 5, N 2, p. 310-324.
268. B u y s s e n s E. Le structuralisme et l'arbitraire du signe. - Studii și cercetări lingvistice, 1960, vol. II, N 3, p. 403-416.
269. C a r r D. Homorganicity in Malay/Indonesian expressives and quasi-expressives. - Language, 1966, vol. 42, N 2, p. 370-377.
270. C a s a g r a n d e J. Comanche baby language. - In: Language in culture and society. New York, 1964, p. 245-250.
271. C h a r l e s t o n B. Studies on the emotional and affective means of expression in Modern English. - Schweizer Anglistische Arbeiten. Bern, 1960, N 46. 357 p.
272. C h a s t a i n g M. Le symbolisme de voyelles. - J. psych. norm. et pathol., 1958, vol. 55, N 3, p. 403-423; N 4, p. 461-481.
273. C h a s t a i n g M. La brillance des voyelles. - Arch. Ling. 1962, vol. 14, N 1, p. 1-13.
274. C o n g r e s s o internazionale dei linguisti; Terzo. Firenze, 1935. 449 p.
275. D a r w i n Ch. The expression of the emotions in man and animals. London, 1872. 394 p.
276. D i e g o V. de. Etimologías naturales. - Revista de dialectología y tradiciones populares, 1965, vol. 20, N 1/2, p. 3-39.
277. D i f f l o t h G. Expressives in Semai. - In: Oceanic linguistics spec. publ., N 13. Austroasiatic studies, pt. I. Honolulu, 1976, p. 249-264.
278. D o k e C. The southern Bantu languages. London, 1954. 262 p.
279. E r t e l S. Psychophonetik. (Untersuchungen über Lautsymbolik und Motivation). Göttingen, 1969. 230 S.

280. F a n t G. On the predictability of formant levels and spectrum envelopes from formant frequencies. - In: For Roman Jakobson. The Hague, 1956, p. 109-120.
281. F i r t h J.R. Papers in linguistics, 1934-1961. London, 1958. 234 p.
282. F ó n a g y I. Communication in poetry. - Word, 1961, vol. 17, N 2, p. 194-218.
283. F ó n a g y I. Die Metaphern in der Phonetik. The Hague, 1963. 132 S.
284. F ó n a g y I. Contribution to the phusei - thesei debate. - In: Omagiu lui A. Rosetti. București, 1965, p. 251-257.
285. F r ö h l i c h A. Zusammenhang zwischen Lautform und Bedeutung bei Englischen Wörtern. - Die neueren Sprachen, 1925, Bd. 33, S. 27-42, 127-141.
286. F u d g e E. Phonological structure and "expressiveness". - J. Ling., 1970, vol. 6, p. 161-188.
287. G a l p e r i n I. Stylistics. M., 1971. 343 p.
288. G i n n e k e n J. van. Principes de linguistique psychologique. Paris, 1907. 552 p.
289. G q m b o c z Z. A magyar történeti nyelvtan vázlata. Jelentéstan, IV. Pécs, 1926. 217 S.
290. G o n d a J. Some remarks on onomatopoesia, sound-symbolism and word formation à propos of the theories of C.N. Maxwell. - Tijdschr. v. indische taal-, land- en volkenkunde, 1940, Bd. 80, S. 153-210.
291. G r a m m o n t M. Onomatopées et mots expressifs. - Revue des langues romanes, 1901, vol. 44, N 1, p. 97-158.
292. G r a m m o n t M. La psychologie et la phonétique. III. La phonétique impressive. - J. psych. norm. et pathol., 1930, vol. 27, p. 544-613.
293. G r a u r A. Les consonnes geminées en latin. Paris, 1929. 237 p.
294. G r a u r A. Contribuții la studiul raportului dintre formă și continutul cuvintelor. - Studii și cercetări lingvistice, 1953, vol. 4, p. 89-97.

295. G r a u r A. Sur le symbolisme phonétique. - Recueil d'études romanes. Bucarest, 1959, p. 73-78.
296. G u i l l i e l m i Gesenius thesaurus philologicus criticus linguae Hebraeae et Chaldaee Veteris Testamenti. Lipsiae, 1835, t. I, fasc. 2, 147 p.
297. G u i r a u d P. Langage et versification d'après l'oeuvre de Paul Valéry. Paris, 1953. 239 p.
298. H e r d a n G. Quantitative linguistics. London, 1964. 284 p.
299. H e r d e r J. Abhandlung über den Ursprung der Sprache. Stuttgart, 1969. 176 p.
300. H e w e s G. The current status of the gestural theory of language origin. - In: Origins and evolution of language and speech. Annals of the New York Acad. of Sci. New York, vol. 280, p. 482-504.
301. H i l m e r H. Schallnachahmung, Wortschöpfung und Bedeutungs wandel. Halle, 1914. 356 S.
302. H o u s e h o l d e r F. On the problem of sound and meaning, an English phonestheme. - Word, 1946, vol.2, p. 83-84.
303. H o u s e h o l d e r F. Azerbaijani onomatopoes. - In: American studies in Altaic linguistics. Bloomington, 1962, p. 115-121.
304. H u m b o l d t W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1876. I. Bd., 421 S. 2. Bd., 644 S.
305. I o r d a n I. An introduction to Romance linguistics. London, 1937. 403 p.
306. I o r d a n I. Stilistica limbii române. București, 1944. 399 p.
307. I o r d a n I. Lingvistica romanică. (Evoluție. Curente. Metode). București, 1962. 439 p.
308. J a k o b s o n R. [Diskussion] - Zeichen und System der Sprache. Berlin, 1962, Bd. 2, S. 51.
309. J a k o b s o n R. Quest for the essence of language. - In: Roman Jakobson. Selected writings. The Hague, 1971, vol. 2, p. 345-359

310. J a k o b s o n R., H a l l e M. Fundamentals of language. The Hague, 1956. 87 p.
311. J a k o b s o n R., W a u g h L. The sound shape of language. Bloomington, 1979. 308 p.
312. J a y n e s J. The evolution of language in the late Pleistocene. - In: Origins and evolution of language and speech. Annals of the New York Acad. of Sci. New York, 1976, vol. 280, p. 312-325.
313. J e s p e r s e n O. Symbolic value of the vowel i. - In: Jespersen O. Linguistica. Copenhagen, 1933, p. 283-303.
314. J e s p e r s e n O. Monosyllabism in English. - Proc. Brit. Acad. Sci., 1928, vol. 14. p. 341-368.
315. J e s p e r s e n O. Language. (Its nature, development and origin.) London, 1949. 448 p.
316. J e s p e r s e n O. A Modern English grammar on historical principles. - London; Copenhagen, 1954, pt. 6. 570 p.
317. J ó h a n n e s s o n A. Origin of language. Reykjavík, 1949. 171 p.
318. J ó h a n n e s s o n A. Some remarks on the origin of the n-sound. Reykjavík, 1954. 68 p.
319. J o n e s A. Sound. New York, 1937. 450 p.
320. K l u g e F. Abriss der deutschen Wortbildungslehre. Halle, 1913. 68 S.
321. K o e n i g W., D u n n H., L a o y L. The sound spectrograph. - J. Acoust. Soc. Amer., 1946, vol. 18, p. 19-49.
322. К о р е њ у F. Slavističký přehled k problemu t. zv. elementární příbuznosti. - Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957, с. 363-387.
323. K o ř í n e k J.M. Studie z oblasti onomatopoeje. Praha, 1934. 296 p.
324. K o ř í n e k J.M. Zur lautlichen Struktur der interjektionalen Sprachgebilde. - Slavia, 1937, vol. 15, p. 43-52.

325. K o s i o l H. Handbuch der englischen Wortbildungslehre. Heidelberg, 1937. 260 p.
326. K r o n a s s e r H. Handbuch der Semasiologie. Heidelberg, 1952. 204 p.
327. K r u y s k a m p C. Iets over klankschildering of expressieve klankwaarden. - Tijdschr. v. Nederl. taal- en letterk., 1942, deel 62, S. 3-13.
328. L a m e n d e l l a J. Relations between the ontogeny and phylogeny of language: a neo-recapitulationist view. - In: Origins and evolution of language and speech. Annals of the New York Acad. of Sci. New York, 1976, vol. 280, p. 396-412.
329. L a n g d o n M. Sound symbolism in Yuman languages. - Studies in American Indian languages, 1971, vol. 65, p. 149-173.
330. L e h m a n n E. Le sémantisme des mots expressifs en Suisse Romande. - In: Romanica Helvetica. Berne, 1949, vol. 34. 146 p.
331. L e n n e b e r g E. Biological foundations of language. New York, 1967. 489 p.
332. L e o n h a r d K. Der menschliche Ausdruck in Mimik, Gestik und Phonetik. Leipzig, 1976. 315 p.
333. L e s k i e n A. Schallnachahmung und Schallverba in Litauischen. - Indogerm. Forschungen, 1902-1903, Bd. 13, S. 165-212.
334. L é t o u r n e a u J., A r t i z z u M. Les effets de stimuli sonores sur la vision des couleurs, le champ visuel et l'acuité. - Atti della fondazione G. Ronchi, 1974, vol. 29, N 5, p. 707-712.
335. L e w i s M. Infant speech. London, 1936. 335 p.
336. M a c d e r m o t t M. Vowel sounds in poetry, their music and tone-colour. - In: Psyche monographs. London, 1940, N 13. 148 p.
337. M a l k i e l Y. Etymology and general linguistics. - Word, 1962, vol. 18, N 2, p. 198-219.
338. M a l m b e r g B. Structural linguistics and human communication. Berlin, 1963. 210 p.

339. M a r c h a n d H. Die Bildung der lautsymbolischen Wörter im Türkischen. - Oriens, 1953, Bd. 6, S. 50-62.
340. M a r c h a n d H. Phonetic symbolism in English word-formation. - Indogerm. Forschungen, 1959, Bd. 64, Hf. 2, S. 146-168; Hf. 3, S. 256-277.
341. M a r c h a n d H. The categories and types of present-day English word formation. Wiesbaden, 1960. 379 p.
342. M a r t i n S. Phonetic symbolism in Korean. - In: American studies in Altaic linguistics. Bloomington, 1962, p. 177-189.
343. M a x w e l l Ch.W. The Malay language and how to learn it. Kuala Lumpur, 1933. 94 p.
344. M a x w e l l Ch.W. Light in the Malay language. - J. Malayan Branch, Royal Asiat. Soc., 1936, vol. 14, pt. 3, p. 89-154.
345. M e a d e r C., M u y s k e n s J. Handbook of biolinguistics. Toledo, Ohio, 1962, pt. I, 340 p.
346. M e i n h o f C. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Berlin, 1948. 235 p.
347. M e y e r - L ü b k e W. Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1901. 224 S.
348. M i r a m b e l A. La langue grecque moderne. Paris, 1959, 473 p.
349. M i r o n M. A cross-linguistic investigation of phonetic symbolism. - J. Abnorm. a. Soc. Psychol., 1961, vol. 62, p. 623-630.
350. M o r r i s Ch. Foundations of the theory of signs. Chicago, 1938. 59 p.
351. N i d a E. A system for the description of semantic elements. - Word, 1951, vol. 7, p. I-14.
352. N o r e e n A. Vårt språk. Lund, 1904, Bd. 5. 128 S.
353. N y r o p K. Ordenelev. København, 1927. 210 S.
354. O e h l W. Elementare Wortschöpfung. - Anthropos, 1917-1918, Bd. XII-XIII: S. 575-624, 1047-1068; 1923-1924, Bd. XVIII-XIX: S. 858-879.
355. O g d e n Ch., R i c h a r d s I. The meaning of meaning. London, 1946, 363 p.

356. O r r J. On some sound values in English. - Brit. J. Psychol., 1944, vol. 35, pt. I, p. I-8.
357. O s w a l t R. Inanimate imitatives in Pomo. - Studies in American Indian languages. 1971, vol. 65, p. 179-190.
358. P a g e t R. Human speech. London, 1930. 360 p.
359. P a u l H. Der Ursprung der Sprache. - Beilage zur Allg. Zeitung. Jg., 1907, N 13, 14.
360. P e i r c e Ch. Speculative grammar. - In: Peirce Ch. Collected papers. Cambridge (Mass.), 1960, vol. 2, p. 129-269.
361. P e r s s o n P. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala; Leipzig, 1912, Teil I, 549 S.; Teil 2, III3 S.
362. P e t e r f a l v i J.-M. Recherches expérimentales sur le symbolisme phonétique. Paris, 1970. 174 p.
363. P r i b r a m K. Language in a sociobiological frame. - In: Origins and evolution of language and speech. Annals of the New York Acad. of Sci. New York, 1976, vol. 280, p. 798-809.
364. R a m s t e d t G. Über onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen. - J. Soc. Finno-ougrienne, 1951, N 55, p. 106-112.
365. R é v é s z G. Ursprung und Vorgeschichte der Sprache. Bern, 1946. 156 S.
366. R o b i n s o n B. Vocalization evoked from forebrain in Macaca mulatta. - Physiol. Behav., 1967 N 2, p. 345-354.
367. R o b i n s o n B. Limbic influences on human speech. - In: Origins and evolution of language and speech. Annals of the New York Acad. of Sci. New York, 1976, vol. 280, p. 761-771.
368. R o s e t t i A. Introducere in fonetica. București, 1957. 113 p.
369. R o s e t t i A. Asupra valorii expresive a sunetelor vorbite. - Studii și cercetări lingvistice, 1965, vol. 16, N 5, p. 577-578.

370. S a m a r i n W. Perspective on African ideophones. - African Studies, 1965, vol. 24, p. II7-II1.
371. S a p i r E. Diminutive and augmentative consonantism in Wishram. - In: Handbook of American Indian languages. Bull., 1911, vol. 40, pt. I, p. 638-645.
372. S a p i r E. A study in phonetic symbolism. - J. Experiment. Psychol., 1929, vol. 12, p. 225-239.
373. S a p i r E. Sound patterns in language. - In: Sapir E. Selected writings. Berkeley, 1949, p. 33-45.
374. S o h e m i n z k y F. Die Welt des Schalles. Salzburg, 1943. 820 S.
375. S o h m i d t K.-H. Onomatopoetisches in der Tierwelt der Georgier. - Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1957, Bd. II, S. 39-45.
376. S o h w e n t n e r E. Die primären Interjektionen in den indogermanischen Sprachen. Heidelberg, 1924. 68 S.
377. S o u p i n E., S o u p i n G. Bubis erste Kindheit. Leipzig, 1907. 173 S.
378. S i e b e r e r A. Primäre oder sekundäre Lautbedeutbarkeit? - Anzeiger Osterr. Akad. Wiss. Philos.-hist. Klasse, 1947, Bd. 84, N 7, S. 35-52.
379. S m i t h L.P. The English language. London, 1930. 256 p.
380. S m i t h e r s G.V. Some English ideophones. - Archivum Linguisticum, 1954, vol. 6, N 2, p. 73-III.
381. S o m m e r F. Lautnachahmung. - Indogerm. Forschungen, 1933, Bd. 51, S. 229-268.
382. S p e r b e r H. Über den sexuellen Ursprung der Sprache. - Imago, 1912, Bd. I, S. 405-453.
383. S p i t z e r L. Ital. farfalla "Schmetterling". - Archiv f. das Studium der neueren Sprachen u. Literaturen, 1921, Bd. 141, S. 146-149.
384. S p i t z e r L. Stilstudien. München, 1928. Bd. I. S. 85-100.
385. S t a n k i e w i o z E. Problems of emotive language. - Approaches to semiotics. The Hague, 1964, p. 239-264.
386. S t e i n t h a l H. Der Ursprung der Sprache. Berlin, 1858. 142 S.

387. S t e k l i s H., H a r n a d S. From hand to mouth: some critical stages in the evolution of language. - In: Origins and evolution of language and speech. Annals of the New York Acad. of Sci. New York, 1976, vol. 280, p. 445-455.
388. S t e r n C., S t e r n W. Die Kindersprache. Leipzig, 1907. 394 S.
389. S t o p a R. Die Schnalze. Krakow, 1935, 96 S.
390. S t r e h l e H. Mienen. Gesten und Gebarden. Munchen, 1954. 137 S.
391. S t u t t e r h e i m C. De taalen haar klank-logica. - De nieuwe taalgids, 1933, Bd. 27, s. 361-379.
392. T a n n e r N., Z i e h l m a n A. The evolution of human communication: what can primates tell us? - In: Origins and evolution of language and speech. Annals of the New York Acad. of Sci. New York, 1976, vol. 280, p. 467-480.
393. T a y l o r I. Phonetic symbolism re-examined. - Psychol. Bull., 1961, vol. 60, N 2, p. 200-209.
394. T a y l o r I., T a y l o r M. Another look at phonetic symbolism. Psychol. Bull., 1965, vol. 64, N 6, p. 117-124.
395. T h o r n d i k e E. On Orr's hypotheses concerning the front and back vowels. - Brit. J. Psychol. Gen. Sect., 1945, vol. 36, pt. I, p. 10-13.
396. T i s o h l e r H. Schreien, Lallen und erstes Sprechen in der Entwicklung des Säuglings. - Z. Psychol., 1957, 160. Bd. S. 209-263.
397. T o o r n M.C. van den. Nederlandse grammatica. Groningen, 1975. 302 S.
398. T r a g e r G. Paralanguage: A first approximation. - In: Language in culture and society. New York, 1964, p. 274-288.
399. U l e n b r o o k J. Einige Übereinstimmungen zwischen dem Chinesischen und dem Indogermanischen. - Anthropos, 1967, Bd. 62, N 3/4, S. 533-551.

400. U l l m a n n S. The principles of semantics. Glasgow, 1961. 314 p.
401. U l l m a n n S. Semantics. New York, 1962. 278 p.
402. U l l m a n n S. Semantic universals. - Universals of language. Cambridge (Mass.), 1963. p. 172-207.
403. U l t a n R. A case of sound symbolism in Konkow. - Studies in American Indian languages, 1971, vol. 65, p. 295-301.
404. U l v i n g T. Indo-European elements in Chinese? - Anthropos, 1968/69, Bd. 63/64, S. 944-957.
405. U r t e l H. Zur baskischen Onomatopoesis. - Sitzungsberichte d. Preuss. Akad. Wiss. Berlin, 1919, S. 138-157.
406. V o o y s C.G.N. de. Klanknabootsing, klanksymboliek, klankexpressie. - Mededelingen Kon. Nederl. Akad. v. Wetenschappen, afd. letterkunde, 1942, Bd. 5, N 3, S. 213-241.
407. V o o y s C.G.N. de. Nederlandse spraakkunst. Groningen, 1967. 429 S.
408. W a o k e r n a g e l W. Voces variae animantium. Basel, 1869. 179 S.
409. W a k e l i n M. English dialects. London, 1977. 208 p.
410. W a r t b u r g W. Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft. Tübingen, 1962. 248 S.
411. W e r n e r H., K a p l a n B. Symbol formation. New York, 1963. 530 p.
412. W e s c o t t R. Protolinguistics: the study of proto-languages as an aid to glossogenic research. - In: Origins and evolution of language and speech. Annals of the New York Acad. of Sci. New York, 1976, vol. 280, p. 104-116.
413. W e s s e n B. Schwedische Sprachgeschichte. Berlin, 1970, Bd. 2. 186 S.
414. W h o r f B.L. Language: Plan and conception of arrangement. - In: Language, thought and reality. London, 1956, p. 125-133.
415. W i l k i n s o n R. Onomatopoesia in Malay. - J. Malay-an Branch Roy. Asiat. Soc., 1936, vol. 14, pt. 3, p. 72-88.

416. W i l m a n n s W. Deutsche Grammatik. Strassburg, 1896, Abt. 2. 663 S.
417. W i s s e m a n n H. Untersuchungen zur Onomatopoeie. Heidelberg, 1954, I. Theil. 241 S.
418. W i t t o c h Z. Onomatopées românești ou -ng-/-no-. Mélanges linguistiques offerts à Emil Petrovici. Cercetări de lingvistică. III. Supliment, 1958, p. 548-559.
419. W i t t o c h Z. Quelques notions nouvelles concernant les onomatopées: le type, la gamme, la série, la voyelle-type. - Studii și cercetări lingvistice, 1960, vol. II, N 3 (Omăgiu lui A. Graur), p. 783-796.
420. W u n d t W. Völkerpsychologie. Die Sprache. Leipzig, 1900, Bd 1. 644 S.; 1905, Bd 2. 1098 S.; 1909, Bd 3. 792 S.
421. Z e i c h e n u n d System der Sprache. Berlin, 1962, Bd 2 259 S.

Справочные издания

422. Б о л ь ш а я С о в е т с к а я Э н ц и к л о п е д и я. 2-е изд. М., 1949-1958, т. I-51; 3-е изд. М., 1970-1978, т. I-30.
423. И л л и ч - С в я т и ч В.М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь. М., 1971, 370 с.; 1976. 156 с.
424. К о р я г о д с к и й Р.Н., К о н д р а ш к и н О.Н., З и н о в ь е в Б.И. Индонезийско-русский словарь. М., 1961. II 71 с.
425. П р е о б р а ж е н с к и й А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959, т. I. 674 + 5 с.; т. II, 144 с.
426. С е в о р т я н Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, т. I. 767 с.; 1978, т. II. 349 с.
427. T h e O x f o r d E n g l i s h d i c t i o n a r y. Oxford, 1933, vol. I-XII; Supplement.
428. P i e r o n H. Vocabulaire de la psychologie. Paris, 1963. 527 p.
429. T h e s h o r t e r O x f o r d E n g l i s h d i c t i o n a r y. Oxford, 1964, vol. I. 1306 p.; vol. II. 1209 p.
430. W e b s t e r ' s n e w i n t e r n a t i o n a l d i c t i o n a r y o f t h e E n g l i s h l a n g u a g e. 2nd ed. Springfield, 1958, 3194 p.
431. W e d g w o o d H. A dictionary of English etymology. London, 1872. 744 p.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

І. Перечень символов

а) В моделях ономактопов

CONS	-	согласный	
CLICK	-	кликс	
PLOS	-	взрывной	
AFFR	-	аффриката	
FRIC	-	фрикативный	
SIB	-	сibilант (свистящий)	
R	-	фонема /r/ в ее вибрантной (VIBR) или невибрантной (NVIBR) разновидностях	
R _f	-	R-формант	
SON	-	сонорный	
NAS	-	носовой (назальный)	
LAB	-	губной (лабиальный)	
LAT	-	латеральный (фонема /l/)	
MED	-	среднеязычный	
GUTT	-	гutturальный ^І	
^	-	знак глухости согласного (напр., FRIC ^ - глухой фриктивный)	
∨	-	знак звонкости согласного (напр., FRIC ∨ - звонкий фриктивный)	
VOC	-	гласный	
⌒	-	знак краткости гласного (VOC ⌒ - краткий гласный)	
—	-	знак долготы гласного (VOC — - долгий гласный)	
L	-	знак низкого (акустически) гласного	

^І Термином "гutturальные" целесообразно обобщить группу артикуляций, происходящих в глубине речевого аппарата: в полости глотки (фарингальный /п/) и в области задней доли спинки языка и мягкого неба (заднеязычные /к/, /г/, /п/).

- Н - знак высокого (акустически) гласного
 3 - знак интенсивного (акустически) гласного
 W - знак неинтенсивного (акустически) гласного
 / - 'либо', 'или' (напр. $vos^{L/H}$, S/W - краткий гласный, низкий либо высокий, интенсивный либо неинтенсивный)
 (), [] - в модели ономотапа обозначают необязательность стоящего внутри их элемента (элементов)

б) В моделях пейоративов

- V - нелабиальный гласный
 V^L - лабиальный гласный
 C - нелабиальный согласный
 C^L - лабиальный согласный
 3 - сонорный

2. Перечень сокращений^I

Я з ы к и

амер.	- американский (американский вариант английского языка)	баск.	- баскский
англ.	- английский	баш.	- башкирский
араб.	- арабский	бирм.	- бирманский
арм.	- армянский	брит.	- британский (британский вариант английского языка)
афганск.	- афганский (пушту)	бурят.	- бурятский

^I Без сокращений приводятся ссылки на ЭИ-материал из языков: арамейского, беджа, зулу, йегу, каффа, кашайя, китайского, кодагу, конде, малаялам, малто, маори, монгольского, сомали, суахили, тигринья, тода, тулу, халха, хауса, хинди, цимши, эве, а также из индоиранских языков Гиссарской долины.

валлийск.	- валлийский	исп.	- испанский
венг.	- венгерский	итал.	- итальянский
вепоск.	- вепсский	каз.-тат.	- казанско-татар- ский
вост.-чад.	- восточно-чад- ские	киргиз.	- киргизский
голл.	- голландский	копт.	- коптский
гот.	- готский	кор.	- корейский
гр.	- (древне)гре- ческий	кхмер.	- кхмерский
груз.	- грузинский	лат.	- латинский
др.-в.-и.	- древневерх- ненемецкий	лит.	- литовский
др.-герм.	- древнегер- манский	малайск.	- малайский
др.-груз.	- древнегру- зинский	мальгаш.	- мальгашский
др.-евр.	- древнеев- рейский	маньчж.	- маньчжурский
др.-егип.	- древнееги- петский	марийск.	- марийский
др.-инд.	- древнеин- дийский	мк.	- минангкабау
др.-ирл.	- древнеир- ландский	мордов.	- мордовский
др.-исл.	- древнеис- ландский	(мокшан.)	- (мокшанский)
др.-рус.	- древнерус- ский	нанайск.	- нанайский
др.-сакс.	- древнесак- сонский	негидал.	- негидальский
евр.	- еврейский	нем.	- немецкий
зап.-судан.	- западносу- данский	новоевр.	- нововврейский
и.-е.	- индоевропей- ский	ностр.	- ностратическая праформа
индонез.	- индонезий- ский	орок.	- орокский
		осет.	- осетинский
		рус.	- русский
		сайд.	- сайдский
		селькуп.	- селькупский
		семит.	- общесемитская форма
		тадж.	- таджикский
		тамил.	- тамильский
		тохар.	- тохарский
		тувин.	- тувинский
		тур.	- турецкий
		удмурт.	- удмуртский

узб. - узбекский
фин. - финский
фр. - французский
хетт. - хеттский
хотан. - хотаносакокий
чуван. - чувашский
нотл. - нотландский

эвенк. - эвенкийский
эвен. - эвенский
энецк. - энецкий
эстон. - эстонский
яв. - яванский
якут. - якутский
япон. - японский

Stanislav V. VORONIN

FUNDAMENTALS OF PHONOSEMANTICS

Summary

The emergence of new fields of scholarly inquiry, as well as of new branches of science, is the hallmark of our age, and linguistics is no exception here. Important facts in the field of primary motivation are knocking, in an ever increasing number, at the researcher's door clamoring for reappraisal and explanation. Log-sided and compartmentalized attempts at explaining the facts in terms of either phonetics or semantics have largely proved fruitless. An integrative approach is therefore indicated, and phonosemantics is, the author believes, the answer.

Phonosemantics deals with the vast domain of primary motivation (as instanced by onomatopoeia and sound symbolism). This book is an introduction to the new emerging science of phonosemantics.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
<u>Раздел I. ФОНОСЕМАНТИКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ</u> <u>ДИСЦИПЛИНА</u>	6
Глава I. Предпосылки фоносемантики	"
§ 1. Внешние предпосылки	"
§ 2. Внутренние (лингвистические) предпосылки..	8
Глава 2. Исходные теоретические положения	21
§ 3. Фоносемантика: цель, задачи, проблематика, разделы	"
§ 4. Принципы фоносемантики	24
<u>Раздел II. ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА</u> <u>В ПАНТОПОХРОНИИ</u>	39
Часть I. Синхронический аспект	"
Отдел I. Звукоподражательная подсистема	"
Глава 3. Акустический денотат	"
§ 5. Параметры звучаний	"
§ 6. Классификация звучаний	41
§ 7. Стрoение денотата	42
Глава 4. Звукоподражательные слова	44
§ 8. Типология звукоподражательных слов	"
§ 9. Отражение денотата	67
§ 10. Звукоизобразительные функции фонемотипов звукоподражательных слов	68
Отдел II. Звукосимволическая подсистема	70
Глава 5. Неакустический денотат	71

§ 11. Кинемы	71
§ 12. Синестемия	77
Глава 6. Звукосимволические слова	87
§ 13. Признаки звукосимволического слова	"
§ 14. Кинесемизмы	90
§ 15. Синестемизмы	107
§ 16. Звукоизобразительные функции фонемотипов звукосимволических слов	108
Глава 7. Звукосимволизм в грамматике и в тексте	110
§ 17. Звукосимволизм в грамматике	"
§ 18. Звукосимволизм в тексте	118
Часть II. Генетический и диахронический (эволюционный) аспекты	122
Глава 8. Лингвистическая экстраполяция	"
Глава 9. Происхождение языка	125
§ 19. Исходные разграничения	"
§ 20. Изобразительное происхождение языка	129
Глава 10. Эволюция языка	145
§ 21. Онтогенетическая эволюция	"
§ 22. Филогенетическая эволюция	147
<u>Раздел III. ТЕОРИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ</u> В ПАНТОПОХРОНИИ	157
Глава II. Категории фоносемантики	"
§ 23. Звукоизобразительная система как категория фоносемантики	"
§ 24. Пантопохрония как категория фоносемантики	177
Глава 12. Экспланаторно-предикторные и эвристические возможности фоносемантики	179

5
42 Sp 2/5

§ 25. Фоносемантические регулярности	179
§ 26. Эвристические возможности фоносемантики ...	192
В заключение	198
Литература	207
Приложение	
1. Перечень символов	238
2. Перечень сокращений	239
Summary	242

